

Б 21-00
7

Б.С. СУЛЕЙМЕНОВ
В.Я. БАСИН

КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ РОССИИ

**в
XVIII-
начале
XX
века**

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •
КАЗАХСКОЙ ССР

Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. — 247 с.

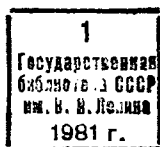
В книге исследуются истоки великого содружества русско-го и казахского народов, внутреннее и внешнеполитическое положение края, существенные изменения, происшедшие в нем в результате вхождения в состав Русского государства.

Авторы рассматривают процесс проникновения в Казахстан капиталистических отношений, развитие русско-казахских политико-дипломатических и торгово-экономических связей. Большое внимание уделяется переселенческому движению, классовой борьбе русского, казахского и других народов.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, пропагандистов и всех интересующихся историческим прошлым казахского народа.

Ответственный редактор

академик АН КазССР А. Н. НУСУПБЕКОВ

С $\frac{10604-101}{407(07)-81}$ 12.81.0505040000

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена 250-летию присоединения Казахстана к России, начало которому положило принятие казахами Младшего жуза подданства Российского государства. Процесс вхождения всей территории Казахстана в состав России длился более ста лет, а его предпосылки своими корнями восходят к эпохе Киевской Руси. В «Повести временных лет» и в трактате Кадыргали Джалаири «Джами ат-Таварих» содержатся интересные сведения о торгово-экономических контактах между русскими княжествами и кипчакским объединением. После возникновения казахских ханств и установления общей государственной границы в результате присоединения народов Поволжья к России торговые связи между Русью и Казахстаном развивались вглубь и вширь. В дальнейшем экономические контакты казахского и русского народов создали предпосылки для военного союза, в частности для борьбы с ханством Кучума в конце XVI столетия. Разгром последнего и присоединение Западной Сибири к России содействовали усилению влияния Русского государства на казахские ханства.

Казахский народ был заинтересован в непосредственном общении с русскими и все больше проявлял интерес к России. Стремление народа поддерживалось ханом Тевекелем, который впервые выдвинул вопрос о принятии российского подданства. Эту же идею активно защищал хан Тауке. Но предложение о принятии русского подданства встретило сопротивление со стороны части феодальной знати и было отложено на неопределенное время.

Между тем внешнеполитическое положение казахских

жузов ухудшалось в связи с объединением ойратских племен в Джунгарское ханство. Несмотря на реальную опасность вражеского нашествия, внутри казахских жузов продолжались усобицы феодальной знати, соперничество и борьба за ханскую власть, что мешало объединению казахского народа для отпора врагу. Тяжелые последствия джунгарского нашествия сохранились в народной памяти. Под давлением народных масс казахские ханы согласились объединиться против общего врага, во главе народного ополчения стал хан Младшего жуза Абулхаир. В 1726 г. казахские ополченцы одержали первую победу, отбросив войска джунгарского хунтайджи, что явилось результатом совместной борьбы народных масс всех трех жузов. Однако после разгрома джунгарских войск в районе оз. Балхаш (1730 г.) в связи со смертью старшего хана Болата (сына Тауке-хана) разгорелась борьба за верховную власть.

В такой сложной обстановке Абулхаир-хан отправил в Петербург своих посланников с просьбой принять его со своим народом в подданство России. В ответ на это в Петербурге была подписана грамота хану Абулхаиру и «всему казахскому народу» о принятии их в подданство.

«Подлинное значение исторических событий, крупных политических решений выявляется, как правило, не сразу, не по горячим следам, а позднее, когда можно сопоставить намерения с полученными результатами, оценить фактическое воздействие этих событий и решений на те или иные стороны жизни. Историческая дистанция, делая малозаметными детали, частности, позволяет тем самым лучше, рельефнее видеть главное и основное»¹. В полной мере это высказывание относится и к акту присоединения Казахстана к России. Это событие стало поворотным в исторических судьбах казахов. Несмотря на колониальную политику царизма, оно в конечном счете отвечало коренным интересам казахского народа. Приобщение Казахстана к общероссийскому историческому процессу способствовало развитию производительных сил и производственных отношений в крае. На территории Казахстана появились очаги промышленности, строились железные дороги, русский капитализм распространялся вширь. Социально-экономические сдвиги оказывали су-

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 4. М., 1974, с. 437.

щественное влияние на этносоциальные процессы: формировались национальные кадры рабочего класса, зарождалась казахская буржуазия. Происходил процесс социальной поляризации казахского аула, беднота, покидая аул, пополняла ряды рабочих промышленности, транспорта. Вследствие массового переселения крестьян из России в Казахстан шаруа непосредственно общались с русскими, украинскими крестьянами-земледельцами, в степи развивались оседло-земледельческие поселения.

Близкое общение казахского населения с русскими людьми явилось одним из важных факторов проникновения в Казахстан передовой культуры и общественной мысли. Обширный и богатый край привлекал внимание русских ученых — географов, востоковедов и этнографов, которые ознакомили русскую общественность с укладом жизни и быта казахского народа.

Духовное богатство русского народа оказало прогрессивное воздействие на формирование научно-просветительских взглядов Чокана Валиханова, Ибрагима Алтынсарина, Абая Кунанбаева и их последователей; они были глашатаями русской культуры и демократических идей в Казахстане. В деле создания русско-казахских школ значительную роль сыграли русские политические ссыльные, многие из которых работали учителями.

Так шаг за шагом складывались условия для совместного труда и борьбы против самодержавия, истоки которой уходят к XVIII в., когда казахские шаруа участвовали в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева.

В 1905—1907 гг., когда российский пролетариат во главе с партией большевиков возглавил движение народных масс против самодержавия, казахские трудящиеся последовали за русским рабочим классом, за большевистской партией, высоко несшей знамя пролетарского интернационализма. В результате совместной борьбы и труда казахские трудящиеся все яснее осознавали общность своих классовых интересов с интересами русских рабочих и крестьян, что имело существенное значение для развития народно-освободительного движения в Казахстане. Народное восстание 1916 г., нанеся ощутимый удар по царизму, сомкнулось с Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями.

Усиление революционной борьбы трудящихся в годы первой мировой войны, ясное осознание общности классовых интересов рабочих и крестьян многонациональной России нашли свое выражение в победоносной Великой Октябрьской социалистической революции — главном событии XX столетия.

Победа Великого Октября явилась могучим источником социально-политического, экономического и культурного прогресса казахского народа и других наций и народностей нашей великой Родины.

Академик АН КазССР *А. Нусупбеков*

ВВЕДЕНИЕ

До Великой Октябрьской социалистической революции специальных исследований по истории присоединения Казахстана к России не было. Немногочисленные сведения, имеющие отношение к «киргиз-кайсацкой степи», содержались главным образом в работах официальных лиц, военных и ученых-этнографов и служили для решения военно-стратегических задач. Ряд из них посвящен описанию хозяйства и быта казахов, географического положения края¹. Однако некоторые труды до сих пор являются ценнейшим источником по истории дореволюционного Казахстана².

Официальная историография второй половины XIX —

---

¹ Исторический обзор дореволюционной литературы по теме см.: *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата, 1948, с. 7—17; *Она же.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960, с. 5—10; *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 9—17; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата, 1971, с. 3—30; *Семенюк Г. И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма: На материалах Казахстана. Калинин, 1974, с. 68—72.

² См.: *Рычков П. И.* История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. — Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Ч. 2, 9. Спб., 1759. Отд. изд. под ред. и прим. Н. М. Гутяра. Оренбург, 1896; *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I—III. Спб., 1832; *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. — В кн.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. X. Спб., 1865; *Добросмыслов А. И.* Тургайская область: Исторический очерк. Вып. II. Тверь, 1902.

начала XX в. не занималась историей Средней Азии и Казахстана в указанном аспекте. Конкретные положения таких исследований сводились к восхвалению колониальной политики царизма. При этом приводилась масса фактов по военной истории и почти полностью игнорировалась социально-экономическая сторона вопроса. Историки данного направления, как правило, являлись военными³. С официальных позиций написана книга А. Тальзина⁴. В вышедшей в начале XX в. работе Н. Г. Павлова «История Туркестана» также много места отводится объяснению сущности политики России на Востоке⁵.

Более объективны проникнутые сочувствием к казахскому народу работы А. И. Добросмыслова, служившего ветеринарным врачом Тургайского областного правления⁶.

Наиболее значительные и фундаментальные труды в области казахстанской медиевистики были написаны выдающимися востоковедами своего времени В. В. Вельяминовым-Зерновым, В. В. Григорьевым, В. В. Бартольдом, В. В. Радловым, которые привлекли для исследования почти весь доступный исторический материал. В их работах нашли отражение процессы инфильтрации монголов в тюркоязычную среду и их ассимиляция, политическая жизнь государственных объединений XV—XVIII вв., казахско-джунгарские отношения, биографические этюды, самобытная культура Казахстана так называемого послемонгольского периода. Большой охват фактического материала, широта вопросов, обоснованность многих решений побуждают и современного исследователя обращаться к ним.

Немалую роль в изучении истории казахского народа и характера русско-казахских отношений сыграли представители русской разночинной интеллигенции —

---

³ См.: *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. I—III. Спб., 1868; *Кологривов Ю.* Русские владения в Средней Азии. Два чтения. Сост. Кологривов Ю. Чтение первое: наши завоевания в Средней Азии. Чтение второе: об обитателях и городах Средней Азии. Спб., 1888.

⁴ *Тальзин А.* Пишпекский уезд: Исторический очерк (1850—1863). — В кн.: Памятная книжка Семиреченской области. Т. 1. Верный, 1898.

⁵ *Павлов Н. Г.* История Туркестана в связи с историческим очерком сопредельных стран. Ташкент, 1911, с. 1.

⁶ *Добросмыслов А. И.* Тургайская область, с. 4.

В. И. Даль, Е. П. Харузин и др. Их исследования, посвященные культуре и быту казахского народа, отличаются достоверностью, сочувствием к его бесправному положению. В них звучит призыв к просвещению коренного населения и улучшению его жизненных условий.

На идеях революционеров-демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, выступавших против искажения отечественной истории дворянскими и буржуазными учеными и выдвигавших в качестве основной движущей силы исторического развития народные массы, были воспитаны выдающиеся казахские просветители Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев.

В условиях начавшегося разложения патриархально-феодальных отношений и национальной раздробленности они осудили строй насилия, эксплуатации, родовые междоусобицы, звали народ к просвещению, единению, укреплению связей с прогрессивными кругами России, к освоению передовой демократической русской культуры «Главное научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских... Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык — на мир откроются и твои глаза»⁷. И. Алтынсарин выразил надежду, что «молодое поколение киргизов будет смотреть на язык и русскую грамоту как на единственный язык культуры и знаний: пристрастится к ним и будет развиваться в русском, более или менее, духе»⁸. В произведениях Ч. Ч. Валиханова мы находим точные заключения и детальное изложение событий прошлого, сохранившихся в народной памяти, в частности наиболее трагических моментов в истории казахского народа XVIII в., связанных с джунгарским нашествием и его последствиями.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала принципиально новые условия для развития исторической науки в стране, в том числе и для воссоздания истории народов СССР.

На начальном этапе развития советской историографии ученые столкнулись с необходимостью критического переосмысления наследия старой исторической школы. Однако попытки вырваться из плена буржуазно-дворян-

⁷ Кунанбаев А. Избранное. Т. 2. М., 1945, с. 286.

⁸ Алтынсарин И. Собр. соч. Т. II. Алма-Ата, 1976, с. 237—239.

ской и чиновничье-бюрократической историографической традиции не всегда были удачны. Так, увлеченность революционной идеей и негативное отношение ко всему прошлому привела М. Н. Покровского к выводу о сугубо отрицательной роли буржуазно-дворянской историографии в оценке событий, связанных с процессом и результатами присоединения к России нерусских народов. Отсюда односторонность его оценок. Правильно определяя колонизаторскую сущность политики царизма, М. Н. Покровский не принимал во внимание социально-экономические факторы, поведение тех или иных классов и общественных групп⁹.

В 20-е и даже в предвоенные годы многие авторы все еще освещали проблему присоединения Казахстана и Средней Азии лишь в плане завоевания царизмом колоний, без учета последствий данного процесса¹⁰. Так, П. Г. Галузо, отмечая тормозящее действие «национального гнета и грабежа колоний на экономическое развитие как центра страны, так и самих колоний, не всегда показывает положительные стороны народной колонизации и освоения новых земель. Видимо, процесс развития капитализма вширь с его сложностью не может рассматриваться только как прогрессивное или только как регрессивное явление — различные его стороны требуют и различной оценки»¹¹.

Положительную роль в воссоздании истории казахско-

---

⁹ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1920. В 20-х годах текущего столетия присоединение Казахстана к России рассматривалось только как «абсолютное зло», в 30-х как «наименьшее зло» и лишь в 40-х годах утвердилось мнение о прогрессивности присоединения Казахстана к России. Важные положения по вопросам советской историографии присоединения Казахстана к России высказаны Г. Ф. Дахшлейгером в его книге «В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии» (Алма-Ата, 1973).

¹⁰ Асфендияров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата—Москва, 1935; Тогжанов Г. Казахский колониальный аул. М., 1934; Яковлев Н. Н. Народы Средней Азии в середине XIX в.: Завоевание Средней Азии. М., 1940; Галузо П. Г. Туркестан — колония: Очерк истории колониальной политики царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935.

¹¹ Горюшкин Л. М. Развитие капитализма вширь и характер аграрно-капиталистической эволюции в России периода империализма. — История СССР, 1974, № 2, с. 69.

го народа сыграли труды А. П. Чулошникова¹². Однако автор не смог преодолеть идеалистически-метафизического подхода к истории, допуская ее нигилистическое толкование, несколько переоценивая роль географической среды в этногенезе казахского народа.

В 20—30-х годах специальных исследований по интересующей нас проблеме не было. Мы найдем лишь некоторые упоминания в работах А. П. Чулошникова, историческом обзоре Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло, небольшие главы в первых опытах составления истории Казахстана С. Д. Асфендиарова и М. П. Вяткина. В целом до Великой Отечественной войны внимание историков было приковано главным образом к двум проблемам: общественно-экономическому положению, политическому строю казахского аула, включая первые годы Советской власти, и к революционному и национально-освободительному движению в начале XX в. Вокруг обеих проблем, особенно вокруг первой, развернулась широкая дискуссия. Одна группа участников дискуссии, выражая идеологию контрреволюционной Алаш-Орды, пыталась доказать, что у казахов-кочевников господствовал «родовой строй» и поэтому в ауле не было классовой дифференциации и классовой борьбы¹³. Попытки вскрыть сущность социальных отношений в казахском ауле закончились неудачей¹⁴. Против теории «родового строя» выступили С. Д. Асфендиаров, Г. Тогжанов и некоторые другие историки и журналисты. На основе экспедиционных и других материалов Г. Тогжанов доказал, что в дореволюционном казахском ауле существовали антагонистические классы, велась классовая борьба¹⁵. В скотоводческо-

---

¹² Чулошников А. П. Очерк по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Древние времена и средние века. Оренбург, 1925; *Он же*. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. — Известия АН СССР, серия общественных наук, 1936, № 3.

¹³ За новый аул — кыстау. М., 1926, с. 11—12; Казахский аул. Ташкент, 1926, с. 17; Казахское хозяйство в его естественноисторических и бытовых условиях: Материалы и выработка норм земельного устройства в Казахской АССР. М., 1926, с. 102—105.

¹⁴ Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки: Историческое описание. — Советская Киргизия, 1925, № 5, 6; Записки Семипалатинского отделения общества изучения Казахстана. Семипалатинск, 1926, т. 1 (вып. XVII).

¹⁵ Тогжанов Г. О казахском ауле. Кзыл-Орда, 1927; *Он же*. Казахский колониальный аул. М., 1934.

земледельческой зоне края развивались товарно-денежные отношения и появились баи — аульные буржуа. Но, сравнивая баев с сельской буржуазией типичной русской деревни, автор несколько преувеличил их роль в развитии производительных сил. Ошибочна и оценка, которую дает Г. Тогжанов степени проникновения товарно-денежных отношений в скотоводческую зону края, а также развитию капитализма. В целом точка зрения Г. Тогжанова не расходится с позицией С. Д. Асфендиарова.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период был издан первый том «Истории Казахской ССР». Книга претерпела два издания¹⁶, однако в обоих допущен ряд ошибок: восхвалялись ханы, султаны, положительно оценивались отдельные феодально-монархические движения.

В первые послевоенные годы появился ряд исследований, касающихся истории присоединения Казахстана к России. В частности, в работе Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в.» использованы интересные материалы и документы по истории присоединения края. Несмотря на правильное понимание вопроса о присоединении малых народов к России, Н. Г. Аполлова лишь констатировала факт присоединения Казахстана к России, не ставя перед собой цели показать его процесс, динамику, что, разумеется, на том этапе развития исторической науки нельзя назвать неправомерным. Вместе с тем в работе имеются серьезные недостатки, на которые в свое время обращал внимание В. Ф. Шахматов¹⁷. Прогрессивность присоединения Казахстана к России в ней лишь декларируется. Более того, Н. Г. Аполлова пишет, что «политикой царизма 20—30-х годов (XVIII в. — Авт.) были положены основания того наступления в глубь казахских степей, которое в дальнейшем выросло в крупную агрессию царизма...»¹⁸. Если принять это положение автора, то совершенно очевидно, что правильный тезис о прогрессивности и добровольности теряет смысл, ибо, во-первых, никем еще не опроверг-

¹⁶ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943; История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1949.

¹⁷ Шахматов В. Ф. Пуганая и аполитичная хрестоматия фактов. — Большевик Казахстана, 1949, № 4.

¹⁸ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата, 1948, с. 245.

нута общеизвестная истина о том, что агрессия не может быть прогрессивной, и, во-вторых, история не знает случая, чтобы какой-нибудь народ добровольно подчинился агрессору.

В одной из редакционных статей журнала «Вопросы истории» указывалось, что в ряде исследований имели место недостатки, выразившиеся в том, что не дана принципиальная оценка социально-экономического положения изучаемых районов востока накануне присоединения к России; в должной мере не выявлены внешнеполитические условия и не показаны результаты присоединения, что в какой-то мере привело к простой констатации и описанию колониального режима¹⁹.

В следующей книге Н. Г. Аполловой²⁰ эти замечания были учтены, однако и здесь имеются спорные вопросы, на которые уже обращалось внимание²¹. В частности, весьма спорным является ее утверждение о том, будто «массовый переход казахского скота на правобережье Яика грозил превращением оседлых сельскохозяйственных районов в пастбище». По этой причине царское правительство очень неохотно разрешало пропускать скот на правобережье²². В действительности же, как свидетельствуют факты, причины кроются в том, что колониальная политика царизма всем своим существом была направлена против интересов народных масс, как русских, так и казахов, башкиров, калмыков. Царское правительство старалось воспрепятствовать контактам между народами, боясь, что они объединят свои усилия для борьбы против колониального гнета. «Натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти, — вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и дипломатов»²³. И это было действительно так. Вот что писал в донесении

---

¹⁹ О некоторых вопросах истории народов Средней Азии. — Вопросы истории, 1951, № 4.

²⁰ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960.

²¹ См.: Известия АН КазССР, серия общественная, 1967, № 3; 1972, № 1; Партийная жизнь Казахстана, 1962, № 3; Вопросы истории, 1972, № 10; Басин В. Я. Русско-казахские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1974, с. 12—15.

²² Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи..., с. 347.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 160.

императрице начальник Оренбургской комиссии И. Кирилов: «Понеже калмыки давно подданные ее императорскому величеству, также и башкирцы, а к тому ныне прибыл третий народ, киргис-кайсацкой, а один с другим весьма несогласные, да и впредь всех их в том содержать надобно, и ежели калмыки какую противность покажут, то мочно на них киргисцов обратить... а напротив того, буде киргис-кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцев послать и тако друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск»²⁴.

Кроме того, в работах Н. Г. Аполловой превалирует мысль о якобы проджунгарской ориентации казахских владетелей. В частности, утверждается, что «Барак (казахский султан. — Авт.) балансировал между Россией и Джунгарией, проявляя явное тяготение к покровительству джунгарского хунтайджи...»²⁵. Но, как свидетельствуют факты, Барак, как и многие другие казахские владетели, при всех колебаниях больше склонялся к России²⁶.

Заметим, что в работах Н. Г. Аполловой, вышедших в начале 60-х и в середине 70-х годов, к сожалению, допущены противоречия по принципиальным вопросам истории русско-казахских и русско-джунгарских отношений²⁷.

Нельзя не обратить внимания на одностороннюю трактовку Н. Г. Аполловой причин создания крепостей и редутов. «Строительство укрепленных линий (Оренбургской и Сибирской), — пишет она, — представляло собой стратегическое мероприятие по борьбе с набегами кочевых феодалов и по усилению обороноспособности русских границ»²⁸. В другом месте она утверждает, что русское «правительство намеревалось создать надежную линию обороны от набегов кочевников — казахов и башкир»²⁹.

²⁴ Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 131.

²⁵ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи..., с. 349.

²⁶ См.: История Казахской ССР, т. 3. Алма-Ата, 1979.

²⁷ Вопросы истории, 1972, № 2, с. 154; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976, с. 320.

²⁸ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи..., с. 152.

²⁹ Аполлова Н. Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. — В кн.: Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. Г. Устюгова. М., 1966, с. 457.

К сожалению, эта точка зрения, по существу, смыкающаяся с

Такое категорическое утверждение, на наш взгляд, односторонне. Царизм создавал укрепленные линии на окраинах не только для ограждения от набегов «кочевых феодалов», «кочевников казахов и башкир», но и для того, чтобы держать в узде и свой собственный народ — крепостных крестьян и работных людей; укрепленные линии предназначались и для ограждения присоединенных земель от поползновений Джунгарии, а после ее падения — от завоевания цинами. В конечном счете все это способствовало вовлечению казахских жузов в общероссийский рынок. Следует также учитывать, что казахские ханы Абулхаир, Нуралы, Абулмамбет, Аблай неоднократно обращались с просьбами о строительстве крепостей и редутов, надеясь опереться на их гарнизоны, чтобы «в народе своем усилиться и тем удобней оной в послушание приводить»³⁰.

Наконец, совершенно алогичным является следующее утверждение Н. Г. Аполловой: «Обезопасив границу от набегов, правительство открывало широкие возможности для мирной колонизации территории (выделено нами. — Авт.), расположенной внутри линии»³¹. Непонятно, однако, как осуществление военных мероприятий могло способствовать «мирной колонизации территории»?

В числе первых послевоенных исследований по вопросу о присоединении Средней Азии и Казахстана к России следует отметить ряд проблемных статей об оценке некоторыми историками характера присоединения Казахстана и Средней Азии к России³². В одной из них говорилось: «Следует отличать объективно прогрессивный смысл присоединения к России и его результаты от колонизатор-

---

ошибочными взглядами многих дореволюционных исследователей, пронизывает страницы последней книги Н. Г. Аполловой «Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. (М., 1976).

³⁰ АВІР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1759, д. 10, л. 17—19; 1760, д. 3, л. 3 об.; 1762, д. 8, л. 17—18.

³¹ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья..., с. 136, 137.

³² См., например: Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (Письмо в редакцию). — Вопросы истории, 1951, № 4; Якунин А. О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей. — Вопросы истории, 1951, № 11; Брагинский И. С., Раджабов С. А., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. — Вопросы истории, 1953, № 8, и др.

ского способа осуществления этого присоединения, от реакционной политики царизма»³³.

Пониманию прогрессивности присоединения к России национальных окраин в значительной мере способствовали вышедшие в 50—70-х годах обобщающие труды по дореволюционной истории Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии и других союзных республик. В частности, в «Истории Казахской ССР»³⁴ даны обоснованные выводы об объективно прогрессивном значении присоединения Казахстана к России. Много ценного по данной теме найдет читатель в исследованиях Е. Бекмаханова³⁵.

Оценку характера присоединения Средней Азии и Казахстана к России дала объединенная научная сессия АН СССР. Среди выступлений, представленных на сессии, назовем доклад С. А. Раджабова, научная значимость которого состоит в том, что присоединение Средней Азии к России рассматривается с учетом внутренних и внешних условий и прогрессивности этого события, и А. В. Пяскового, который акцентировал внимание на таком важном прогрессивном последствии присоединения Средней Азии к России, как приобщение народов к революционной борьбе русского народа³⁶. Именно с этих позиций рассматривали вопрос о присоединении Казахстана к России наши историки в 60—70-х годах³⁷.

³³ Брагинский И. С., Раджабов С. А., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, с. 40.

³⁴ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957; Т. 3. Алма-Ата, 1979.

³⁵ Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; *Он же*. Очерки по истории Казахстана XIX в. Пособие для учителей. Алма-Ата, 1966.

³⁶ Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959.

³⁷ См., например: Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невдинжке: Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 годах. Алма-Ата, 1968; *Она же*. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: Последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1980; Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в.— В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969; *Он же*. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971; Сабырханов А. Казахско-русские отношения в 50—90 гг. XVIII в.: На материалах Младшего жуза. Дис. ...канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966; Мисанов Э. Очерк этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; Маликов Ф. Февральская буржуазно-демократическая ре-

Круг первоисточников, которые могли быть использованы для решения проблемы, довольно ограничен. Сочинений или документов на арабском и персидском языках, характеризующих внешнюю политику России на Востоке вообще, русско-казахские отношения в частности, очень мало. Как правило, все они в основном касаются казахско-среднеазиатских, казахско-персидских, казахско-турецких и казахско-арабских отношений. Взять хотя бы стихотворную хронику «Ислам-Наме» — «Книга (победы или торжества) ислама», два списка которой хранятся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР под шифром В311 и В312. В ней излагаются отрывочные сведения о междоусобицах в Джунгарии после смерти джунгарского хунтайджи Галдан-Церена (1727—1745 гг.), роли в них хана Среднего казахского жуза Аблая и других казахских владетелей³⁸. Если сведения о казахско-джунгарских отношениях в «Ислам-Наме» сопоставить с сообщениями русских дипломатов и путешественников (К. Миллера, Р. Уразина, Д. Гладышева, Я. Гуляева и др.) и переписки казахских и джунгарских владетелей с русскими чиновниками губернского административного аппарата, которые хранятся в Архиве внешней политики России (ф. «Киргиз-кайсацкие дела»), то данные «Ислам-Наме» крайне аморфны, русские же источники по этому вопросу дают богатейший, многообразный материал.

Многие сочинения на арабском и персидском языках, имеющие хотя бы косвенное отношение к нашей теме, давно уже переведены и введены в научный оборот. По установившемуся мнению, степень их ценности и достоверности невелика. Наиболее ценными первоисточниками по нашей проблеме являются материалы, отложившиеся в архивохранилищах и библиотеках нашей страны. Это документы официальные, служебные, отражающие, хотя и тенденциозно, политику царского правительства.

Последний документ XVI в., относящийся к истории казахско-русских отношений, датирован 1595 г. С этого времени вплоть до 1694 г. архивных документов по инте-

---

волюция в Казахстане. Алма-Ата, 1972; Шоинбаев Т. Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

³⁸ См.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969, с. 425—430.

ресующему нас вопросу не найдено. Разумеется, это не означает, что в течение ста лет связи между казахскими ханствами и Россией отсутствовали. О их существовании свидетельствуют бурные события тех лет, и мы на основании доступных нам источников пытались доказать это.

Весьма скудно представлены источники первой четверти XVIII в., несмотря на значительность событий этого времени. Пожары в Тобольске и Москве, неизбежные потери документов, их старение и многие другие причины затруднили нашу задачу. Время основательно испортило многие дела, часть наиболее ранних из них поражена грибок, некоторые тексты утрачены при реставрации, что усложняет их расшифровку. Несмотря на это, строки документов позволяют составить представление о событиях того времени, а незначительные, на первый взгляд, детали почти всегда помогают уточнить их.

С большого количества дел, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Казани, Оренбурга, Омска, Ташкента, Алма-Аты, Астрахани, Барнаула и представляющих ценность для истории Казахской ССР вообще, русско-казахских отношений в особенности, Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР сделал фотокопии и микрофильмы. Это создало благоприятные условия для издания двух томов сборника документов и материалов по истории русско-казахских отношений. Научная общественность получила 629 уникальных документов в расшифрованном виде по важнейшим разделам истории Русского многонационального государства³⁹. Разумеется, сюда вошла лишь незначительная их часть, но в совокупности с доступными источниками они способствовали освещению ряда общих и глубинных вопросов по данной теме.

Ценными источниками по истории Казахстана в составе России являются докладные записки, донесения и другие материалы, оставленные Д. Губиным, С. Мальцевым, Т. Чебуковым, Б. Доможировым, В. Степановым, Б. Екешевым, Б. Буриевым, А. Неприпасовым, И. Чередовым, Н. Белоусовым, Б. Брянцевым, Шабу, Багадуром, С. Койдагуловым, К. Қоштаевым, Д. Гладышевым, Р. Урази-

---

³⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

ным, Я. Гуляевым, И. Ураковым, М. Араповым, С. Касымовым и другими послами, посланниками и стоявшими во главе посольств в Казахстан и Россию в разное время. Многие из них являлись также эмиссарами царского правительства.

Весьма ценны почти полностью опубликованные материалы посольства А. Тевкелева, сыгравшего заметную роль в юридическом оформлении международно-правового акта о присоединении к России Младшего и частично Среднего казахских жузов. Также важным источником для истории русско-казахских отношений является «Журнал К. Миллера». К. Миллер возглавлял русское посольство в Джунгарию в 1742—1743 гг., направленное в связи с активизацией военных действий против Среднего казахского жуза ойратскими феодалами, и сыграл значительную роль в освобождении султана Аблая из плена. В «Журнале К. Миллера» в дневниковой форме отражены все стороны повседневной жизни членов посольств, детально описывается содержание переговоров со многими казахскими владетелями, хунтайджи и его приближенными.

Переписка между казахскими владетелями и русской администрацией осуществлялась на русском и казахском языках и, как правило, выполнялась переводчиками. Казахские подлинники, хранящиеся в соответствующих архивах, написаны специфическим канцелярским языком, принятым в то время. Абызы — личные секретари казахских владетелей не придерживались правил правописания, что сказывалось на качестве текстов. Большинство документов не имеет даты написания, а лишь дату перевода или получения документа, что не одно и то же.

Следует учитывать, что сведения, отложившиеся в архивных документах, добывались в исключительно трудных условиях. В особенности это касается русских и западноевропейских путешественников и купцов, которые на территории Казахстана и Средней Азии вынуждены были передвигаться по строго определенному маршруту в сопровождении конвоя и почти полностью были лишены возможности контактировать с местным населением, поэтому в их сведениях, как правило, отражается точка зрения местной феодальной верхушки.

При существующем состоянии письменных источников исследователь вынужден рассматривать многие важней-

шие вопросы внутренней жизни, в том числе и настроение народных масс, через призму деяний казахских владельцев.

Измученные бесконечными разорительными набегами, нуждавшиеся в нормальных внутри- и внешнеполитических условиях, народные массы также были заинтересованы в сближении с Россией. Эти настроения не могли не повлиять на действия феодальной казахской верхушки.

Оба народа имели традиционные соседские контакты: казахи нуждались в предметах хозяйственного обихода, производство которых в условиях кочевого хозяйства связано со значительными трудностями, а также высоко ценимом ими русском огнестрельном оружии, а русские, в свою очередь, испытывали недостаток в тягловой силе, который восполнялся путем товарообмена с трудовым казахским населением. В районах непосредственного общения казахов с русскими осуществлялась синкретизация двух хозяйственных основ — кочевого и оседлого быта — важного прогрессивного принципа объединения двух народов. В результате присоединения Казахстана к России произошло известное удовлетворение интересов Казахской степи и России.

Трудность работы состояла еще и в том, что в архивных документах, как правило, нет сведений о результатах выполнения ряда пунктов тех или иных договорных обязательств между российской администрацией и казахскими владельцами. В этих случаях, чтобы дойти до истины, мы пользовались документами, имеющими косвенное отношение к тому или иному событию.

* * *

Задача, которую ставят перед собой авторы, состоит в том, чтобы, критически используя источники, материалы и опубликованную литературу, обобщить их и показать истоки великого содружества русского и казахского народов, этапы, формы, сущность русско-казахских отношений и воплощение многочисленных международно-правовых актов о присоединении тех или иных регионов Казахстана к России в реальную действительность, влияние России на политико-экономическое и культурное развитие края.

Процесс развития русско-казахских отношений проходил намного сложнее, чем может показаться на первый

взгляд. Не менее, чем казахские владетели, царский двор был заинтересован в установлении политико-дипломатических, торгово-экономических и военных отношений с Казахской степью. При всех обстоятельствах Россия рассматривала территорию Казахстана как важное средство для осуществления своей внешней политики на Востоке ввиду ее важного стратегического и политико-экономического положения. Весомой частью внешней политики России являлись взаимоотношения с основными азиатскими державами. Конечно, отношения эти не были стабильными: менялась обстановка — менялись задачи, а следовательно, и политика государства. В зависимости от главных линий российской внешней политики в Азии строилась ее политика по отношению к Казахстану, Джунгарии, Китаю, среднеазиатским ханствам и другим странам Востока.

Теоретической основой исследования являются труды классиков марксизма-ленинизма, содержащие все исходные методологические положения для правильного понимания сущности внешней и внутренней политики России и ее взаимоотношений с национальными окраинами. Важнейшие вопросы истории Казахстана рассматриваются в тесной связи с историей Русского государства. Лишь такой подход, на наш взгляд, дает возможность глубже раскрыть истоки великого содружества и совместной борьбы трудящихся за социальное и национальное освобождение.

Ввиду того что история всех трех казахских жузов тесно связана между собой, события, происходившие в них, рассматриваются в комплексе, а не отдельно. Если XVI—XVII вв. явились подготовительным этапом весьма сложного процесса присоединения Казахстана к России, а в XVIII в. происходило становление и активное претворение в жизнь этого процесса, то в XIX в. он был завершен.

В связи с запутанностью, а порой и противоречивостью точек зрения в оценке сложного исторического процесса присоединения Средней Азии и Казахстана к России мы стремились строить исследование на общем фоне критического анализа и оценки известной исторической литературы по теме, руководствуясь учением марксизма-ленинизма. Книга должна помочь вскрыть динамику политических ситуаций, возникших в Центральной

Азии в XVIII в., выяснить сущность политики России, способствовать разоблачению буржуазных фальсификаторов истории народов нашей Родины.

В написании III главы принимал участие кандидат исторических наук А. Сабырханов.

Авторы благодарят историков братских союзных республик, Института истории АН СССР за ценные советы в ходе подготовки настоящей книги к печати. С благодарностью будут приняты принципиальные замечания и советы читателей.

1

НАЧАЛО ПЕРИОДИКИ
КАЗАХСТАН И СОСТАВЛЕ

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ РУССКО-КАЗАХСКОГО СБЛИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ XVIII В.

К началу XVIII в. Россия являлась могущественным централизованным многонациональным государством, ей принадлежало веское слово при решении многих важных международных проблем. Заметно повысился престиж русского оружия, в особенности в связи с Азовскими походами Петра I, Полтавской битвой и победой в Северной войне. Созданные в годы Северной войны крупные военные заводы полностью покрывали потребности русской армии в оружии и боеприпасах. Упрочившееся международное положение страны способствовало стабилизации существующих границ на западе, торгово-хозяйственному освоению Сибири, поискам каналов активной торговли со среднеазиатскими ханствами, Афганистаном, Индией, Монголией, Китаем. «С царствованием Петра Велико-го начинается новая эпоха в истории отношений России... к мусульманскому миру: политические и коммерческие задачи, унаследованные от XVII века, были поставлены при нем с большой определенностью и широтой»¹.

В первые 10—15 лет XVIII в. к России была присоединена вся Прииртышская долина. Со времени похода Ермака понадобилось всего 55 лет, чтобы достигнуть берегов Охотского моря. Расширились российские пределы на юге. Простиравшаяся от Балтики до Тихого океана и от Черного моря до Северного Ледовитого океана Россия представляла собой огромную страну, равной которой Европа не знала со времен Римской империи.

---

¹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 203.

В первой четверти XVIII в. внешняя политика России определялась развитием капитализма, нуждавшегося в выгодных рынках сбыта и дешевых источниках сырья, в удобных путях в прикаспийские страны и в Индию, защищавшего интересы русского купечества. К тому же путем присоединения новых земель царизм пытался отвлечь крестьянство центральных районов страны от борьбы с помещиками-крепостниками. Это означало, что и внутривнутриполитическое положение страны и условия экономического развития толкали Россию на расширение сферы влияния за ее пределы.

Не только слухи о «золотом песочке», будто бы находимом в реках Амударья и Сырдарья, руководили Петром I, когда он снаряжал экспедиции И. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского или отправлял уже после трагического окончания второй из них в 1718 г. посольство Флорио Беневини в Бухару. Главными движущими мотивами его деятельности, несомненно, были планы об открытии для России свободного торгового пути до самой Индии.

Несмотря на неудачи экспедиций И. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского, русское правительство не оставило попыток наладить экономические и политические контакты с Индией. Дело в том, что один из торговых путей, проходивших по западному побережью Каспия и Волго-Каспию, подвергался постоянным нападениям, купцы терпели невосполнимые убытки. Правительство России пыталось дипломатическими мерами проложить безопасный путь торговым караванам, но это не давало положительных результатов. Поэтому прежде всего надо было упрочить положение на восточном берегу Каспийского моря, в Средней Азии.

Между тем нельзя было провести в жизнь намерения русской дипломатии без урегулирования отношений с Казахской степью. Хотя казахи и представлялись в России в то время «степным и легкомысленным народом», уже тогда они расценивались в качестве крупного политического фактора в восточной политике России. Не случайно Петр I говорил: «Де всем азиатским странам и землям оная де Орда ключ и врата, и той ради причины оная де Орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех азиатских странах коммуникацию

иметь и к российской стороне полезные и способные меры взять»².

Мы еще многого не знаем из того, что собой представляли взаимоотношения России и Казахстана, если не считать случайного и весьма неточного упоминания о них, сделанного впервые Г. Ф. Миллером и без всякой проверки повторенного за ним всеми дореволюционными исследователями, касавшимися этой темы. Мы имеем в виду указание на обращение казахских владетелей в 1717—1718 гг. к России за помощью против джунгар, в котором в качестве политических руководителей казахских жузов были названы ханы Тауке, Каип и Абулхаир³. Факты, однако, красноречиво свидетельствуют, что связи эти установились гораздо раньше. Что же касается упомянутых ханов, то их действия зачастую противоречили друг другу, они не были самостоятельными владетелями и поэтому не представляли сколько-нибудь крупной политической силы. Хан Тауке умер в 1715 году, а Абулхаир, бывший военачальник Тауке-хана, сделался самостоятельным правителем лишь в начале 1718 г., тогда же им впервые официально был принят ханский титул⁴.

Еще в XVI—XVII вв. между Россией и Казахстаном имели место политические и торговые связи, но они не всегда были регулярными и поддерживались до тех пор, пока соседом казахских жузов была относительно слабая Джунгария, владетели которой вели междуособную борьбу и были заинтересованы в поддержке со стороны правящей казахской феодальной верхушки⁵. В середине XVII в. один из джунгарских владетелей — Галдан-Бошокту-хан (1644—1697 гг.) разгромил соперников, про-

² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 31.

³ Миллер Г. Ф. Известия о песошном золоте в Бухарии. — В кн.: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Спб., 1760, с. 117.

⁴ Чулошников А. П. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. — В кн.: Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Л., 1932, с. 64.

⁵ Бичурин И. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834, с. 88, 89; Дополнения к Актам историческим. Т. IV. Спб., 1857, с. 294; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 3, 6; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1962, с. 20—21; Семенов Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма. На материалах Казахстана. Калинин, 1974, с. 81.

возгласил себя хунтайджи (ханом) и начал борьбу с главным противником Джунгарии — Китаем, одновременно приняв меры по упрочению позиций в Монголии и Тибете⁶. Между тем он не оставил устремлений своих предшественников к захвату лучших пастбищ и на казахских землях, что привело к резкому ухудшению казахско-джунгарских отношений. Огромные пространства между российскими поселениями на Иртыше, Ишиме, Тоболе и казахскими кочевьями, в основном расположенными в бассейнах рек Сырдарья, Сарысу, Тургай, Талас, Чу, стали подвергаться опустошительным набегам со стороны Джунгарского ханства. В известной степени это вело и к ослаблению русско-казахских связей. Между тем казахские владетели, как и российская администрация, стремились к упрочению дружественных отношений. В частности, это выразилось в относительно доброжелательном отношении казахов к пленным россиянам. Так, по сообщению плененных казахами русских татар Ильчигинева и Теритокова, Тауке-хан не только позаботился об участии пленных, приняв меры к их освобождению, но и осудил тех, кто вторгался в российские пределы, и даже распорядился компенсировать причиненный в результате этого ущерб⁷.

В мае 1687 г. вместе с отпущенными Ильчигинеевым и Теритоквым в Тобольск было направлено казахское посольство во главе с батыром Ташимом. Посольство сопровождали казахские торговцы, в задачу которых входило упрочить торговые связи⁸. Тобольская канцелярия сообщала по этому поводу царскому двору: «А посланец ево, Тевкиханов, Ташим батырь на приезде в приказной полате... подал лист, да в дарах челом ударил вам, великий государь, от хана своего: три лука, да выбоек и пестредей и бязей по оценке посацких людей на девять рублей на 20 на 3 алтына на 2 деньги»⁹.

Посольство Ташима не было безрезультатным: в 1689 и 1690 гг., когда в районе Ямышева озера на них напали джунгарские феодалы, русские оказали им помощь.

---

⁶ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, с. 241, 242; Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.

⁷ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 2, д. 12, л. 161—162.

⁸ Там же, л. 163.

⁹ Там же, л. 162.

В условиях, когда проявилась возможность сближения с Россией, Тауке-хан предпринял еще одну попытку урегулировать некоторые спорные вопросы с царской администрацией. С этой целью на Ямышево озеро в 1702 г. намечалось направить посольство. Инициатива была поддержана заметно усилившейся прорусски настроенной частью родоправителей во главе с Тауке-ханом, а также близкими к нему султанами Кильдеем и Каипом. Однако попытка эта тогда не имела успеха из-за волнений среди волжских калмыков. Часть калмыков откочевала в Джунгарию, что создало преграду на пути из Казахской степи в пределы Русского государства.

Но улучшение взаимоотношений с Россией, которого не удалось достигнуть казахским ханам в XVI и на рубеже XVII—XVIII вв., сделалось более реальной задачей несколько позже, когда под натиском джунгар казахи, хотя и медленно, но все же приближались, с одной стороны, к среднему течению р. Иртыша, а с другой — к хребту Каратау и р. Эмбе. Во втором десятилетии XVIII в. они появляются уже на правом берегу р. Ишим и в бассейне р. Иргиз¹⁰. Результатом этого передвижения явилась утеря частью казахских родов связи со среднеазиатскими рынками.

В торговых сношениях с Россией и в установлении с нею более добрососедских отношений оказываются заинтересованными теперь не только хан и его окружение, но также основная масса шаруа, стремившаяся жить в мире с соседями. На это принципиально новое обстоятельство указывается в письме сибирского губернатора князя Голицына казахскому хану Каипу. В письме также сообщалось: «И которые ваши люди и бухарцы с вашими людьми к нам с торгами будут, то торг велю дать повольно и безобидный, и пошлины с ваших людей с Казачьей орды и бухарцев брать не велю»¹¹.

Политическая обстановка занимала не последнее место в процессе осознания казахами необходимости сближения с Россией. К напряженным отношениям с Джунгарией присоединились столкновения с волжскими калмыками и башкирами. Во всяком случае, казахские владельцы приняли решение об улучшении взаимоотношений

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 14, л. 196.

¹¹ Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 2, 1713—1724 годы. Сб. докл. СПб., 1885, с. 157.

«с Россией лишь тогда, когда убедились, что в результате присоединения Башкирии к России положение там стабилизировалось. Башкиры же все больше осознавали невыгодность ссор с Казахской степью. Так, прибывшее в Уфу в сентябре 1715 г. казахское посольство во главе с бием Тайкомуром явилось как бы ответом на приезд в казахские кочевья весной того же года башкирских посланцев Сибирской дороги во главе с Карт-батыром. Целью башкирского посольства было прекращение дальнейших взаимных нападений и обмен пленниками. Далее этого не шли как будто и полномочия казахского посланца Тайкомура. Однако в связи с тем, что посольство Тайкомура совпало с набегом на Башкирию султана Абулхаира, оно было задержано в Уфе. Опасаясь, что новое посольство в Уфу также будет задержано, казахские владетели направили новых своих посланцев Шора и Бекбулата в Тобольск. Прибыв туда 13 сентября 1716 г. они предлагали уже российскому правительству вечный мир и даже, в случае необходимости, тесный союз в борьбе с Джунгарией¹². Ставилась также задача, чтобы «казачьей Орде иметь с людьми царского величества торги и чтобы ездить им для торгов было свободно»¹³.

Со стороны России все эти предложения встречены были очень благожелательно, ибо она также дорожила каждой открывавшейся возможностью для более безболезненного достижения поставленной цели. Поэтому, ограничившись задержанием в Уфе казахского посланца Тайкомура, местные власти в самом же начале постарались выяснить действительное положение дел путем посылки в Казахскую степь специальной грамоты. Правда, нам неизвестно содержание этого обращения, но, судя по некоторым косвенным данным, оно переносило центр тяжести на важность и выгодность для обеих сторон поддержания добрососедских отношений. По крайней мере, в своем ответном письме в июле 1716 г. хан Каип сообщал, что эта грамота была получена им «с честью и зело тому обрадовались»¹⁴.

После полной неудачи экспедиции Бухгольца Петр I спешил воспользоваться вновь открывшейся возможностью для достижения политических целей. В своем письме

¹² Там же, л. 192—195 об.

¹³ Там же, л. 192 об.

¹⁴ Там же, л. 195—198.

к казанскому губернатору П. С. Салтыкову от 18 декабря 1716 г., предупреждая возможность появления казахских посланцев с подобными предложениями и со стороны Башкирии, царь предписывал принять их «ласково» и учинить с ними договор, «чтобы они (казахи. — Авт.) жили с нашими подданными в вечном мире и никуда никаких набегов на оных не чинили, також, где потребно будет, против неприятелей наших воевали», за что им и могла быть обещана его государева «милость и оборона»¹⁵.

Но еще до получения этого указа, всецело действуя в пределах предоставленных ему широких полномочий, сибирский губернатор князь Гагарин отправил в октябре 1716 г. ответное посольство в Казахскую степь во главе с сыном боярским Никитой Белоусовым. В задачу посольства входило помимо установления мирных отношений с казахами и предоставления им свободного торга в Сибири, «о войне на контайшу говорить разговором, в какое время им послать воевать его, контайшу, и из которых мест, и в каком числе могут они его, контайшу, воевать»¹⁶. С этими переговорами не связывалось еще заключение русско-казахского союза против Джунгарии, так как на это требовалось специальное разрешение Петербурга. Посольство Никиты Белоусова должно было также получить данные о характере казахской государственности, «кто и как в Казахьей Орде имеет силу, и кому они послушны, и есть ли у них владельцы кроме Каип-хана»¹⁷. Эти сведения нужны были ввиду того, что царское правительство решало вопрос о возможности использования казахских воинских дружин против Джунгарии.

Вот почему сибирский губернатор, отправляя в ноябре 1717 г. уже после консультации с Петербургом новое посольство в Казахскую степь, подчеркнул необходимость скорейшего достижения взаимной согласованности по отношению к Джунгарии. Возглавлявшим посольство Борису Брянцеву и Якову Тарыштину было дано задание не ограничиваться собиранием сведений о политическом строе казахов и их намерениях относительно Джунгарии, а осведомлять Тобольск «о войне прошлого лета казах-

¹⁵ Там же, л. 194 об. — 195.

¹⁶ Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 2, с. 155.

¹⁷ Там же, с. 155—156.

ских жузов с ойратами», и, достигнув ставки хана, добиваться также того, чтобы «також и при них пошли Казачьи Орды на калмык, как в прошлом году»¹⁸.

Чтобы устранить возможные недоразумения, Брянцев и Тарыштин должны были предварительно направить казака Соснина в сопровождении «одного служилого татарина» для установления сущности казахско-джунгарских отношений и возможности русско-казахского союза. Появилась реальная возможность подписания русско-казахского соглашения о предоставлении казахской стороне свободного беспошлинного торга. В частности, намечалось выделить место, куда бы казахские купцы могли привозить свои товары партиями, но не более 50 кибиток¹⁹. О торговых взаимоотношениях шла речь и в грамоте, посланной в Казахскую степь из казанской губернской канцелярии весной 1717 г.²⁰ Это свидетельствует о том, что в экономической политике по отношению к казахским жузам казанская и сибирская администрации были едины. Но только в этом. Если, например, сибирский губернатор князь Гагарин ограничивался стремлением к развитию торговых связей и установлению с казахами союзнических отношений в случае выступления против Джунгарии, то казанская администрация с самого начала стремилась к тому, чтобы теперь же добиться принятия хотя бы частью казахов российского подданства. Грамота казанского губернатора П. С. Салтыкова в Казахскую степь от 29 марта 1717 г. предлагала хану в «знак своей верности прислать посланцев своих и письменное ведение с подписанием рук своих, что по закону своему в правоверности своей при его пресветлейшего царского величества державе мирна жить и служить вы желаете»²¹.

Между тем к такому повороту событий казахская феодальная верхушка еще не была готова и, надо полагать, в связи с этим произошла откочевка в сторону Сибири многих влиятельных родоправителей всех трех казахских жузов. Как выражение недовольства казанской администрацией следует рассматривать отсутствие до конца 1717 г. в российских пределах казахских купцов и участие небольшой группы родоправителей в набегам на

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 14, л. 198 об. - 200.

¹⁹ Памятники Сибирской истории XVIII века, с. 155.

²⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 14, л. 198.

²¹ Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 156-157.

территорию Казанского уезда в 1717—1718 гг. смешанных казахско-каракалпакских отрядов под предводительством бежавшего из Казанской губернии татарина Сеита и его племянника Абдрахмана Таукина ²².

С Сибирским же губернаторством в течение этих напряженных лет продолжался обмен посольствами, главной целью которых было поддержание мира и торгово-экономических связей ²³. Однако, несмотря на более сдержанную политику сибирской администрации, эти связи не удовлетворяли полностью казахскую верхушку, поскольку все еще оставался открытым вопрос о реальной поддержке казахов в их борьбе с внешними врагами.

Между тем, как только в Тобольск, а затем и в Казань стали поступать более точные сведения о военной и экономической слабости Казахской степи, интерес местной и центральной русской администрации к ней заметно уменьшился. Вот почему царские власти на местах, по существу, никак не реагировали на отказ верховного хана Каипа признать свою зависимость от России, чего еще недавно добивались. Сообщение казахских посланцев во главе с Тайкомуром Култубаевым в декабре 1718 г. о желании их хана жить с «великим государем союзно», без намека на какое-либо подданство казанские власти оставили без внимания ²⁴. Даже письмо Абулхайра Петру I от 10 декабря 1718 г. о готовности «служить белому царю не токмо на конях», но и «пешей... рад» ²⁵ не было принято всерьез и не нашло отклика в ответной грамоте, отправленной в Казахскую степь в январе 1719 г. ²⁶ В конечном итоге хан Каип признал свою слабость в письме к князю Гагарину и изъявил готовность идти против хунтайджи, обратясь с просьбой «силы прислать, и буде силы пришлют, и мы готовы и воеватца или миритца, вместе б быть и при его великого государя здоровье и счастье обеих бы земель в добродетели и в угомоне быть» ²⁷. То же он повторил в письме к казанскому губернатору П. С. Салтыкову.

²² ЦГАДА СССР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1718, д. 1, л. 10 об.—11 об.

²³ Памятники Сибирской истории XVIII века, с. 157—167.

²⁴ ЦГАДА СССР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1718, д. 1, л. 7—9 об., 10—12 об.

²⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 29.

²⁶ Архив АН СССР, ф. 4, д. 14.

²⁷ Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 167.

В условиях, когда истинная роль неудавшегося союзника прояснилась, местные российские власти последовательно и беспронизыбно выбросили его из своей политической игры. Этот шаг нашел свое отражение в посланной в Казахскую степь в 1719 г. грамоте, где среди прочего было четко подтверждено, чтобы «впредь с ним, контайшею, он, Каип-хан, управлялся, как ему по своему намерению достойно»²⁸.

Так завершился второй этап взаимоотношений царской России с казахскими жузами²⁹. Систематические сношения с ними стало трудно поддерживать. Обстановка в Казахской степи осложнилась в связи с агрессией джунгарских феодалов. Казахи оказались в невыносимо тяжелом положении. Это ускорило их решение обратиться к России с просьбой о подданстве.

Несмотря на то, что непосредственная заинтересованность в продолжении систематических связей ослабла, мысль о Казахстане как о «вратах» в Среднюю Азию и Индию, не оставляла Петра I во время Персидского похода и после возвращения, при разработке нового плана российской азиатской политики, тесно связанного с дальнейшим упрочением позиций России в Башкирии. Конечно, нельзя было рассчитывать на какой бы то ни было успех без предварительного урегулирования политических связей с казахскими ханствами.

²⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 14, л. 189.

²⁹ В истории русско-казахских отношений до Великой Октябрьской социалистической революции мы определяем четыре этапа. Первый: с 90-х годов XV в. до конца XVI в., когда в основе политики русских царей к казахским жузам лежало стремление завязать дипломатические и военно-политические связи. Второй: с начала XVII в. до 30-х годов XVIII в., когда намечается тенденция упрочения не только дипломатических и военно-политических связей, но и экономических. Третий: с 30-х годов XVIII в. до 60-х годов XIX в., когда происходил весьма сложный процесс присоединения казахских земель к России. Четвертый: с 60-х годов XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции, когда происходило распространение российского капитализма вширь и началось разложение патриархально-феодалных отношений в ауле. Казахский аул втягивался в общероссийский рынок; внутри казахского общества зрели социальные силы, воспринявшие идеи революционной России, идеи В. И. Ленина, большевистской партии, стоявшей во главе освободительного движения. В Казахстане как составной части многонациональной России складывались предпосылки социалистической революции. О первом и втором этапах русско-казахских отношений см.: История Казахской ССР. Т. 2. Алма-Ата, 1979, с. 290—298; История Казахской ССР. Т. 3. Алма-Ата, 1979, с. 13—194.

Наступал новый, третий этап во взаимоотношениях Русского государства с казахскими ханствами, не получивший, однако, в данный момент своего практического воплощения из-за смерти Петра I. И только с 30-х годов XVIII в., в заметно уже изменившейся обстановке началось его претворение в жизнь.

ПРАВОВОЙ АКТ О ПРИСОЕДИНЕНИИ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ЖУЗОВ К РОССИИ

Одним из факторов, тормозивших развитие производительных сил Казахстана, являлась внешнеполитическая опасность. Отдельные казахские владетели, в частности Абулхайр и его окружение, уже тогда понимали, что именно Россия является тем государством, которое может оказать реальную помощь в борьбе с внешним врагом. Поэтому просьбы об оказании помощи не сходят со страниц посланий Каипа, а затем и Абулхайра в Россию. Эта же тема является главной в заданиях казахским посольствам, направлявшимся к царскому правительству. Между тем феодально-родовую верхушку захлестывала борьба за первое место в крае, за лучшие пастбища ввиду естественного роста численности скота, за ханское кресло, нередко завершавшаяся вооруженными столкновениями. В конечном счете, когда лучше подготовленные в военном отношении джунгарские войска напали, казахи, по существу, не смогли организовать оборону. Нашествие джунгарских феодалов до основания потрясло экономическую и политическую жизнь казахского общества и всех соседствующих с ним народов. Возникла угроза существованию самого казахского народа. На территории Казахстана сложилась чрезвычайно сложная обстановка, достигшая своей кульминации в 1723 г. Этот год вошел в историю казахского народа как «актабан шубрунды», «Алкаколь Сулама» — год великого бедствия. Наиболее дальновидная часть казахского общества, в частности «ханская партия» во главе с ханом Младшего жуза Абулхайром, единственный выход из этой тяжелой для края внутренней и внешнеполитической обстановки видела в принятии российского подданства. От решения этого вопроса, по существу, зависела дальнейшая судьба народа.

8 сентября 1730 г. в Уфе посольство Абулхайра во

главе с Сейткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым передало послание к Анне Иоанновне с просьбой включить Казахстан в состав Российской империи. «Мы, Абулхаир-хан, — указывалось в послании, — с подвластным мне многочисленным... народом Среднего и Малого жузов, все преклоняемся перед Вами... желаем вашего покровительства»³⁰. Безусловно, Абулхаир стремился не только оградить Казахскую степь от внутренних усобиц и внешней опасности, но и укрепить свою власть в крае при помощи российского оружия, что, разумеется, шло вразрез с интересами других крупных казахских владельцев, видевших в Абулхаире своего соперника. Этим в основном и объясняется сопротивление отдельных казахских родоправителей курсу Абулхаира на присоединение Казахстана к России. Каждый из них в отдельности хотел бы воспользоваться поводом принятия подданства для усиления своего влияния.

Что касается царского правительства, то оно, прежде всего, рассчитывало обезопасить свои юго-восточные границы, ибо «они (казахи. — *Авт.*) в верности себя содержат будут и тамошние подданные (яицкие казаки, башкиры, калмыки. — *Авт.*) в покое от них останутся, а хотя б того не учинили (т. е. если казахи не примут подданство. — *Авт.*), то иного из того не видно, окромя, что по старому будут неприятельми»³¹. К тому же с присоединением Казахстана к России должна была ослабеть напряженность в районе соприкосновения с Джунгарией. В представлении русского посла Тевкелева в Коллегию иностранных дел от 10 апреля 1733 г. читаем: «Сия Киргис-кайсацкая орда е. и. в. в подданство потребна быть имеет, особливо для хонтайджи, понеже в случае какой-либо от него, хонтайджи, стороне российской показания противности, повелено будет ему, Абулхаир-хану, со своею ордою кайсаков итти на него, хонтайджу, войско, то как можно надеяться, что немногие кайсаки в доме своих за оногo посылного останутся, понеже они, кайсаки, с ним, хонтайджею, великую жалюзню (вражду. — *Авт.*) между собою имеют»³². Царская администрация

³⁰ История Казахской ССР, т. 3, с. 36.

³¹ Книга Азиатского департамента, № 21, л. 76.—Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 133; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 195.

³² АВВР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1733, д. 1, л. 154.

также надеялась, что казахи будут обеспечивать безопасность продвижения русских и среднеазиатских торговых караванов и способствовать приведению в российское подданство «соседей своих хиванцев и аральцев...»³³. К тому же, как указывалось в Книге Азиатского департамента, если казахам отказать в подданстве, «то тем еще наипаче озлоблены быть могут»³⁴.

19 февраля 1731 г. императрица подписала грамоту о добровольном вхождении казахских земель в состав России. 30 апреля 1731 г. в Казахскую степь было направлено специальное посольство во главе с Тевкелевым. Тевкелеву следовало установить причины, побудившие казахского хана просить российского подданства, передать Абулхаиру грамоту императрицы о вхождении казахов в состав России и изложить ее содержание устно. При встрече следовало обратить внимание Абулхаира и на то немаловажное обстоятельство, что казахи приняты в подданство по их просьбе, что русское правительство «в неотменной своей милости их содержать будет» и надеется, что они в «непоколебимой верности содержать себя будут, как то по вашему обещанию и верным подданным обыкновенно чинить надлежит»³⁵.

Инструкция императрицы предусматривала привести хана и других казахских владетелей к присяге на верность «по всей вере на алкоране» (жанберу). В случае, если возникнет ситуация, при которой хан или другой из владетелей, а возможно и все вместе, откажутся привести себя к присяге, посол должен был их к тому склонить. Чтобы получить гарантию верности, предусматривалось направление в Россию аманатов, но с согласия Абулхаира.

По сложившейся в дипломатической практике традиции, послы не имели права самостоятельно решать те или иные принципиальные вопросы и должны были придерживаться лишь пунктов инструкции. Тевкелеву же предоставили неограниченные полномочия. В зависимости от обстановки он мог самостоятельно выдвигать условия и судить о целесообразности принятия выдвигаемых

---

³³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 108.

³⁴ Книга Азиатского департамента, № 21, л. 76. — Красный архив, 1938, т. 2 (87), с. 134.

³⁵ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960, с. 13.

Абулхаиром требований. Правительство акцентировало внимание посла на необходимости вести переговоры о подданстве казахов, каракалпаков и других народов лишь при условии, что они добровольно изъявят на это согласие.

Послу предписывалось ежедневно вести журнал, куда записывать «обо всем виденном» у башкир: «их правление и состояние, и промыслы и пожитки, такожде и о внутри той земли, где живут и о расположении оной, и нет ли еще каких других народов, с которыми они граничат... генерально описать всю внутри их землю...»³⁶. Тевкелеву поручалось определить расстояние между Башкирской и Казахской степью, наиболее удобные пути сообщения, описать рельеф местности. Ставилась задача установить состояние Казахской степи, количество городов, стоянок, мест кочевков, численность населения, его занятия, быт, вероисповедание, количество скота, в каких взаимоотношениях находятся ханы со своими подданными, отношение подданных к хану, с кем граничат, связи с соседними народами, состояние торговли. «И к тому всему не токмо чинить записку, но и чертеж велеть делать...»³⁷ Упрочение позиций России в Казахской степи требовало не столько применения вооруженной силы, сколько «определенного комплекса знаний о тех странах, куда она проникла»³⁸.

Когда Абулхаиру стало известно о направленном к нему российском посольстве, он со своими улусами двинулся навстречу в район бассейнов рек Тургай и Ирғиз. Для встречи посольства хан снарядил отряд во главе со своим старшим сыном султаном Нуралы. 22 августа 1731 г. ханский посланец Суюндык передал Тевкелеву письмо, в котором хан подтверждал свое согласие принять российское подданство³⁹, а устно объявил, что в составе Российского государства желает быть хивинский хан, двоюродный брат Абулхаира, и бухарский хан.

В ставку Абулхаира, находившуюся в Ирғизе в уро-

³⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 43—44.

³⁷ Там же, с. 4.

³⁸ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966, с. 9.

³⁹ Интересны такие строки из письма: «Ежели е. и. в. высокую десницу на нас положит, а мы главы свои преклонять будем, и какую службу на нас положить соизволит, ото всего сердца и со всею душою служить будем». (См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 45).

чище Моюнтюбе (ныне Актюбинская обл.), посольство прибыло 5 октября 1731 г. в сопровождении почетного эскорта во главе с султаном Нуралы. Тевкелеву была предоставлена отдельная кибитка невдалеке от ханской резиденции, а лошадей и верблюдов посольства определили в ханский табун⁴⁰.

Во время бесед Абулхаир сообщил российскому посланнику, что в бытность его ханом казахи находились в состоянии войны с волжскими калмыками, башкирами и бухарцами. К настоящему времени с Бухарой и Хивой наступило «замирение», а волжские башкиры и калмыки все еще оставались «неприятелями». Чтобы с башкирами и калмыками «быть в миру, а от хонтайши отыскивать свою реванж», он и направил своих посланцев просить «протекцию российскую». Касаясь вопроса о принятии подданства, Абулхаир просил, чтобы посол «не вдруг принуждал к присяге», а постепенно, причем «сперва же надобно знатных старшин довольствовать содержанием (подарками. — *Авт.*), чтобы они тем умягчились. А ежели-де знатные старшины на то склонятся, и киргис-кайсацкие народы от старшин отстать не могут»⁴¹. Таким образом, перед Тевкелевым встала нелегкая задача привести в подданство наивлиятельнейших владетелей в обстоятельствах, о которых ранее не было известно.

Не дремали и противники Абулхаира, боявшиеся, что присяга на российское подданство усилит его единоличную власть.

10 октября 1731 г. состоялось собрание наивлиятельнейших родоправителей Младшего и Среднего казахских жузов, на котором хан Абулхаир сообщил, что обратился с просьбой в Петербург, чтобы «иметь подданство великого монарха, и желает видеть свету, и лучше от них (владетелей. — *Авт.*) убиен будет, нежели страшно живот терпеть»⁴². Дело в том, что, по существу, Абулхаир-хан пользовался незначительной властью. Говоря словами Абулхаира, он «только имя носит ханское, а воли над подданными... не имеет и живет как между скотом; понеже кто лошадь имеет в руках, тот об ней промышляет, бережет, во всем охраняет, кормит, когда холодно — покры-

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 24—24 об.; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 49.

⁴¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 49.

⁴² Там же, с. 53.

вадет, а замарается — моет, а лошадей же диких в степях, не имеющих оберегателя, люди же бьют и звери ловят. И ныне, подобно тем зверям, он, хан, не имеет себе оборонителя...»⁴³.

Выступивший на собрании Тевкелев сказал, что стремиться к российскому подданству должны казахи, ибо для них существует серьезная угроза со стороны их внешних врагов, которые всегда использовали межродовые распри в Казахской степи в своих целях. Силой приводить в подданство он не собирается, но участники собрания должны учесть, что к этому времени в составе Российского государства уже находились «царь грузинский... хан калмыцкий... Аликулу-хан мугальский... Усмей-хан калпацкой, самовластные же князья кабардинские, кумыцкия, терския, барагунския, аксайския»⁴⁴.

Букенбай-батыр заявил собранию, что «в подданстве российском быть желает». Его поддержали Абулхаир-хан и Есет-батыр. Затем присягу на коране на верность России приняли Абулхаир, Букенбай, Есет, Худайназар-мурза, а за ними еще 27 наивлиятельнейших казахских владетелей⁴⁵. Этим актом было положено начало присоединению Казахстана к России.

23 декабря 1731 г. к Тевкелеву прибыли султан Батыр, сын Абулхаира султан Нуралы и Букенбай-батыр. Султан Батыр присягнул на верность России. На следующий день посла пригласили к «доброжелательному старшине» Кара-батыру, где присутствовали Абулхаир-хан, его зять султан Батыр и сын султан Нуралы, Букенбай-батыр и многие султаны «ханской партии», которые заверили Тевкелева в том, что все сделают для приведения к присяге казахов.

Тем временем принимались меры по организации контактов между русским посольством и владельцами Среднего жуза. 15 декабря 1731 г. Тевкелев, Абулхаир и Букенбай направили послов к хану Среднего жуза Семеке, который «пред Меньшою ордою гораздо люднее и богатее», с предложением принять российское подданст-

⁴³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 53.

⁴⁴ См.: ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 25.

⁴⁵ Добросмыслов А. Принятие казахами Малой и частью Средней орд русского подданства и управления ими посредством ханов (1730—1824 гг.). — Тургайские областные ведомости, 1899, 12 марта. № 11, с. 4; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 1, л. 90.

во. Хан Среднего жуза заявил, что «желает быть в подданстве всероссийском...» и «присягал быть в подданстве российском, написав письмо, приложил свою печать и обязался из Средней орды из своего владения отправить через посланцев своих ясаку в Москву...»⁴⁶. Семеке обещал встретиться с Тевкелевым в мае 1732 г., но встреча эта не состоялась из-за вновь возникшей опасности для жуза со стороны Джунгарии.

5 января 1732 г. Тевкелев направил в Коллегию иностранных дел присягу на российское подданство ханов Младшего и Среднего жузов Абулхаира и Семеке, султанов Батыра и Нуралы, ханши Бопай, батыра Букенбая, других крупных казахских владельцев, а также представителей Каракалпакии. Отметим, однако, что подданство Семеке было чисто номинальным.

Уже в мае 1732 г. к Тевкелеву в ставку Абулхаира прибыл один из владельцев Среднего жуза, Шакшак-батыр, с приглашением приехать в жуз для переговоров⁴⁷. Посол отказался поехать под предлогом дальности и отсутствия лошадей. Посланец хана Семеке сообщил, что на Средний жуз движется тридцатитысячное джунгарское войско. В этой связи Абулхаир-хан направил гонцов по всем улусам, чтобы собрать силы для отражения нападения. Для получения более точных сведений о численности и дислокации джунгарских войск, их военачальниках, ходе военных действий в Среднем жузе Абулхаир 26 июля направил туда своего представителя Акжигита. 16 августа Акжигит доложил о столкновении между казахами Среднего жуза и джунгарскими отрядами численностью примерно семь тысяч человек. В ходе боя в джунгарский плен попало 20 казахских кибиток «да несколько лошадей». По сведениям же, поступившим к

---

⁴⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 64. Это сообщение из «Журнала» Тевкелева было неверно истолковано Н. Г. Аполловой, что привело ее к бездоказательному и ошибочному утверждению, будто в 1731 г. «была приведена в подданство (российское. — Авт.) часть Среднего жуза». (См.: Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России..., с. 238; *Она же*. Экономические и политические связи Казахстана с Россией..., с. 115). Такое толкование документа стирает различие между временем подписания юридического акта о подданстве и фактическим его претворением в жизнь.

⁴⁷ Красный архив, 1936, т. 5(78), с. 208.

Тевкелеву от верных ему башкир, было пленено не 20, а 200 кибиток, 6 тыс. лошадей и 1 тыс. баранов ⁴⁸.

Посольство Тевкелева двинулось в обратный путь 24 ноября 1732 г. и возвратилось в Уфу 2 января 1733 г. В качестве почетных аманатов с ним прибыли сын хана Абулхаира султан Ералы и несколько старшин. На руках у Тевкелева была присяга казахов на российское подданство, в которой предусматривались их верность России, согласие направлять отряды на помощь русским войскам по первому требованию местной администрации. Казахские владельцы обязались не производить нападений на яицких казаков, башкир, волжских калмыков и на других подданных российских, не чинить им никаких обид, «жить с оными мирно и безсорно», а также обеспечить безопасность торговых караванов, вплоть до выделения специальных отрядов для их охраны, возвратить всех русских пленных при условии возвращения казахских, «кроме тех, которые в христианском законе находятся» ⁴⁹.

10 февраля 1734 г. султан Ералы в торжественной обстановке был принят в Петербурге императрицей. В своей речи на приеме он еще раз подтвердил, что казахский народ «удостоился высочайшей... протекции и принятия в вечное подданство» России. Ералы подчеркнул, что казахи просят «содержать их в неотменной своей императорской милости и зашищении» ⁵⁰.

В ответной речи государственный вице-канцлер А. Остерман сказал, что хан Абулхаир «с своим народом должен по своей учиненной подданнической присяге... всякую верность и службу показать» ⁵¹.

Во время пребывания в Петербурге представители Казахской степи получили представление о России как о морской державе, о чем подробно сообщили своему народу по возвращении. В свою очередь, в Петербурге заин-

⁴⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 76.

⁴⁹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1731 г., д. 6/н, л. 94 и об.; Книга Азиатского департамента, № 21, л. 81 об. — 82. — Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 136; ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 24 об.

Эта присяга была подписана ханом Абулхапром и наивлиятельнейшими казахскими владельцами 10 октября 1731 г.

⁵⁰ Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896, с. 7; Добросмыслов А. Материалы по истории России: Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. 1. Оренбург, 1900, с. 112—114.

⁵¹ Рычков П. И. История Оренбургская, с. 8.

тересовались сведениями «о жилищах и прочих обстоятельствах недавно прибывших сюда киргизских и башкирских народов»⁵².

Реальные преимущества союза с Россией были столь наглядны и убедительны, что примеру Младшего и Среднего жузов последовали другие народы. В частности, были предприняты некоторые шаги по приведению к присяге на верность России среднеазиатских ханств. Так, еще 17 декабря 1731 г. к Тевкелеву прибыл Абулхаир с сообщением о его намерении направить своего сына султана Нуралы к хивинскому хану Жолбарсу с предложением принять российское подданство «и договориться о коммерции, дабы как российские купцы в Бухарию, так и бухарские в Россию через Киргизскую орду с караванами ездили свободно»⁵³. В ответ на это Тевкелев заметил, что торговать через Казахскую степь почти невозможно из-за постоянных разорительных набегов «разбойничьих шаек», которые «страху от ханов не имеют». Русский посол высказал предположение, что добиться безопасности торговли через Казахскую степь можно лишь тогда, когда у впадения Ори в Яик будет построена крепость, в которой хан и его приближенные от всех казахских родов будут зимовать, а в его распоряжении будет соответствующая вооруженная сила. Крепость, по мнению Тевкелева, должна была стать экономическим, политическим и стратегическим центром. Эту идею Абулхаир «принял за благо» и обещал «к тому старшин... склонить»⁵⁴. 19 декабря 1731 г. Нуралы отбыл в Хиву⁵⁵.

Тем временем в Хивинском ханстве сложилась крайне неблагоприятная обстановка для того, чтобы положительно решить вопрос о принятии Хивы в состав России⁵⁶. В Хиве одержали победу враждебные как в отношении к Абулхаиру, так и в отношении к России силы. Естественно, Нуралы и сопровождавшие его лица были встречены враждебно. «И отъехал сын Абулхаир-хана из Хивы со озлоблением и без довольствия». Поведение хивинских владетелей вызвало неудовольствие Абулхаира, который

⁵² Примечания на ведомости. Ч. 28. Спб., 1734, с. 114.

⁵³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 1, л. 100.

⁵⁴ *Лебедев В.* Из истории отношений казахов с царской Россией в XVIII в. — Красный архив, 1936, т. 5(78), с. 188.

⁵⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 62—63.

⁵⁶ *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России, с. 217.

в беседе с Тевкелевым заявил, что «он-де за ту злобу будет с хивинцами воеватца»⁵⁷.

Сведения о посольстве Тевкелева дошли и до кочевий Старшего жуза, в результате чего в конце 1733 г. посланцы Старшего жуза Аралбай и Оразгельды прибыли к хану Абулхаиру с просьбой ходатайствовать перед императрицей о принятии Старшего жуза в российское подданство. «И Большая орда, — читаем мы в послании Абулхаиру хана Старшего жуза Жолбарса, — будет служить, как и протчия подданные... и все повеления исполнять будут, и желают купечество распространять в Ташкент, в Самарканд, в Бухару, в Хиву, Тюркестан, в Хокан и в протчия тамошния места, и от тех мест — в российские города». По словам посланцев Старшего жуза, «всей Большой орды старшина будут присягать, когда указом ее императорского величества хто прислан будет к Абулхаир-хану на устья реки Орь, и такмо учинит с ним кондиции»⁵⁸.

В то же время султаны и бии Старшего жуза (Кодарбий, Толе-бий, Сатай-батыр, Кангельди-батыр и Болекбатыр) обратились непосредственно к Анне Иоанновне с просьбой принять их, а «також и всей орды» в российское подданство⁵⁹. Это была первая попытка Старшего жуза войти в состав России. Начальник Оренбургской экспедиции И. Кирилов настойчиво советовал правительству не отказывать казахам Старшего жуза в русском подданстве, а, наоборот, «всякими образы приласкать, потому что от той и протчих киргис-кайсацких орд бухарцы и другие тамошние народы в страхе находятся... Когда они будут под российскою протекциею, то и для зюнгорского владельца и для Бодокшана надобны, и так, вместо здешних войск чюжих, да на чюжих же воевать будут...». В случае принятия Старшим жузом российского подданства создавались благоприятные условия для присоединения к России среднеазиатских ханств, тем более что к этому времени хан Жолбарс овладел Ташкентом.

Учитывая все это, императрица 10 июня 1734 г. подписала указ о принятии казахов Старшего жуза в российское подданство. Указ был направлен Абулхаир-хану с тем, чтобы он «привел к подданству Большую орду...».

⁵⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 68.

⁵⁸ Там же, с. 101.

⁵⁹ Там же, с. 102—103.

Хан Старшего жуза приглашался в устье реки Орь к А. Тевкелеву и И. Кирилову для «учинения присяги». Со своей стороны, хан Жолбарс сообщал о возможности активизации русско-среднеазиатской торговли и обещал организовать охрану торговых караванов⁶⁰.

19 сентября 1738 г. Анна Иоанновна своей грамотой на имя Жолбарс-хана подтвердила принятие Старшего жуза в состав Российской империи. Однако в связи с усложнением международной обстановки и отдаленностью Старшего жуза от России попытка эта не увенчалась успехом⁶¹.

Выполнило ли посольство Тевкелева возложенную на него миссию и как это сказалось на дальнейшем развитии русско-казахских отношений? По этому вопросу существуют различные мнения. Одна группа исследователей считает, что принятие казахами российского подданства не только не содействовало безопасности российских границ и передвижения торговых караванов, но в связи с некоторыми неудачными мерами администрации отдалило на целое столетие с лишком «утверждение наше в Киргизской степи»⁶².

По мнению других исследователей, хотя казахи и приняли русское подданство, они по-прежнему оставались «независимыми, не платили податей и не несли никаких обязанностей в отношении России»⁶³.

Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении материалы, мы еще раз убеждаемся, что посольство Тевкелева сыграло решающую роль в дальнейшем развитии русско-казахских отношений. Оно способствовало выявлению

---

⁶⁰ Там же, с. 110—111, 120—121, 118—119, 106, 104, 128; Книга Азиатского департамента, № 21, л. 88.— Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 137.

⁶¹ ПСЗРИ, т. IX, № 7511, 7657; ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 38; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19208, л. 49.

⁶² *Шепелев А.* Очерк дипломатических отношений России с Средней Азией до начала XIX столетия. — Средняя Азия: Научно-литературный сборник с календарем на 1896 г. Ташкент, 1895, с. 34; *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865; *Лобысевич Ф.* Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Спб., 1900.

⁶³ *Макшеев А. И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. Спб., 1890; *Красовский М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. — В кн.: Область сибирских киргизов. Т. I—III. Спб., 1868.

перспективы казахско-русского сближения, нагляднее проявились противоречия в казахском обществе, определилась расстановка сил, выделились группировки, стремящиеся к российскому подданству и противостоящие им, а также отношение широких народных масс к этому важному акту.

Ближайшими положительными результатами российского подданства явились указы императрицы, запрещающие волжским калмыкам, башкирам, русским, сибирским и яицким казакам «войною ходить и разорять» казахов под страхом большого наказания⁶⁴, в то время как до этого нападения на казахские аулы проходили совершенно безнаказанно. Не случайно ханша Бопай на одном из собраний старшин Младшего жуза, созванном по случаю приезда в степь летом 1748 г. от Тевкелева сакмарского казака-башкира Кубека, заявила, что казахи с вхождением в состав России получили: «1-е — спокойное житье, 2-е — никакой неприятель на них отважно не нападает», так как народ получил «немалую оборону»⁶⁵. На приеме у И. Неплюева в Оренбурге 12 июля 1749 г. старшина Каратук-бий заявил, что «с приведением в подданство... здешним торгам свободно пользуются и через то ни в чем нужды не имеют и желают, дабы оной здесь и впредь свободно происходил, чтоб не токмо самим им, киргис-кайсакам, но и женам их безопасно было приезжать и отъезжать, как-де то и чинится»⁶⁶.

---

⁶⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 386.

⁶⁵ Там же, с. 390.

⁶⁶ Там же, с. 462.

РУССКО-КАЗАХСКИЕ СВЯЗИ ДО СЕРЕДИНЫ XVIII В.

После оформления юридического акта о российском подданстве казахов Младшего и частично Среднего жузов начался период, который условно можно назвать периодом превращения подданства «де-юре» в подданство «де-факто». Особая роль в этом принадлежит Оренбургской экспедиции, образованной в 1734 г., в задачу которой входило управление вошедшими в состав России Башкирией, Казахстаном и Каракалпакией. В начале 1734 г. ее начальник И. Кирилов сделал представление на имя императрицы и в Коллегию иностранных дел, в котором внимание обращалось на необходимость строительства города-крепости у места впадения Ори в Яик. По его мнению, город будет способствовать распространению «внутренней коммерции», купеческие караваны для покупки русских товаров из Туркестана и Ходжента двинутся в глубь России, в район Ори и Яика, а не в Бухару, как это было раньше. В случае предоставления иностранным купцам определенных привилегий они начнут селиться в новом городе, а это будет способствовать развитию торговли¹. «А хотя б, паче чаяния, — писал Кирилов, — ничего дальнего владения и богатства не получим, да ничего ж и не потеряем, но всегда от нового города прибыль останетца на нашей стороне»². Он сообщил о том, что у казахов есть «во владенье горы подле Сыр-Дарьи», которые они называют свинцовыми, где они и «берут свинцу столько, сколько хотят и льют пули...», что в свинце име-

¹ История Казахской ССР, т. 3, с. 45—47.

² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 110.

ются примеси серебра. Им обосновывалась мысль о том, что сера и селитра, имеющиеся в достатке в крае, могут удовлетворить потребности России в порохе. Кроме того, Казахская степь может стать поставщиком лошадей «на всю российскую кавалерию за дешевую мену на сукно российских фабрик», «а лошади киргиз-кайсацкие и башкирские — добрыя и крепкия»³. В связи с этим И. Кирилов впервые ставит вопрос о строительстве «нового города и на Аральском морце». «А когда на озере Аральском пристань и суды заведут русския, то гораздо способно по нескольку сот пудов грузов вывозить»⁴. 10 июня 1734 г. Анна Иоанновна предписала Кирилову стараться создать на Аральском море флотилию⁵.

В Петербурге представление И. Кирилова было тщательно изучено Коллегией иностранных дел, и 18 мая 1734 г. императрица утвердила инструкцию начальнику Оренбургской экспедиции о взаимоотношениях с башкирами, казахами, Джунгарией и Хивой⁶. Ставилась задача регулярно информировать Коллегию иностранных дел о положении дел не только в Казахстане, но и в сопредельных с ним странах, а также воздерживаться от вооруженных конфликтов с Джунгарией, в то же время не допуская нападения на российские населенные пункты и ограждая от всяких податей, которые джунгарские феодалы «с наших подданных сибирских народов, приходя леккими партиями, берут...». Необходимо было оказывать содействие Абулхаиру в его борьбе с Хивой, но не войсками, а оружием, боеприпасами. Что касается живой силы, то только «где потребно будет... которая из башкирцев и татар выберутся охотники»⁷. Грамотой от 10 июня 1734 г.

³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 112.

⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1734, д. 4, л. 10, 14.

⁵ АВПР, ф. Глав. архив 1—9, д. 12, л. 1255. См. также: *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких... орд и степей. Ч. 2. Спб., 1832, с. 115, 128.

⁶ См.: *Добросмыслов А.* Принятие казахами Малой и частью Средней орд русского подданства и управление ими при посредстве ханов (с 1730 по 1824 г.). — Тургайские областные ведомости, 1899, 12 марта, № 1, с. 5; ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6576; Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сборник документов. М., 1965, с. 8; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 115.

⁷ См.: *Добросмыслов А.* Материалы по истории России: Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 г. Т. 1. Оренбург, 1900, с. 63—68; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 116, 117.

императрица санкционировала строительство города-крепости в устье реки Ори, который предназначался для защиты Абулхаир-хана, «также и других киргис-кайсацких и каракалпацкого в наше подданство пришедших орд ханов и старшин и всего ж войска и посольства от наших и ваших неприятелей...». К месту строительства направили И. Кирилова, А. Тевкелева и сына Абулхаира султана Ералы. В благодарность хан должен был сообщать русской администрации о внутри- и внешнеполитическом положении степи, «всегда от внезапных неприятельских нападений всякое охранение чинить и о худых и противных чьих намерениях и замыслах нашим статскому советнику Кирилову и полк. Тевкелеву и войскам нашим, где как случай и допустит, заблаговременно ведомости подавать и других упомянутых наших ханов и старшин и войско в том утверждать...»⁸.

В тот же день хану Среднего жуза Семеке в ответ на его повторную просьбу о российском подданстве была направлена грамота императрицы с подтверждением подданства, но из-за смерти Семеке она адресату не была вручена. Новый хан Среднего жуза Кучук и султан Барак в конце декабря 1735 г. в письме на имя А. И. Тевкелева подтвердили российское подданство Среднего жуза и просили направить к ним посольство. Вопрос ставился так, что оно должно было находиться в Среднем жузе длительное время, «как у Абулхаир-хана». Его пребывание правящая верхушка Среднего жуза намеревалась использовать для укрепления своих позиций в степи.

В 1736 г. российское подданство приняли батыр Среднего жуза Джаныбек с его аулами, подтвердили подданство султаны этого же жуза Барак и Абулмамбет, брат хана Семеке. Чтобы повысить авторитет российской администрации, Абулхаир поднимал вопрос об отмене пошлин с казахских купцов⁹.

Как видно из грамоты императрицы, направленной хану Младшего жуза 24 февраля 1736 г., правительство России осталось весьма довольным его действиями по

⁸ Левшин А. Описание киргиз-кайсацких... орд и степей, с. 117—120; Книга Азиатского департамента, № 21, л. 85. — Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 136.

⁹ Добросмыслов А. Тургайская область: Исторический очерк. Т. 1. Тверь, 1902, сноска 12; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 121, 122—123, 125—126.

приведению в подданство казахов. Ему сообщалось о возвращении сына Ералы, султана Нияза вместе с сопровождающими их лицами. Вместо них в качестве аманата был направлен сын Абулхаира султан Кожамет в сопровождении племянника хана султана Клыча Мухаммеда, полномочного представителя казахского хана при царском дворе.

Таким образом, через Абулхаира и его окружение российское правительство получило возможность проводить в жизнь свою генеральную линию по упрочению позиций в степи. Понимая, что это сулит ему значительные выгоды, хан в августе 1738 г. через Татищева обратился с посланием к Анне Иоанновне, в котором, заверив еще раз императрицу в своей верности, предлагал свои услуги. 3 августа того же года 100 человек во главе с султаном Нуралы и старшинами прибыли в Оренбург к В. Н. Татищеву и «в верности присягу učinили». В своей грамоте от 19 сентября 1738 г. императрица Анна Иоанновна выразила удовлетворение таким ходом событий. Об этом же писал Абулхаир Елизавете в сентябре 1743 г., «мы со своей ордой в подданство пришли»¹⁰.

Заинтересованные в торговле казахи, в особенности Среднего жуза, стремились добиться у царского правительства разрешения на перекочевку поближе к российским населенным пунктам. Новый начальник Оренбургской комиссии генерал-лейтенант князь В. Урусов доносил 22 октября 1739 г. в Коллегию иностранных дел, что 17 октября ему доставили письма от прапорщика Этыгерова, находившегося в Среднем жузе, и влиятельного батыра Среднего жуза султана Джаныбека, зятя Абулхаира. Джаныбек просил разрешить ему прикочевать в район Черного озера (близ Яика) для постоянной торговли в Яицком городке. Посланник Джаныбека также сообщил, что в Среднем жузе принимаются меры для розыска и возвращения товаров, отобранных летом 1739 г. у казанских купцов, причем в случае, если товары не будут найдены, их обещали компенсировать соответствующим количеством скота. По примеру Абулхаир-хана Джаныбек возвратил российских пленных.

В 40-х гг. появились первые признаки стабилизации

¹⁰ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960, с. 32—33; Книга Азиатского департамента, № 21, л. 87 об. — 88. — Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 138.

русско-казахских отношений. Обе стороны придавали большое значение направлению посольств с различными заданиями и переговорам. Многочисленные дипломатические миссии в Казахскую степь в 1740—1742 гг. доставляли сведения о событиях в степи, о взаимоотношениях между жузами и различными династическими группировками, о внешнеполитической деятельности правящей верхушки, настроении населения и т. п. Посольства снабжались подробными инструкциями, регламентировавшими деятельность его членов и самих послов. Анализ событий свидетельствует, что планы царской России в целом совпадали с интересами правящей казахской верхушки, надевшейся с ее помощью укрепить свое положение. На переговорах русские представители добивались того, чтобы всем купцам была предоставлена возможность свободной торговли, «коим образом утвердить безопасность, чтоб караваны впредь беспрепятственно ходить могли, дабы оную безопасность твердо основать, чтоб впредь грабительств быть не могло»¹¹. Как правило, переговоры сопровождалось принятием присяг на российское подданство. Так, во время переговоров в Оренбурге 19 августа — 1 сентября 1740 г. присягу приняли 399, 20 августа — 7 сентября 1742 г. — 178 наивлиятельнейших казахских родоправителей¹².

Особое значение имело русское посольство в Казахстан во главе с Д. В. Гладышевым, на которое, кроме других, возлагалась задача исследовать место, рекомендованное Абулхаир-ханом для строительства города-крепости¹³. Во время бесед хан стремился убедить Гладышева в необходимости строительства города в районе р. Сырдарья, который служил бы опорным пунктом в борьбе с Джунгарией. Абулхаир рассчитывал, что со строительством города повысится его авторитет не только в народе, но и в сопредельных странах, в частности в Персии. Но, по сообщению Д. Гладышева, место это не подходило ввиду отсутствия вокруг лесов, осенних покосов, удобных пашен да и «земля песчаная, с ылом и дождя не бывает...». К тому же прибытие из России строитель-

¹¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 144, 162.

¹² История Казахской ССР, т. 3, с. 62—65.

¹³ АВПР, ф. Глав. архив I—9, 1826—1833, д. 3, л. 214; Масанов Э. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, с. 56.

ного отряда вызвало бы беспокойство у коренного населения по поводу возможного развития наступательных операций в степи. Было совершенно очевидным, что, хотя «тамошние все народы» явно и не препятствовали строительству города, Абулхаир-хан всячески стремился скрыть от них свое намерение.

Направление российского посольства к казахскому хану совпало с весьма сложной и напряженной обстановкой, сложившейся в связи с опасностью для Казахской степи со стороны Персии, которая «тамошних областей народ... к себе приласкают». Еще 18 августа 1740 г. шах Надир, воспользовавшись набегами хана Жолбарса (1728—1740 гг.) на Хорасан и его категорическим отказом признать свою зависимость от Персии, форсировал Амударью, превратил Мерв в свою опорную операционную базу «для планируемых им походов в Среднюю Азию и даже в Китай», в конце сентября овладел Самаркандом и примерно в октябре двинулся против Жолбарса¹⁴. Захватив Хиву, Надир создал угрозу для зимовок казахов в районе Сырдарьи.

Воспользовавшись поражением хивинского хана от персидского шаха, Абулхаир поставил перед собой цель утвердиться ханом в Хиве. Во главе 3-тысячного войска, составленного из казахов и каракалпаков, Абулхаир вместе с Гладышевым и его спутниками переправился на левый берег Амударьи. В ночь с 6 на 7 ноября Абулхаир овладел Хивой и провозгласил себя хивинским ханом. При встрече с Гладышевым Абулхаир заявил: «Я благодарю бога, что Хива теперь в подданстве е. и. в. и я в оной ныне ханом»¹⁵. Однако из-за слабости своих войск Абулхаиру долго продержаться не удалось. Опасаясь подхода основных сил персидского шаха, Абулхаир вынужден был 11 ноября покинуть город. Угроза персидского завоевания казахских кочевий сохранялась.

По просьбе казахского хана в Хиву и к шаху Надиру было направлено русское посольство во главе с Мансуровым. В задачу посольства входило предупреждение шаха об опасности, которая может сложиться для Персии в

---

¹⁴ *Кишмишев С. Р.* Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889, с. 212, 272; *Абрамов М. М.* Из политической истории Самарканда во второй четверти XVIII в. — *Общественные науки в Узбекистане*, 1967, № 3, с. 36—38.

¹⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 178.

случае продвижения его войск на север. Вмешательство российской администрации сыграло известную роль в устранении непосредственной опасности для Казахской степи со стороны Надира¹⁶, а также упрочило положение Абулхаира не только в Казахской степи, но и среди каракалпаков.

Между тем для казахского народа угроза со стороны Джунгарского ханства продолжала оставаться реальной. Как сообщал в Петербург генерал-губернатор Урусов в 1741 г., джунгарское войско произвело несколько нападений на казахов и «четырежды их разбивало». Султана Среднего жуза Аблая вместе с «200 человек... в полон взяли», а «от того оной же орды Абулмамет-хан с своим улусом через реку Орь переправился и приближался к Оренбургу...» Правительство предписало оренбургской администрации впустить в крепость Абулмамбета «с несколькими из знатных при нем людей», а улусы его разместить вблизи Оренбурга¹⁷.

По существу, это был первый конкретный шаг российской администрации по защите казахской верхушки от внешней опасности, надолго запомнившийся в Казахской степи. Знатный бий алчин-карасакальского рода Тлепберген на одном из старшинских съездов в 1750 г. заявил: «... последнее нападение на нас от зюнгарских калмык Сары-Манджи мы живот свой около Орь-реки и по Яику спасли. А ежели б в то время такое высочайшее защищение от ее и. в. над нами... не было, то б де и мы уже со обеих сторон изгнаны и разорены были б вовсе...»¹⁸.

Россия твердо стояла на том, чтобы закрепить свои позиции в Казахской степи, поэтому разорительные набеги Джунгарии на казахские земли не могли остаться без внимания.

Для упрочения русско-казахских связей в соответствии с инструкцией Оренбургской комиссии в августе 1741 г. поручик Д. Гладышев вновь направился в степь. Вместе с ним находился также английский купец Гок. 7 января 1742 г. Гладышев прибыл к Абулхаиру, кочевавшему на территории Хивинского ханства, близ Амударьи.

¹⁶ Вяткин М. П. К истории распада Казахского союза. — В кн.: Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2. Алма-Ата, 1948, с. 10.

¹⁷ Книга Азиатского департамента, № 21, л. 90—90 об., 91.

¹⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 515.

Хан сообщил послу о приезде посланцев джунгарского хунтайджи Галдан-Церена (1727—1746 гг.), которые потребовали от Абулханра покорности и направления в Джунгарию в аманаты его сына и детей знатных казахских феодалов. Однако без согласия Российского правительства он не намерен выполнять требования джунгарских послов. В случае, если джунгары не прекратят разорительные набеги, казахи вынуждены будут двинуться в Оренбург и кубанскую степь, чтобы спасти себя от уничтожения. Таким образом, кочевья волжских калмыков оказались под угрозой. Поэтому 20 мая 1742 г. Правительствующий сенат издал указ о мерах защиты казахского населения и обороны крепостей. В нем, в частности, предусматривалось увеличить гарнизоны в крепостях и по всей границе с Джунгарией. Если это сделано не будет, то в случае джунгарской агрессии «не только их, кайсаков, защитить, но и крепости оборонить будет нечем»¹⁹. Поэтому казанский, уфимский и шашминский полки было решено не переводить в Астрахань, а оставить при Оренбургской комиссии и передать в распоряжение И. Неплюева для использования по его усмотрению. Усиленные гарнизоны также должны были способствовать созданию устойчивого авторитета Российского государства среди коренного населения. Группа башкир, побывавшая в Казахстане в 1742 г., сообщала: «А от российских войск ныне оные кайсаки опасения не имеют... и российских-де командиров весьма благодарят, что им с здешних сторон никакого разорения не чинится». Никаких обид по отношению русских к ним, башкирам, они не усмотрели»²⁰.

В сентябре 1742 г. к Галдан-Церену было направлено посольство К. Миллера, целью которого была стабилизация положения в степи путем установления дипломатических контактов с Джунгарией. Следовательно, Россия как союзерен заботилась не только о казахах как своих подданных, но и о собственном престиже. В инструкции Миллеру указывалось на необходимость пресечь «непристой-

¹⁹ 2 мая 1749 г. императрица Елизавета предписала оренбургскому генерал-губернатору в случае вторжения джунгарских войск в Казахскую степь выделить войска для защиты казахских аулов. Казахам была разрешена кочевка на правой стороне Яика в период наибольшей опасности со стороны Джунгарии (АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 2, л. 4; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 446).

²⁰ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 203.

ные требования (Джунгарии. — *Авт.*)... и установить в том надлежащую спокойность...», а также добиться отказа хунтайджи от его требований получить казахских аманатов ²¹.

Миллер и члены посольства должны были разъяснять казахским владетелям, что главной целью поездки к Галдан-Церену является достижение договоренности с джунгарским хунтайджи о прекращении военных действий в Казахской степи.

Допуская, что возможны и нападения казахов на джунгарские пограничные районы, российская администрация требовала от хунтайджи рассматривать их как инцидент с Россией, а значит, и разрешать его с Петербургом, не вступая в сношения с казахскими владетелями по этому поводу. Российские власти будут добиваться прекращения этих нападений путем строгого наказания виновников. В случае договоренности по этому вопросу правительство получило бы юридическое признание Джунгарией того неоспоримого факта, что казахские ханства находятся в составе Русского государства.

К. Миллер должен был предпринять все возможное для освобождения из джунгарского плена султана Аблая с сопровождавшими его лицами. Инструкция ставила задачу договориться с Галдан-Цереном текущие вопросы решать путем переговоров, а для решения наиболее важных проблем обмениваться посольствами. В случае непредвиденных обстоятельств Миллер должен действовать по «здравому разсуждению», но чтобы все «было с пользою ее и в высочайших интересах, ибо всего отсюда (из Оренбурга. — *Авт.*) предписать невозможно» ²².

Несколько ранее, 20 августа — 7 сентября 1742 г., в Оренбурге состоялась встреча русских и казахских представителей с посланниками джунгарского хунтайджи и каракалпакского хана. В присутствии джунгарских послов еще раз было подтверждено российское подданство 178 биями и старшинами, представлявшими все казахские жузы ²³. При этом И. Неплюев особо акцентировал внимание на принятии подданства старшинами и биями Старшего жуза. Хан Абулхаир и батыр Джаныбек заявили, что какие бы события ни происходили в степи и какие

²¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 222, 225, 226.

²² Там же, с. 227.

²³ См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 158—169.

бы интриги ни чинили противники российского подданства в Казахстане и за его пределами, они проводили и будут проводить политику укрепления русско-казахских отношений, ибо «их главная нужда в том... состоит»²⁴. Поскольку эти высказывания отражали интересы большей части казахского народа, представители российской администрации предложили послам довести их до сведения хунтайджи. С этим предложением согласились казахские правители. Более того, Абулхаир «уверял о всегдашней своей верности, которую он с детьми своими и с людьми непременно продолжать должен...»²⁵.

На переговорах обсуждались также серьезные противоречия между ханом Младшего жуза Абулхаиром и его сторонниками, с одной стороны, и ханом Среднего жуза Абулмамбетом, который, «согласясь с Бараком и Батыром салтанами... умыслил, чтоб податей зюнгорскому владельцу... и аманатов дать, и ежели б он, Абулхаирхан, такого их худова совета угрозами не разорвал, то и действительно было учинено». Для обуздания народа Абулхаир потребовал от И. Неплюева «ему три тысячи человек войска дать», по одной тысяче от русских, калмык и башкир, «через то-де легкомысленный их народ в подобающем страхе и послушании останется и по всем ее и. в. указам исполнять возможно будет»²⁶. По его словам, Абулмамбет прибыл в Оренбург «от страху», а стоит ему выехать обратно, он будет продолжать старую политику заигрывания с Джунгарией. Абулхаир предлагал «для утверждения верности» самого Абулмамбета сына его оставить в аманатах. Абулмамбет действительно создавал видимость сближения с Джунгарией, но делал он это не потому, что не хотел находиться в российском подданстве, на которое он, как известно, уже присягнул, а с целью ослабления позиций Абулхаира в России.

Противоречия между ханами сулили российской администрации определенные выгоды. Прежде всего, они позволяли с наименьшими затратами упрочить позиции России в Казахской степи. Царское правительство было заинтересовано в усугублении противоречий между Абулхаиром и Абулмамбетом. Именно поэтому на переговорах в Оренбурге И. Неплюев под различными предлогами

²⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 230.

²⁵ Там же, с. 231.

²⁶ Там же, с. 235.

отказался предоставить Абулхаиру три тысячи российских солдат. В то же время, чтобы не оттолкнуть его от себя, начальник Оренбургской комиссии дал согласие на то, чтобы хан со своими приближенными кочевал «ближе к крестьянам... по рекам Илеку и Берде». Самому же Абулхаиру было разрешено свободно приезжать во все русские крепости. Это означало, что «он (Абулхаир. — *Авт.*) всегда в особливой ее и. в. милости находится». Ему же обещано было постоянное снабжение «казенным хлебом»²⁷.

Российская сторона настоятельно советовала представителям Казахской степи всячески избегать столкновений с джунгарскими войсками, дабы не давать им повода для применения силы. Ставился вопрос, чтобы казахи близко «к тому владению не кочевали, ибо немногие плуты с обеих сторон великие беспокойства поднять могут».

Наиболее удобным местом кочевания казахских аулов российская администрация считала район новых крепостей по рекам Илеку, Берде и Яику, но чтобы «в самую близость к крепостям не подходили» из-за возможности столкновения с яицкими казаками. Договорились также не допускать перехода за Яик казахов и волжских калмыков, чтобы предотвратить их столкновение, и принять меры к возвращению уже отнятого имущества и угнанного скота, возврату пленных.

Как и во время переговоров в августе — сентябре 1740 г., влиятельный казахский батыр Джаныбек поставил перед местными властями вопрос о присвоении ему тарханского звания для укрепления своего влияния в Казахской степи²⁸. Неплюев обещал предварительно посоветоваться с Абулхаиром и доложить об этом императрице. Сам И. Неплюев придавал большое значение положительному решению этого вопроса, рассчитывая таким образом сделать еще один шаг по приобретению опоры в степи: «...сильного человека при вышеозначенных обстоятельствах в постоянной ее и. в. верности иметь весьма нужно»²⁹.

И. Неплюев согласился с просьбой Абулхаира хода-

---

²⁷ Там же, с. 236.

²⁸ И. Неплюев считал, что Джаныбек-батыр «между киргиз-кайсаками не меньше ханов силен» (АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 100).

²⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 253.

тайствовать перед императрицей об утверждении «наследником ханства» его старшего сына султана Нуралы. Абулхаир вновь подтвердил свою верность России. Представителем России при хане был назначен прапорщик-геодезист И. Муравин, который должен был «примечать поступки ханские и репортовать» и не допускать перекочевки казахов через Яик.

Как же развивались события после упомянутых переговоров? В условиях активизации агрессивной политики Джунгарии оренбургская комиссия занялась разработкой мер по ограждению Младшего и Среднего жузов от джунгарского вторжения. Перед Коллегией иностранных дел была поставлена задача «наискоряя совершить и утвердить» Оренбург и всю Оренбургскую линию и, в частности, «назначенные на всей линии крепости до Верхояицкой пристани и до Тоболу строением и населением людей в них утвердить», «и оные обе орды, также и нижних каракалпак в подданстве ее и. в. содержать». Намечалось добиваться от джунгарского хунтайджи прекращения набегов на казахские аулы.

Российская администрация, готовая предупредить какие-либо внезапные действия со стороны Джунгарии, с одной стороны, и казахских ханств, с другой, внимательно следила за развивавшимися событиями в регионе. Особое внимание обращалось на взаимоотношения хана Среднего жуза Абулмамбета с джунгарским хунтайджи Галдан-Цереном. Чтобы не дать возможности хану Среднего жуза «к стороне зюнгорской единственно прилепиться», начальник оренбургской комиссии считал возможным при удобном случае задержать Абулмамбета в Оренбурге за «явное нарушение ево должности» и потребовать от него в качестве аманата старшего сына. В этом отношении взгляды Неплюева сошлись с упоминавшимся предложением Абулхаира.

В случае, если Абулмамбет перейдет на сторону Джунгарии, Неплюев предлагал сменить его другим, более послушным ханом. Между тем Абулмамбет считал, «что на него напрасно сердятся за отдачу сына ево к зюнгорскому владельцу», что это «верности ево к е. и. в. не мешает, а буде-де потребно, то у него и другой сын есть, которого он в Россию отдать может»³⁰.

---

³⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743, д. 3, л. 125 и об., 182.

К осени 1742 г. по сообщению Уразина, подтвержденному командующим сибирским корпусом генерал-майором С. В. Киндерманом, «оной владелец (Галдан-Церен. — Авт.) имеет намерение обретающееся вверху Иртыша российское войско осадить, а вниз по той реке разставить несколько тысяч военных людей и запасу». Полковник Павлуцкий и подпрапорщик Соболев сообщили И. Неплюеву, «что у зюнгорцев разставлены во многих местах частные караулы, каковых прежде не бывало». И хотя, как сообщали яицкие казаки, находившиеся при хане Абулмамбете, Галдан-Церен «все это от страху чинит и не инаково, как токмо оборонительно стоять хочет»³¹, Тобольская и Оренбургская администрации должны быть готовы к любой неожиданности.

19 октября 1742 г. в соответствии с указом императрицы от 30 сентября 1742 г. был издан указ «О запрещении киргизам кочевать близ реки Яик». В казахские аулы направлялись представители российской администрации, в задачу которых входило разъяснение населению указа императрицы о запрещении перехода через Яик «ни под каким видом». Аулы, кочевавшие в то время между Волгой и Яиком, должны были перейти на левую (бухарскую) сторону Яика. Для этого предполагалось использовать калмыцкие воинские отряды. «Чтобы и впредь на такие противности более отваживаться не могли», предусматривались аресты, содержание «под крепким караулом», допросы с целью установления зачинщиков и подстрекателей к нарушению царских распоряжений. По указу Правительствующего сената от 5 марта 1744 г. пойманные казахи должны были направляться в ссылку «из Оренбурга... в Рогорвик, а из Сибири — на Нерчинские серебряные заводы». Предусматривалось массовое осеннее выжигание степи по западной стороне Яика вплоть до Каспийского моря, чтобы лишить казахов повода для перегона их скота на правый берег Яика³².

Протестуя против таких действий царских властей, казахи в отдельных случаях нападали на русские крепости, расположенные вдоль Оренбургской линии: «Часть Младшего и Среднего жузов, отделясь от Абулхаир-хана, взбунтовав, пошли во многолюдстве под российские кре-

³¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 326—327.

³² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 266, 522; Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 148, 153.

пости и под волских калмык...»³³. Это резко обострило взаимоотношения царской администрации с казахскими владетелями, в частности с ханом Абулхаиром.

Противоречия между оренбургской администрацией и ханом Младшего жуза существовали и до этого. В первые годы своего пребывания в Оренбурге Неплюев все делал для того, чтобы поставить Абулхаира в полную зависимость от оренбургской администрации и тем самым подорвать его авторитет, создать условия «для политической изоляции» хана перед другими казахскими владетелями. М. П. Вяткин пишет, что именно в этом свете следует рассматривать конфликт И. Неплюева с Абулхаиром по вопросу о содержании в аманатах его сына Кожухмета³⁴. Отказываясь возвращать Кожухмета, оренбургский генерал-губернатор усиливал убеждение казахской феодальной верхушки в слабости хана Младшего жуза. Конечно, это не было ни причиной, ни следствием, а только поводом. Необходимо помнить о противоречивости этого процесса: борясь между собой, феодальные группировки, возглавляемые Баракком, добивались получения наибольших преимуществ в связи с принятием подданства. Это соперничество и послужило главной причиной неровных, колеблющихся отношений их между собой и каждой группировки в отдельности к русской ориентации. Действительные причины конфликта Неплюева и Абулхаира кроются в том, что хан не обеспечивал проведение в жизнь мероприятий царской администрации, направленных на дальнейшее упрочение позиций и влияния России в Казахской степи³⁵.

Проявляя недовольство Неплюевым, Абулхаир, сам того не ведая, выражал несогласие с некоторыми действиями российского правительства. Ибо ни один шаг оренбургского губернатора в Казахской степи не делался без ведома Правительствующего сената и Коллегии иностранных дел. Причины недовольства Абулхаира кроются в основном в том, что полностью не оправдались его надежды на усиление власти в степи, подавление соперников и

³³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 294, 295.

³⁴ Вяткин М. П. К истории распада Казахского союза, с. 13.

³⁵ Существует мнение, что противоречия между ханом Абулхаиром и российской администрацией явились следствием того, что Кожухмет надолго был задержан в аманатах (Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960, с. 33).

захват лучших кочевий при помощи российского оружия. Российская же администрация не была заинтересована в укреплении одного хана за счет ослабления другого, в ее планы не входило создание сильной, централизованной власти в Казахстане. Наоборот, она стояла за ее ослабление, хотя не исключалось на том или ином отрезке времени пользоваться силой и авторитетом отдельных родо-правителей в целях осуществления своей программы. «Нынешняя их форма правления, — говорит И. Неплюев, — по дикости народной и по ситуации обоих орд (т. е. Младшего и Среднего жузов. — *Авт.*) для высочайших ее и. в. интересов такова, каковой всегда быть надобно, ибо чем сильнее ханы, тем под случай народного их беспокойства во усмирении их больша трудностей, лутшее кажется средство в нынешней их мере содержать, не допуская ни ту, ни другую сторону как силиться, так и в большое безсилие приходить»³⁶.

Оренбургский генерал-губернатор И. Неплюев склонялся к тому, что более эффективным средством урегулирования отношений с Казахской степью являются переговоры и расширение торговых контактов: «Оные народы... больше добрыми порядками в верности содержать и время от времени торг и добрые распоряжения в лутшее состояние и в спокойство приводить, как то всегда по возможности наблюдалось и ныне наблюдается»³⁷. Но в случае необходимости предусматривалось «надлежащее отмщение им (казахам. — *Авт.*) учинить, чтоб не возомнили, аки бы ко отмщению им способов сыскать невозможно»³⁸. Правители Казахской степи и Абулхаир, в частности, также понимали, что с Россией решать споры с помощью силы нереально. Именно в это время казахский хан возвратил часть российских пленных, хотя и не оставил мысли о возвращении своего сына. Это позволило Неплюеву написать в Коллегию иностранных дел 29 июля 1745 г., что Абулхаир «кажется быть прежнего поспокойнее»³⁹.

Между тем И. Неплюев продолжал курс на противопоставление одного казахского владетеля другому, рас-

³⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. с. 401.

³⁷ Там же, с. 346.

³⁸ Книга Азиатского департамента, № 21, л. 120—124 об. — Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 146—147.

³⁹ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 79.

считывая таким образом усилить раскол между ними и, следовательно, ослабить жузы. С этой целью оренбургская администрация приблизила к себе злейшего врага хана Младшего жуза султана Среднего жуза Барака, ненависть которого к Абулхаиру особенно усилилась к 1747 г., когда последний ограбил караван с подарками для Барака, направленный его сыном из Хивы.

Приглашенный в Петербург в качестве посла Среднего жуза брат Барака султан Искандер был хорошо принят императрицей Елизаветой и одарен ценными подарками вместе «с находившимися при нем людьми». В переданной ему грамоте на имя Барака высоко оценивались заслуги последнего перед Россией. Барак приглашался «к распространению при Оренбурге купечества» «к общей пользе подданных народов». Вместе с грамотой ему передали ценные подарки, за которые «он, Барак, весьма рад был и принял с немалым удовольствием и благодарил за высочайшую милость е. и. в., за что и во всегдашний верности пребывать и ко услугам готовым весьма обязывался и уверялся»⁴⁰. И. Неплюев в письме к Бараку выражал надежду, что он будет способствовать «в поохочивании сюда (в Оренбург. — *Авт.*) азиатских купцов и ваших людей для торгу с имеющимися у них товарами», сообщая в то же время, что и в Оренбурге имеется много всякого товару, привезенного русскими купцами»⁴¹. Оренбургский генерал-губернатор исходил из простого расчета, что Барак пойдет на сближение с Россией для усиления своей власти за счет ослабления, а возможно, и устранения Абулхаира. Если бы даже эти расчеты не оправдались, прямой выигрыш был бы в усилении казахско-русской торговли в Оренбурге. В то же время, опасаясь антироссийских выступлений, оренбургская администрация как бы между прочим поставила Барака в известность о мерах военного характера своего правительства в районах соприкосновения с казахами Младшего жуза.

Любопытную деталь сообщил казак М. Арапов, в качестве посла России сопровождавший летом 1747 г. возвращавшегося в Средний жуз Искандера. После того, как Бараку была вручена грамота императрицы, присутствовавшие при этом подтвердили «верность свою е. и. в.».

⁴⁰ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 358.

⁴¹ Там же, с. 337.

обязались «содержать оную нерушимо» и осудили «чинимыя от Абулхаир-хана худые поступки». Они же «разсудили, чтобы нынешним временем Барак-салтану самому к нему, Абулхаир-хану, нарочно съездить и уговорить, дабы он такие свои беспокойства и противности отложя, паки в прежней и в совершенной к е. и. в. верности и послушании пребывал с таким разсуждением, что в том не иная чья, как токмо их народная польза состоит...»⁴² Чтобы засвидетельствовать свою преданность России, Барак тут же в присутствии посла М. Арапова отказался направить требуемых джунгарским правителем своего сына султана Шигая в качестве аманата и 60 лучших иноходцев⁴³. В то же время «на всякий случай», чтобы «зюнгорского владельца... во озлобление не привести», направил в Джунгарию двух казахов с ответом, что «он учинить то не мог якобы за нынешними летними жарамы». Как удалось узнать Арапову, Барак имел намерение исполнить требование правителя Джунгарии осенью и даже готовил ему подарки «ис присланных ему, Бараку, отсюда (из России. — Авт.) суко́н, лисиц и прочего»⁴⁴. Это известие как нельзя лучше свидетельствовало о том, что оренбургской администрации, не всегда, кстати сказать, проявлявшей гибкость и достаточно оперативность в отношении к событиям в Казахской степи, особенно нельзя было надеяться на Барака и следовало более осмотрительно относиться ко всем его поступкам. В то же время, как свидетельствуют факты, султан Барак при всех его колебаниях больше склонялся к России. Не случайно летом 1747 г. он направил в Петербург в качестве своих личных представителей «знатных людей киргисцов» Тлепберды, Джаулыбая и султана Искандера с сопровождавшими их лицами.

К середине XVIII в. намечается окончательный поворот к России хана Среднего жуза Абулмамбета, а также султана Барака и других казахских правителей. Заметим, что Абулмамбет после совета со старшинами пошел даже на риск невыполнения требования джунгарского владельца о приезде к нему в ставку. По свидетельству Кутыр-батыра, почти все ближайшее окружение хана Среднего жуза в данном случае заявило Абулмамбету,

⁴² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 358.

⁴³ Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 153.

⁴⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 359—364.

что «он зюнгарского владельца не хуже и ехать ему туда незачем»⁴⁵. В ответ на эти действия джунгарский хунтайджи выслал из Джунгарии всех казахских купцов, чем обострил и без того напряженную обстановку в районе соприкосновения казахов и джунгар.

Вместе с тем становилось все более очевидным, что рядовые казахи-кочевники устали от внутренних усобиц и разорительных набегов. Да и казахские правители все более убеждались в необходимости укрепления связей с Россией для обеспечения безопасности. Поэтому в октябре 1745 г. по инициативе родоправителей русское подданство приняли 10 тыс. казахов найманского рода Среднего жуза⁴⁶. Абулмамбет через русского посланника Арапова в том же году сообщил И. Неплюеву о принимаемых им мерах по приведению в российское подданство «кунратского и усуньского народов»⁴⁷. А 23 декабря 1745 г. западно-сибирский генерал-губернатор А. М. Сухарев получил письмо от возвратившегося в сентябре из плена султана Аблая с просьбой принять в российское подданство казахов рода уйсунь⁴⁸, кочевавшего «между верхних калмык и кайсаков, всегда России противности» оказывавшего.

Все это позволило представителю российской администрации казачьему уряднику Ф. Найденову, направленному в Казахскую степь И. Неплюевым в 1745 г., «чтобы видеть и знать, при каких разсуждениях киргисцы», сообщить: «А оная-де орда вся состоит ныне спокойно и... никаких противностей (по отношению к России. — Авт.) не имеет»⁴⁹. Это же подтвердил 20 октября 1745 г. И. Неплюев. Летом 1747 г. хан Абулмамбет неоднократно подтверждал свою верность России и заверял российскую администрацию «по возможности своей непременно» исполнять любые задания оренбургских властей⁵⁰. К тому же, как указывается в представлении А. Тевкелева и П. Рычкова Коллегии иностранных дел о положении в Младшем и Среднем жузах от 22 января 1759 г., казахи «год от года поправляются и приходят в лучшее состоя-

⁴⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 317.

⁴⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 147 об.

⁴⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 325.

⁴⁸ Там же, с. 328—329.

⁴⁹ Там же, с. 324.

⁵⁰ Там же, с. 357.

ние вместо того, что они прежде множественное число русских, башкирцев и других иноверцев, российских подданных, в плен отвозили и многие их жительства опустошали»⁵¹. Немаловажным является и то, что с 1742 по 1758 г. казаками было возвращено 2253 пленных русских казаков, башкир, татар и калмыков⁵².

Именно в это время возникают наиболее благоприятные условия для развития русско-казахской торговли. Установившиеся политические связи с Россией вели к усилению и расширению экономических отношений. Казахские аулы, соприкасаясь в процессе кочевок с российскими населенными пунктами, видели экономическую выгоду от развивавшегося торгового обмена.

Султан Аблай в октябре 1745 г. направил к оренбургской и сибирской администрации посланцев с письмами, где сообщал о своем желании «жить в смиреннии и торговать с Россией». Аблай обещал способствовать тому, чтобы «никакого к российскому народу обид и изъян не чинить, а быть приятелем». Он высказался за российское подданство и мирное разрешение спорных проблем, проявлял готовность «со своею командою к защищению верноподданных народов» и просил разрешить его купцам торговать в Оренбурге и Тобольске на условиях, с которыми велась торговля с Абулхайром и Абулмамбетом, «проезжая из своей орды особливим трактом, от чего де может быть немалый торг»⁵³.

Направляя своих послов к российской администрации, Аблай намеревался получить покровительство, а в случае необходимости и военную помощь от России. Россия же рассчитывала склонить Аблая на свою сторону, чтобы с его помощью проводить свои интересы в Казахской степи. 16 апреля 1746 г. оренбургский генерал-губернатор И. Неплюев направил Аблаю письмо с приглашением казахов Среднего жуза в Оренбург для

⁵¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1759, д. 6, л. 6 об.

⁵² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 573. По данным П. И. Рычкова, «бывших у них в плену российских пленных, как-то: русских, калмык, башкирцев и других, разными образами, с 1742 г. по 3-е число июля 1754 г. высвобождено тысяча сто восемьдесят человек. Да разных наций, с их же бежавших в полону, вышло двести двенадцать, из которых шестьдесят восемь человек восприняли святое крещение» (*Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Ч. 1. Оренбург, 1887, с. 112—113).

⁵³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 8, л. 1—10.

торговли. В этом письме красной нитью проходила мысль, что российская администрация будет всячески способствовать развитию торгового обмена между Россией и Казахстаном. В то же время внимание правителя Казахской степи обращалось на предотвращение набегов на пограничную линию.

По сообщениям лиц, которые долгое время находились в казахских аулах и возвратились в Россию в конце 1746 г., казахи «пребывают спокойно и никаких к здешней (российской. — Авт.) стороне замыслов не имеют... все старшины и знатные люди паче верность и от здешней стороны удовольствия оказывают»⁵⁴.

Более того, казахи Среднего жуза, за исключением «некоторых плутов» кипчакского рода, кочевавших с Младшим жузом, в этот период не намеревались совершать никаких вылазок в российские пределы. Это подтверждают и такие документы, как письмо Джаныбека и Букенбая И. Неплюеву от 20 мая 1747 г., показания сакмарского казака Мансура Асанова, ездившего по заданию оренбургского генерал-губернатора в Средний жуз к тархану Джаныбеку⁵⁵.

Развитие русско-казахской торговли способствовало уменьшению нападений на караваны и общему успокоению в степи. «А ныне... противности нет и при торгу во всех им приказаниях так послушными себя оказывали, каковы, чаю, никогда не бывали», — доносил И. Неплюев в Коллегию иностранных дел⁵⁶.

В это время хан Младшего жуза Абулхаир принимает действенные меры к возвращению казахов, плененных яицкими казаками, стремясь таким образом повысить свой авторитет в народе. Оренбургский генерал-губернатор отговорился тем, что пленные казахи находятся в ведении яицкого войска, которое ему якобы не подвластно, и что он будет вести переговоры с их старшинами по этому поводу, намереваясь в конечном счете их отпустить, «дабы тем народу показать удовольствие»⁵⁷. И. Неплюев дал указание башкирским старшинам взять на учет всех

⁵⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 8, л. 81.

⁵⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 331—333, 343, 344, 351.

⁵⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 81; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 364.

⁵⁷ Там же, с. 320.

пленных казахов для их возвращения на родину. Он же обратился затем к владельцам казахских жузов с аналогичной просьбой в отношении пленных башкир. Этот пример как нельзя лучше свидетельствует о том, что и Неплюев, и Абулхаир, каждый исходя из своих интересов, стремились играть на сокровенных чувствах казахского народа.

Для русского правительства между тем не оставалось сомнений, что Абулхаир, «сколько предерзлив ни был, однако пред другими первой в подданство... вступил, и фамилиею своею более к здешней стороне придерживался, и всегда сына своего здесь содержал, яко же и ныне оставил»⁵⁸. И Абулхаир понимал необходимость возобновления непосредственных контактов с Неплюевым и другими высшими чинами России, прекращения антирусских устремлений как тактическом шаге на пути выполнения своих планов.

В сентябре-октябре 1747 г. оренбургскому губернатору поступил ряд сообщений от находившегося в степи русский посланника Кубека. В донесениях Кубека подтверждались сведения «о наступлении значительного успокоения» в казахских аулах и отсутствии у шаруа малейшего желания вести военные действия с кем бы то ни было. Убедившись, что «российское войско и волжские калмыки» не собираются на них нападать, казахи со своим скарбом приблизились к российским границам. Абулхаир со своим окружением стал кочевать в 15 днях ходу от Оренбурга. По решению Правительствующего сената от 31 января 1747 г. «для отвращения оного (Абулхаира. — *Авт.*) от противностей» и приведения его в согласие и дружбу с оренбургским генерал-губернатором в Оренбург был направлен А. Тевкелев. В случае если бы хана не удалось помирить с Неплюевым, Тевкелев должен был «Абулхаир-хана от ханства отставить, а вместо его... в ханы произвестъ из доброжелательных старшин». Однако в последний момент Коллегия иностранных дел сделала представление Правительствующему сенату, в котором внимание обращалось на то, что у казахов ханы избираются на собрании султанов и старшин, а поэтому нельзя российской стороне становиться на этот путь, тем более что Абулхаир «в киргиз-кайсацком народе силу имеет не

---

⁵⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 401—402.

по ханскому уряду, но по его хитрости и великой фамилии»⁵⁹. Поэтому посол при встрече с ханом должен был прежде всего добиться прекращения нападения казахов на пограничные районы России и возвращения российских пленных. Предполагалось также заменить Кожакмета другим сыном Абулхаира, причем предусматривалась возможность получения дополнительных аманатов из числа сыновей наиболее влиятельных родоправителей. Чтобы иметь полное представление о казахском народе, Тевкелеву поручалось составить описание родов и мест их кочевок.

Абулхаир-хан не замедлил воспользоваться приездом Тевкелева в Оренбург в конце 1747 г. для установления с ним личных контактов. Разумеется, он рассчитывал использовать посла в своих интересах. Не случайно в письме к Тевкелеву от 8 декабря 1747 г. он акцентирует его внимание на необходимости «говорить секретно»⁶⁰. С его же помощью хан рассчитывал освободить «попавшихся в плутовстве».

Встреча хана Младшего жуза с Тевкелевым произошла в Орской крепости в июле 1748 г. В знак верности России Абулхаир прибыл со всеми своими детьми и несколькими родоправителями Младшего и Среднего жузов. На переговорах Абулхаир обязался «впредь никаких продерзостей не делать», собрать разбросанных по степи российских пленных, а также угнанный скот, отобранное имущество и доставить в Оренбург. Надо полагать, что Абулхаир приехал на переговоры с намерением улучшить отношения с оренбургской администрацией, уже хотя бы потому, что он заменил находящегося в аманатах Кожакмета на другого сына, султана Айчувака, с условием замены его весной султаном Адилом, младшим сыном. А ведь инструкция Коллегии иностранных дел от 4 июля 1747 г. предусматривала возможность замены Кожакмета на султана Чингиза, побочного сына Абулхаира, что свидетельствует о некоторой уступке царского правительства. Вместе с Айчуваком в аманаты было передано четверо сыновей влиятельных казахских старшин. Если к этому прибавить, что Тевкелев составил подробное описание казахских родов и мест их кочевий, то можно констатиро-

---

⁵⁹ Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 151.

⁶⁰ Там же, с. 152.

вать, что и на сей раз он успешно выполнил задание правительства.

Последующие трагические события, развернувшиеся в Казахской степи, внесли свои коррективы в русско-казахские отношения. Возвращаясь из Орской крепости, Абулхаир не заехал в Оренбург и не встретился с Неплюевым, показав тем самым, что обида на оренбургского губернатора не прошла. На обратном пути произошла встреча с Бараком, «зделался спор, а потом-де драка. И хотя-де он, хан, с ним, Бараком, дрался немало, но поже-де у Барака людей было больше, то хан остался убит до смерти»⁶¹. Это произошло в начале августа 1748 г. Впоследствии Барак заявлял, что убил хана Абулхаира из-за того, «что-де он плут и много-де делал плутовства»⁶². Но дело, конечно, не только в этом⁶³.

После присоединения края к России во взаимоотношениях между царской администрацией и казахскими владельцами наступил качественно новый этап, насыщенный событиями, которые сыграли значительную роль в дальнейшей истории Казахстана. Проводя в жизнь политику своего правительства, местная администрация шла по пути усиления российского влияния в Казахской степи, беспрекословного подчинения владельцев в политическом и экономическом отношениях. Однако такая политика не устраивала казахских родоправителей, никто из них не желал делиться присваиваемым прибавочным продуктом. Каждый в отдельности стремился использовать царские войска и торговлю для защиты своих владений, укрепления личной власти, дальнейшего обогащения. Вражду между ними использовали представители царской власти.

ПОЛИТИКА РОССИИ В КАЗАХСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Еще 27 сентября 1742 г. во время переговоров с Неплюевым Абулхаир пожелал наследником ханства утвердить своего старшего сына султана Нуралы, пользовавше-

⁶¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/2, 1748, д. 3, л. 214.

⁶² Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 159; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 427.

⁶³ Н. Г. Аполлова пишет, что Барак «совершил убийство Абулхаира, рассчитывая на то, что оно проложит ему дорогу к власти» (*Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России*, с. 139).

гося в Казахской степи популярностью. К тому же, как заметил Тевкелев, «вся орда больше склонна к детям Абулхаир-хана»⁶⁴. В частности, султан Среднего жуза Аблай в письме к Неплюеву от 9 мая 1749 г. скорбел о смерти Абулхаира и предавал проклятию «злодея Барака» и «с оставшими от него детьми Нуралы и Ералы салтанами обо всем единственный совет учинили»⁶⁵. И Неплюеву Нуралы представлялся наиболее подходящим исполнителем воли российской администрации, так как «показывал себя скромным и нисколько не запрослиив... что он... человек небеспонятной и во всех рассуждениях пред братьями своими имеет преимущества»⁶⁶.

Как только в Оренбург поступило известие об убийстве Абулхаира, в его аулы к ханше Бопай и ее детям было направлено посольство Я. Гуляева в составе Кубека и казачьего атамана Исмаила Абдраязкова. Члены посольства неплохо разбирались в делах Казахской степи, а его членов хорошо там знали. В послании оренбургского генерал-губернатора наряду с соболезнованием по поводу убийства Абулхаира высказывалось убеждение, что наследники хана, решавшие при его жизни все дела сообща, и после его смерти будут делать все от них зависящее для упрочения русско-казахских связей, продолжать сотрудничать с российской администрацией. И. Неплюев призывал их вместе с другими казахскими родоправителями принять меры «к добропорядочному и спокойному содержанию народа». Посланники должны были внимательно отнестись к малейшим признакам готовящегося отомщения за смерть Абулхаира и по возможности не допустить этого, а главное, добиться избрания Нуралы ханом.

Избрание на ханский престол Нуралы состоялось 2 октября 1748 г. в майхане (ханская резиденция из трех кибиток) в присутствии русских послов и представителей десяти родов, султанов и знатных биев, а не публично, как это делалось ранее. 5 октября 1748 г. ханша Бопай, Нуралы, а также султаны, бии и батыры Младшего и Среднего жузов направили императрице письмо с просьбой утвердить Нуралы ханом Младшего жуза. В письмах Тевкелеву и Неплюеву ханша просила ходатайствовать

⁶⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 393, 437.

⁶⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1749, д. 4, л. 56.

⁶⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 479—480.

об этом перед императрицей и помочь в отомщении за убийство мужа.

Идя навстречу просьбам ханши Бопай, И. Неплюев через Тевкелева в декабре 1748 г. поставил перед Елизаветой Петровной вопрос о назначении жалованья ханам Младшего и Среднего жузов: «А тот хан, который определен будет ее и. в. указом и станет получать годовое жалованье, то всемерно оную ее и. в. высочайшую милость помня и чувствуя, в послушании быть должен и принужден служить верно»⁶⁷. В соответствии с представлением И. Неплюева 25 августа 1755 г. канцлер А. Бестужев-Рюмин уведомил Нуралы о назначении ему годового жалованья в размере 600 рублей⁶⁸.

В январе 1759 г. А. Тевкелев и П. Рычков впервые поставили перед Петербургом вопрос о целесообразности назначать ханов «без выбора от народа... единственно по высочайшему ее и. в. соизволению, как то в волских калмыках установлено»⁶⁹. Они же предлагали ограничить влияние старшинских группировок. Иначе говоря, уже в то время ставился вопрос о том, чтобы во главе Казахской степи были лица, угодные Петербургу. В итоге такая политика привела к ликвидации ханской власти.

Между тем царская администрация была обеспокоена возможностью нападения родичей Абулхаира на аулы Барака с целью мщения, что могло привести к откочевке Барака в Джунгарию и нарушило бы равновесие в крае. Чтобы быть в курсе намерений султана Среднего жуза, к нему направили посольство во главе с казаком Бузулукской крепости М. Араповым.

Перед Баракком оренбургская администрация делала вид, что ей еще ничего неизвестно об убийстве Абулхаира. Посольству давалось задание, «не упоминая происшедшего у него с Абулхаир-ханом ничего», сообщить Бараку, что Россия никогда в верности его к е. и. в. не сомневалась, что И. Неплюев «Бараковыми поступками доволен... ханскими (Абулхаира. — Авт.) огорчен». Послы должны были акцентировать внимание Барака на необходимость расширения контактов с Россией и уверить его в «высочайшей к нему е. и. в. милости и... неотменном доброжелательстве»⁷⁰. А чтобы Барак убедился, что рос-

⁶⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 437.

⁶⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1755, д. 1, л. 3 и об.

⁶⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 580.

⁷⁰ Там же, с. 402.

сийская администрация не знает о смерти Абулхаира, посольство к нему было направлено через башкирские степи, Уйскую линию, Ямышевскую крепость и кочевья султана Аблая. С другой стороны, чтобы об этом не стало известно в Младшем жузе, послы перед детьми Абулхаира должны были создавать видимость, что посольство к Бараку направлено еще до убийства хана⁷¹.

17 октября 1748 г. в Оренбург прибыло посольство во главе с тарханом Джаныбеком, батыром Байбеком и сопровождающими их лицами. Они сообщили об обстановке в казахских улусах, создавшейся в связи с убийством Абулхаира. Не оставалось сомнений, что подавляющее большинство казахских родов скорбело о смерти хана, склонялось к абулхаировской фамилии. Барак же, опасаясь мщения, ушел с тремя тысячами кибиток в урочище Сарысу в районе г. Туркестан, к границам Старшего жуза. Здесь и состоялась встреча посольства Арапова с Баракком, который «весьма рад был» их прибытию. Как объяснил Барак, убил он Абулхаира «за многие его воровства и за грабежи азиатских купцов, ездивших для торгу в Оренбург, а особливо за учиненные ему, Баракку, наглые и многие обиды, которых-де он снести стал уже не в состоянии». А из пределов Среднего жуза он уехал не потому, что испугался мщения, а чтобы овладеть местами, ранее принадлежавшими отцу его, хану Турсуну, «и ради завоеванья каракалпаков». И хотя он довольно далеко откочевал от пределов Среднего жуза, «только к здешней стороне весьма близок сердцем и в верности к е. и. в. твердо состоит». Это же Барак подтвердил в письме к Неплюеву: «Где бы я ни находился, а все милостивейшей государыне в верности находиться буду»⁷².

Оренбургский генерал-губернатор склонен был примирить стороны, тем более что по казахскому обычному праву, «хотя б кто и хана убил, есть способ платежом

---

⁷¹ 2 мая 1749 г. И. Неплюев получил выговор от императрицы за то, что направил к Баракку своего представителя. «А когда Нуралы-хан о том уведается, то и оной со стороны Вашей при первом случае будет тем огорчен, что с пользою интересов наших сходственно быть не может, — читаем в указе. — И для того Вам впредь в таких делах поступать осторожно, а повоизбранного Нуралы-хана пристойным образом к себе приласкать» (АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1749, д. 5, л. 3).

⁷² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 486, 489.

расделаться»⁷³. И сам Барак просил передать ханше Бопай, что, если суд биев признает «занеправильно убивство... Абулхаир-хана, на их волю отдаюся... как-де они уже сами изволить присудят, или взяты имение ево или ему голову отрубят, что-де в их воле состоит»⁷⁴.

Чтобы приблизить казахов Среднего жуза и не дать им подпасть под влияние джунгарского владетеля, А. Тевкелев предлагал усилить торговлю с ними через Орскую крепость, временно уменьшив обмен через Сибирь. Против этого предложения выступил И. Неплюев, утверждая, что торговля в Орской крепости отрицательно повлияет на интересы российских купцов, так как приобретаемый ими у казахов скот не будет иметь возможности кормиться из-за недостаточности пастбищ в районе Орской крепости. К тому же необходимость предоставления конвоев для охраны купцов от возможных нападений в этом регионе была бы обременительна.

В соответствии с просьбой Бопай оренбургский генерал-губернатор в октябре 1748 г. направил постоянным и полномочным представителем при хане казачьего урядника Федора Найденова. В свою очередь, прибывший в Оренбург зять хана Абулхаира Джаныбек и батыр Байбек в сопровождении 19 джигитов 22 октября 1748 г. были направлены в Петербург, чтобы присутствовать при утверждении в ханском звании Нуралы.

В это же время между Оренбургом и ставкой хана Нуралы началась переписка, содержание которой сводилось к убеждению друг друга в преданности и обещанию оказывать взаимную помощь. И. Неплюев ставил в известность Нуралы и Бопай о том, что прилинейные крепости в случае нападения противника будут предоставлены в их распоряжение. Последовали официальное приглашение Нуралы посетить Оренбург летом 1749 г. и взаимный обмен подарками.

Однако Нуралы не особенно надеялся на то, что ему удастся укрепить свою власть в условиях, когда имелись серьезные соперники в лице султанов Барака, Батыра и его сына Каипа, в то время занимавшего ханский престол в Хиве. И его опасения были обоснованны. По сообщению М. Арапова, «самовольный и необузданный народ (ка-

---

⁷³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 429.

⁷⁴ Там же, с. 427.

захи. — Авт.)» принял участие в избрании на ханский престол султана Батыра. И хотя в этих выборах, происходивших 15 октября 1748 г., участвовало всего лишь «до двадцати человек старшин», да и то с целью получения подарков, они являлись представителями пятисот кибиток шектинского рода, двухсот кибиток шумекейского и трехсот кибиток торткаринского рода. А старшины улусов конратского рода от имени десяти тысяч человек заявили, что в случае, если от «Меньшей орды на него, Барака, нападение будет, то-де они ево, Барака, не только не выдадут, но за него и драться готовы»⁷⁵.

Нуралы считал, что только физическое устранение соперников даст возможность сохранить за собой место хана Младшего жуза, своего брата султана Ералы сделать правителем Среднего, а султана Қожахмета посадить в Хиве вместо Қаипа, ставшего ханом благодаря вмешательству персидского шаха, с последующим присоединением Хивы к России, «а затем-де все, что ни пожелает, в его воли будет»⁷⁶. Упрочить же свое положение в степи он надеялся, как и его отец, при помощи российского оружия.

Однако укрепление ханской власти по-прежнему не входило в планы российской администрации. «Надобно, — говорил Неплюев, — чтобы Абулхаирханова фамилия не упала, но еще, чтобы она более не усилилась». Российским властям было выгодно, чтобы султан Барак «не пропал, яко чрез него в обоих ордах равновесие при всяких случаях поддержать и как ханскую фамилию, так и всех Средней орды владельцев в резонах и должности иметь было б удобнее»⁷⁷. Не случайно во время переговоров с тарханом Джаныбеком в Оренбурге в июле 1749 г. генерал-губернатор рекомендовал ему встретиться с Баракком и уговорить его просить прощения у императрицы за убийство Абулхаира.

⁷⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 437, 472, 488.

⁷⁶ В особенности это проявилось во время переговоров Нуралы с И. Неплюевым в Оренбурге 11—25 июля 1749 г., когда хан настоятельно требовал у генерал-губернатора воинские отряды под предлогом мщения Баракку за смерть отца. Султан Барак был отравлен в г. Канаке в 1750 г. (См.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические сведения о киргиз-кайсаках и отношения России с Средней Азией со времени Абулхаир-хана (1748—1763). Т. I. Уфа, 1853, с. 9, 18; *Шалкенов У. Х.* Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966, с. 36).

⁷⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 242, 471.

26 февраля 1749 г. Елизавета подписала грамоту об утверждении султана Нуралы в ханском достоинстве. В указе подчеркивалось, что хан Нуралы должен верно «служить и во всем по указам нашим наирочительнейше поступать и исполнять» все распоряжения российской администрации. Правительственные же органы должны содержать казахский народ «в правосудии и спокойствии»⁷⁸. В этот же день у императрицы состоялся прием в честь казахских посланцев во главе с тарханом Джаныбеком. Казахский владетель благодарил за утверждение Нуралы на ханский престол и просил содержать казахов «в прежней... е. и. в. милости». Канцлер Бестужев-Рюмин подчеркнул, что правительство России и впредь будет держать «весь киргиский народ своею императорскою высочайшею милостью»⁷⁹.

8 июля 1749 г. в Оренбурге состоялись торжества в связи с утверждением Нуралы в ханском звании. Присутствовало свыше тысячи человек из Младшего жуза и около двухсот из Среднего. Церемония прошла пышно. В центре лагеря расстелили огромный ковер «с золотом». Грамоту императрицы прочли на русском и казахском языках. Во время чтения хан, стоя на коленях, принял присягу и «куран целовал, к которой присяге тут же и своими руками печать свою приложил». В честь этого события в соответствии с грамотой Елизаветы хану были вручены присланные из Петербурга «сабля оправная с надписью», парчевая шуба на собольем меху и шапка чернубурой лисицы. Нуралы принес присягу на верность императрице. В свою очередь, прибывшие с ханом родоправители поклялись в верности Нуралы. Все это сопровождалось «пушечною пальбою». Для угощения прибывших из Казахской степи представителей было отпущено до «тысячи рублей»⁸⁰.

Сам факт утверждения в Петербурге кандидатуры на ханский престол, впервые введенного в практику, поднимал авторитет хана, а пышные торжества, обилие угощений, бывшие не под силу ни одному из правителей

---

⁷⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1966, с. 39.

⁷⁹ См.: *Добросмыслов А.* Тургайская область: Исторический очерк. Тверь, 1902, с. 87—88.

⁸⁰ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 476, 459, 461, 445, 479.

Казахской степи, оставляли впечатление о России как о могущественном государстве. С другой стороны, он исключал возможность появления ханов, не угодных российской администрации.

Состоявшиеся после торжеств переговоры между Неплюевым и Нуралы-ханом в основном касались старой, давно наболевшей проблемы о взаимном возвращении пленных, скота, имущества. Обе стороны изъявили готовность идти друг другу навстречу для положительного решения вопросов. Много внимания было уделено безопасному продвижению торговых караванов через Казахскую степь. Как заметил Нуралы, много недоразумений происходило из-за того, что купеческие караваны избегали заезжать в ставку Абулхаира, лишая себя возможности получить ханский ярлык, гарантировавший безопасность продвижения по степи. Стороны пришли к единодушному мнению о необходимости заезда купцов к хану, но при условии, что ханская ставка будет находиться не более чем в 5 днях езды от караванной дороги. Если же это расстояние будет превышено, то они должны заезжать к ближайшему родственнику хана за получением разрешения. Нуралы в беседе заявил, что ему нужны войска и «не для того, чтобы оным народ (казахский. — Авт.) губить и разорять, но больше для страху киргисцам»⁸¹ Если ему придадут российские войска, то все распоряжения будут беспрекословно выполняться его подданными, т. е. с помощью войск будет легче проводить российскую политику в Казахской степи. Но генерал-губернатор не поддержал этой просьбы, поскольку появление российских войск в Казахской степи не только не укрепило бы власть Нуралы, но вызвало бы раздражение, недовольство и страх у основной массы казахского населения и, возможно, привело бы к их откочевке, что вредно отразилось бы на интересах России.

На переговорах еще раз было подчеркнуто, что присоединение Казахстана к России привело к тому, что «тем.. еще довольное благополучие приобрели»⁸². Обе стороны отметили необходимость ежегодной замены аманатов. На завершающем этапе переговоров Нуралы передал благодарственную грамоту с клятвой на верность российскому престолу.

⁸¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1749, д. 4, л. 211.

⁸² Там же, л. 223.

Оренбург продолжал внимательно следить за ходом казахско-джунгарских отношений. Назначенный при Нуралы-хане «для письменных дел» ясачный татарин Алмухамет Нурмухаметов в ноябре 1749 г. тайно передал генерал-губернатору копию переписки казахского хана с джунгарским владетелем, из которой, в частности, стало известно о планах Нуралы выдать замуж за хунтайджи свою сестру. Правитель Джунгарии в одном из своих писем сообщал, что если Нуралы согласится отдать за него сестру, по этому «случаю возможно будет иметь нам неразрывный союз, и потому обещаюся я вас учинить и поставить на настоящее ханское место отца вашего, и препоручить вам полную власть, и всю орду вашу к вам преклонить в состоянии буду»⁸³. Когда во время пребывания у Нуралы русский посол поднял этот вопрос, хан заявил, что замуж за джунгарского хунтайджи намерен отдать сестру, рожденную от наложницы Абулхаира, и то при условии, что русская императрица благословит этот брак.

С повестки дня не была снята задача превращения владетелей Младшего и Среднего жузов в послушных вассалов России. Это была генеральная линия царского правительств. Главным средством для ее осуществления были упрочение торгово-экономических связей, обмен дипломатическими представительствами. По словам оренбургского генерал-губернатора Д. Волкова, «через хлеб скорее с той стороны сыщется польза, нежели через все другие способы»⁸⁴. Начиная с 1749 г. казахские скотоводы постоянно обменивали скот на зерно и муку у русских крестьян-хлебопашцев. Это способствовало и тому, что ряд казахских родов, не принявших ранее российского подданства, обращался с просьбой о его принятии. Так, в сентябре 1756 г. к западно-сибирскому генерал-губернатору И. Деколону прибыло 25 представителей от родов султана Среднего жуза Тауке с просьбой принять их в количестве 10 тысяч человек в состав Российского государства⁸⁵.

Существенные коррективы в политику России в Ка-

---

⁸³ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных обитателей: Хронологический перечень грамот. Оренбург, 1898, с. 28; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 518.

⁸⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1763—1767, кн. 15, л. 291.

⁸⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 681.

захстане внесло падение Джунгарии, которое коренным образом изменило международную и военно-политическую обстановку в Центральной Азии. Возникла угроза существованию среднеазиатских ханств. «Падение сильной Джунгарии,— писал Ч. Ч. Валиханов,— бывшей грозой для Средней Азии, и, наконец, завоевание единоверной Малой Бухарии навели на всю Азию панический страх»⁸⁶.

Такое развитие событий создало чрезвычайно напряженную обстановку не только в казахских кочевьях, но и в Российской империи. Встала неотложная задача установления различных форм взаимоотношений с Цинской империей, политика которой сводилась к захвату чужих территорий. Это была извечная доктрина китайских императоров. Однако на первых порах китайские завоеватели терпели большие неудачи, в особенности после прихода к власти в Джунгарии Галдан-Бошокту-хана (1644—1697 гг.). Опираясь на казахских владетелей, он разгромил своих соперников, был объявлен хунтайджи и направил острие борьбы против своего главного противника — китайского императора — с целью упрочения позиций в Монголии и Тибете. Но вовлеченный в войну с Халхой Галдан-Бошокту-хан стал терпеть одно поражение за другим. В 1696 г. в ходе большого сражения с китайцами ойраты были разгромлены. Это создало благоприятные условия для развертывания агрессивных действий Китая против Джунгарии и других сопредельных государств, в особенности в середине XVIII в.

В этой связи следует обратить внимание на необоснованность утверждений некоторых авторов, будто избавление от владычества джунгарских феодалов для народов Казахстана и Средней Азии наступило в результате разгрома цинами Джунгарского ханства⁸⁷. С ниспровержением в 1755 г. джунгарского хунтайджи Давацаи это ханство оказалось раздробленным на несколько враждующих между собой уделов. Тем самым Джунгария как единое могущественное государство в Центральной Азии

⁸⁶ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах. — Записки ИРГО. Спб., 1861, кн. 3, с. 47.

⁸⁷ Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965, с. 30. См. также: Басин В. Я., Кузнецов В. С. Рец. на кн. Ю. Соколова «Ташкент, ташкентцы и Россия». — Известия АН КазССР, серия общественная, 1966, № 3.

прекратила свое существование еще до ударов китайских войск. Цины рискнули на войну с Джунгарией лишь к середине 50-х годов XVIII в., когда она в военном отношении была уже ослаблена и являла собой осколки былого могущества. В 1758 г. цины сравнительно легко захватили территорию Восточного Туркестана (Синьцзян), с населением которого Китай не имел сколько-нибудь прочных политико-экономических и культурных связей. Характеризуя исторический статус «Западного Края (Си-юй) Синьцзяна», буржуазный синолог Эмануэль Сю в исследовании «Происхождение современного Китая» пишет: «Традиционно установлено, что Си-юй никогда не был неотъемлемой частью Китая, которой он владел, когда был силен, и которую терял, когда был слаб»⁸⁸. «Завоеванные (Китаем. — Авт.) Джунгария и Восточный Туркестан получили наименование Синьцзян, что в переводе с китайского означает «Новая граница»⁸⁹. Таким образом, само китайское наименование «Новая граница» (Синьцзян) означает, что западные рубежи Китая не простирались далее этой провинции.

Чтобы разрядить международную обстановку, российское правительство предприняло меры к мирному урегулированию взаимоотношений с Китаем путем направления посольств, которые должны были не только восстановить утраченные торгово-экономические контакты, но и намного их превзойти. Это было главное в его политике. Вместе с тем были предприняты меры военно-оборонительного характера. В соответствии с правительственными распоряжениями К. Фрауендорф стал укреплять прилинейные крепости. В указе Екатерины II от 28 ноября 1763 г. внимание местных властей обращалось на необходимость «всегда иметь вблизи столько войск», чтобы маньчжуры «не могли ни на что покушаться»⁹⁰. В то же время предписывалось следить за поведением султана Аблая, который заигрывал с российской и с цинской властями, стремясь извлечь из своей дипломатии наибольшие выгоды. Российская администрация не-

⁸⁸ История СССР, 1979, № 2, с. 194.

⁸⁹ Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы. — *Международная жизнь*, 1972, № 6, с. 22.

⁹⁰ Саввин В. П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.—Л., 1930, с. 40.

однократно указывала Аблаю на необходимость с цинами «осторожно поступать», не полагаясь на то, что китайский император «лести употребляет». В качестве примера приводили джунгарских властителей Амурсану и Дава-ци, которых богдыхан «сначала к себе лестью приманил, а что потом с ними и с зюнгорским народом последовало, то им известно»⁹¹. Вместе с тем, чтобы привязать к себе правителей Казахской степи и держать их в постоянной зависимости, сибирская администрация ставила перед Коллегией иностранных дел вопрос о награждении их ценными подарками. В соответствии с этим 27 марта 1758 г. последовало определение Коллегии иностранных дел о награждении именными серебряными саблями султанов Аблая, Ералы и Айчувака за их верную службу.

Одновременно было высказано предположение о возможности использовать хана Нуралы «с ордою», если китайская сторона попытается выступить против установившихся границ, тем более что при свидании с Тевкелевым Нуралы в случае нападения Китая обещал оказывать «всяческую помощь» российской стороне⁹². Тевкелев и Рычков предлагали использовать против поползновений цинов до нескольких тысяч волжских татар и башкир. А. Тевкелев считал необходимым организовать отряд «доброконных людей» из Младшего и Среднего жузов с целью не только предотвратить нападения «на российские границы», но и воспрепятствовать упрочению позиций маньчжурских завоевателей на захваченных территориях⁹³. В конечном счете вопрос ставился так, чтобы при любых обстоятельствах дать противнику отпор и заставить его считаться со своим северо-западным соседом. Но при всем том российская сторона предпочтению отдавала мирному курсу, расширению торговых контактов, переговорам. Поэтому столкновения интересов Российской и Цинской империй, как правило, не приводили к открытым военным конфликтам и в целом не выходили за рамки дипломатических контактов.

Было ясно, что хан Нуралы не мог единолично принимать решения, без согласия на это Аблая, пользовавшегося в Среднем жузе безграничной властью после

⁹¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 550—551.

⁹² АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758, д. 2, л. 33.

⁹³ См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 554, 576—577.

откочевки в Туркестан хана Абулмамбета, кончины султана Барака и тархана Джаныбека. Располагая сведениями об имевших место связях между Аблаем и цинами, российская администрация предлагала принять меры для пресечения их. А. Тевкелев считал необходимым пригласить Аблая в одну из крепостей для переговоров. Если бы Аблай уклонился от переговоров, все внимание следовало уделить Нуралы и его сторонникам.

В конце мая 1758 г. из Оренбурга в Казахскую степь был направлен представитель Коллегии иностранных дел Я. Гуляев для получения сведений о планах Аблая в отношении цинов и хана Нуралы. Я. Гуляев должен был склонить хана и его братьев к приезду в Оренбург. Речь, стало быть, шла об организации в Оренбурге встречи Нуралы-хана с Аблаем. Нуралы обещал по первому зову из Оренбурга прибыть на эту встречу. Султан Аблай сообщил А. Тевкелеву, что не сможет приехать в Оренбург, и отправил туда своего брата султана Жолбарса.

Разрабатывая меры по упрочению своих позиций в Казахстане, российское правительство учитывало, что Нуралы-хан, его сыновья-султаны и подавляющее большинство казахского народа находятся в непоколебимой верности Петербургу, «никаких к здешней (русской. — Авт.) стороне противностей в них нет, и для торгу сюда кочевать охотно делают и будут». Более того, Нуралы заявил Гуляеву, что если возникнет угроза со стороны цинов, «то они с радостью на них, китайцев, пойдут»⁹⁴. Это подтвердили и все казахские родоправители, с которыми Гуляеву приходилось встречаться. Они даже заявили, что если А. Тевкелев во главе российских войск прибудет с таким поручением в казахские степи, то, «хотя б не пожелал и хан», пойдут вместе с русскими. В случае же нападения цинов, они, «отправя свои коши, жен и детей к российским крепостям», окажут им сопротивление. Если же «устоять будет невозможно, то для защищения и сами к российским крепостям приближатца желают»⁹⁵. Иначе дело обстояло с султаном Аблаем, ко-

---

⁹⁴ Русско-казахские отношения в XVI—XVIII вв., с. 563, 565, 567.

⁹⁵ Знаменательно, что Нуралы, касаясь в разговоре с А. Тевкелевым и П. Рычковым Семилетней войны, даже сетовал на то, что Россия не использует казахов в войне с Пруссией (См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 564, 577, 633).

торый склонялся то на российскую, то на цинскую сторону. С целью удержать его на своей стороне царское правительство решило подготовить почву для провозглашения его ханом Среднего жуза. В этом состояла миссия И. Уракова и Я. Гуляева в Казахскую степь в конце 1759 — начале 1760 г. Причем надо было сделать так, чтобы просьба об утверждении ханом и направлении аманатов исходила от самого Аблая. И. Ураков и Я. Гуляев должны были также установить, как относятся казахи Среднего жуза к хану Абулмамбету, пользуется ли он каким-либо авторитетом и какова будет их реакция в случае замены Абулмамбета Аблаем. Как оказалось, подавляющее большинство казахских родоправителей Среднего жуза признает ханом Абулмамбета: он часто совершал инспекционные поездки по аулам Среднего жуза и при этом совместно с другими властителями степи решал насущные вопросы внутренней и внешней политики. Что касается Аблая, то он, хотя и имел значительный вес в степи, сам Абулмамбета почитал и следовал его советам ⁹⁶.

Эти данные подтвердил позже и и. о. сибирского генерал-губернатора фон Фрауендорф. По его сообщению от 11 марта 1763 г., хотя Аблай «по всей Средней орде называется владельцем», преимуществ в степи по сравнению с другими казахскими феодалами он не имеет. Фактическая власть Аблая отмечалась лишь в его атагайском роде. И хотя это сообщение значительно принижало подлинную роль Аблая в Казахской степи, о провозглашении его ханом, разумеется, не могло быть и речи.

Тем не менее российская администрация ставила своей целью не допустить того, чтобы Аблай склонился на китайскую сторону. Петербург рекомендовал в случае его приезда в Оренбург принять как самого почетного гостя, обходиться с ним таким образом, чтобы убедить в самом лучшем к нему расположении. Всех сопровождавших султана лиц следовало одарить ценными подарками, но «только с некоторою пред ханом убавкою. Ибо по здешнему рассуждению кажется, лучше потерять несколько иждевения, нежели его, Аблай солтана, и тамошних старшин» ⁹⁷.

⁹⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 603.

⁹⁷ АВВР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1760, д. 3, л. 60, 61.

Побывавший в начале 1761 г. в Среднем жузе у Аблая башкир Шукур Абзанов сообщил об угрозах китайского богдыхана направить против России и казахских жузов свои войска. Что касается Аблая, то, по словам Ш. Абзанова, султан состоял в верноподданнической к «российской стороне должности». А когда китайский богдыхан намекнул ему на необходимость отхода от России, Аблай отверг это домогательство, заявив, «что он при России тридцать лет уже находится». Ш. Абзанов еще раз подтвердил, что казахи Среднего жуза «пребывают спокойно» и против России «никаких худых предприятий не имеют».

Между тем Нуралы, Аблай, Ералы, Айчувак и Султанмухаммед через представителей русской администрации И. Уракова, Я. Гуляева и Ф. Гордеева получили грамоты от Екатерины II, в которых они извещались о восшествии ее на российский престол. Все они остались «весьма довольны и в повелениях е. и. в. непоколебимо пребывать обещались»⁹⁸. Каждый из них на коране присягнул на верность Екатерине II. От имени Аблая, Султанмухаммеда и других султанов Младшего и Среднего жузов Екатерине II было направлено поздравление по случаю восшествия ее на престол⁹⁹. Представители русской администрации, в частности переводчик Ф. Гордеев, за время пребывания в Среднем жузе никаких антирусских настроений не усмотрел, за исключением обиды на то, что российские власти недостаточно помогают им в организации торговли. Но с китайской стороны «учреждаются линии, и китайской-де владелец во многочисленном войске» у истоков Или (Синьцзян) «немало построил крепости и еще умножает и их, киргисцов», не допускает в район крепостей¹⁰⁰. Ф. Гордеев разъяснил казахским владетелям, чтобы они «никакого бы с российской стороны опасения и сумления не имели, а на китайские б никакие лакомства и обманы не предавались и ежели от них какие-либо к ним, киргисцам, утеснения чинимы будут, чтоб они, киргисцы, не имея от них, китайцев, ни малейшей трудности, против их вооруженною рукою стояли, а улусы свои российским жительством во близости остав-

⁹⁸ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 4, л. 145; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775 гг., кн. 14, л. 30 и об.

⁹⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 644, 648.

¹⁰⁰ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 4, л. 145.

ляли, чему они, киргисцы, весьма радовались...»¹⁰¹. По другим сведениям, «китайцы ж якобы... намерены послать войска тысяч до восьмидесяти или девяноста для завоевания Бухарии, ташкентцев и самирханцов...», а казахи «понеже имеют крайнюю опасность от китайского войска»¹⁰². Ввиду нависшей серьезной опасности со стороны цинов Аблай в сопровождении десяти приближенных направился к хану Абулмамбету в Туркестан для совета.

Тем временем хан Нуралы добивался, чтобы российская администрация уделяла ему больше внимания. Того же хотел султан Айчувак, который после сообщения оренбургского генерал-губернатора А. Давыдова о ходатайстве перед Петербургом о назначении ему ежегодного жалованья заявил, что желает способствовать развитию торговли в Казахстане¹⁰³. Кстати сказать, Нуралы не был в Оренбурге с 1759 г., что вызывало беспокойство у оренбургской администрации, «дабы он, хан, от времени до времени не пришел в разврат и не зделался напоследок затруднительным». К тому же с 1760 г. в Оренбурге бесменно в качестве аманата находился его сын султан Бекгали, что шло вразрез с договоренностью о ежегодной смене аманатов. За время почти четырехлетнего отсутствия Нуралы в Оренбурге накопилось много важных вопросов, которые могли быть решены лишь при условии непосредственных контактов между оренбургским генерал-губернатором Д. Волковым и казахским ханом.

9 октября 1763 г. по приглашению Д. Волкова в Оренбург прибыл хан Нуралы в сопровождении султана Айчувака и ряда управителей крупных родов и биев. В ходе переговоров ясно проявилось то общее, что объединяло Россию с Казахстаном, и то, что мешало этому. Д. Волков по просьбе Нуралы разъяснил, почему взимаются пошлины с купцов: «У всех государей обыкновение есть, чтоб им от торгов и других промыслов подданных своих некоторые в казну свою доходы иметь, потому здесь с продажных за границу товаров и хлеба ее величество пошлина и брана была». Однако в связи с тем, что зимой 1762/63 г. в результате сильного джута в Младшем и частично в Среднем жузе погибло много скота, оренбург-

¹⁰¹ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, л. 146.

¹⁰² Там же, л. 142—143, 145.

¹⁰³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 625.

ская администрация с санкции Петербурга дала распоряжение в течение трех последующих лет «всякий хлеб киргис-кайсакам продавать здесь (в Оренбурге. — Авт.) беспошлинно». Генерал-губернатор просил хана довести до сведения своего народа, «дабы оной то высочайшую е. и. в. милость чувствовал, и от подданства российской империи пользу свою признавал»¹⁰⁴.

Как и прежде, значительное место в переговорах заняли вопросы безопасности продвижения торговых караванов в степи. Подписанные в прошлом соглашения по этому поводу были весьма несовершенны и нуждались в улучшении. Хан привел примеры многочисленных грабежей, которым подверглись и казахские торговые караваны на пути в бухарские и хивинские города, причем они сопровождались гибелью многих казахов. В ответ казахи организовывали отряды для мщения. В результате ответных мер страдали те, кто никакого отношения к ограблению торговых караванов не имел, ибо очередной налет производился совершенно на других людей. Действенные меры по прекращению или, во всяком случае, уменьшению этих набегов предполагалось разработать совместно с ханами Бухары и Хивы, а также с туркменскими и каракалпакскими властителями. В то же время намечалось заранее оповещать жителей степи о движении того или иного торгового каравана с целью пресечения самими казахами разбойничьих нападений. Купцы же должны были давать соответствующие подарки хану, султанам и другим казахским владетелям, по территории которых проходили торговые караваны. Ответственность за убытки, понесенные в результате нападения, должен был нести верховный казахский владетель — хан Нуралы.

Договорились также и о смене аманатов из числа ханских сыновей и о направлении аманатов владетелями наиболее сильных родов.

Внимание царских властей к обстановке в Среднем жузе не ослабевало. Особенно их интересовали взаимоотношения, складывающиеся между Средним жузом и Китаем. Побывавший летом 1764 г. у Аблая переводчик Арапов убедился в том, что казахи Среднего жуза враждебных планов к российской администрации не имеют, доказательством чему являлось постоянное общение с

¹⁰⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 652, 653.

русским населением и оживленная торговля между ними. Что касается отношений с Китаем, то казахи «к преданности-де в китайскую сторону генерально склонности не имеют»¹⁰⁵.

По сведению Арапова, наблюдалось большое передвижение китайских воинских соединений, в результате чего имело место значительное увеличение китайских войск на границе со Средним жузом, чтобы «с Россией неприятельствовать»¹⁰⁶. Строились китайские укрепленные линии.

Из сообщений Арапова стало известно о «несносных притеснениях», чинимых цинской администрацией в городах «Малой Бухарии» (Восточный Туркестан), и введении непосильных налогов.

Сведения М. Арапова о положении в Среднем жузе не были исчерпывающими, как того хотелось западно-сибирскому и оренбургскому генерал-губернаторам. В дополнение к ним возвратившийся в 1764 г. от Аблая башкирский старшина Шукур Абзанов, сотники Упак Абзанов и Мустай Утяшев подтвердили, что казахи Среднего жуза «к российской стороне прежних годов гораздо лутчее и к ним (российским послам. — Авт.) были склоннее»¹⁰⁷. Аблай глубоко возмущался поведением китайского богдыхана, холодно принявшего его посланников. В присутствии многих казахских старшин, родоправителей и биев Аблай заявил российским послам, что казахам «ныне от китайцев никакого добра нет, и лутче-де нам, сообщась, к стороне нашей всемилоостивейшей государыни жить, и китайцы-де чрез то им ничего не могут учинить»¹⁰⁸. Его поддержал хан Абулмамбет, пастбища которого в районе реки Или находились под постоянной угрозой нападения со стороны Китая. Немалую роль в действиях Аблая сыграли распространявшиеся слухи о стремлении китайских властей пригласить его на переговоры, умертвить его, а затем разорить аулы Среднего жуза.

Тем временем в Оренбург и Тобольск от отдельных казахских родоправителей поступили сведения о двойной игре Аблая. Из рапорта командира сибирских войск ге-

¹⁰⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 666.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775, кн. 14, л. 172.

¹⁰⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 668.

нерал-поручика И. Шпрингера от 14 декабря 1764 г. в Коллегию иностранных дел следует, что султан Аблай осуществляет обмен посольствами с Китаем, направляет туда подарки и получает их от богдыхана. В качестве примера приводится посольство Аблая в Китай в составе 33 человек с тридцатью белыми рысаками в качестве подарка китайскому императору и влиятельным лицам из его окружения. По данным старшины кереевского рода Среднего жуза Сагындыка Мамбетова от 28 марта 1768 г. богдыхан назначил Аблая «над всеми киргисцами и салтанами начальником»¹⁰⁹, причем он получил право наказывать, вплоть до применения смертной казни, тех своих подданных, которые нарушали «спокойствие китайского правительства»¹¹⁰.

Вместе с тем, по сообщению оренбургского генерал-губернатора от 19 июня 1768 г., Аблай просил царское правительство выделить ему военную силу для укрепления своей власти и направить его сына на царскую службу. Российское правительство не замедлило воспользоваться удобным случаем для получения от Аблая одного из его сыновей в качестве аманата. Для лучшего понимания всей значимости этого предложения следует иметь в виду, что с 1740 г., т. е. со времени принятия Средним жузом российского подданства, аманатов от Среднего жуза в России не было. По словам оренбургского генерал-губернатора, Аблай оказывал усердие по отношению к Китаю лишь для получения с китайской стороны «прибытков», «но со всем тем находя для себя существенную от здешнего (российского. — Авт.) подданства пользу», в которой «непоколебимо... пребывает»¹¹¹.

Спустя три года, в 1771 г., в Туркестане в мечети Ходжи Ахмета Ясави по казахскому обычаю «ханы и султаны купно» после кончины Абулмамбета избрали Аблая ханом Среднего жуза. Аблай через «узун-кулак» распространил известие об избрании его ханом всех трех казахских жузов, чтобы, как говорится в докладе Коллегии иностранных дел императрице, «присваивать себе напрасно больше преимущества, нежели... в самом деле

---

¹⁰⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 677, 688.

¹¹⁰ Омский облгосархив. ф. 3, 1823, д. 423, л. 117; Известия Казахского филиала АН СССР, серия историческая, вып. 1, 1940, с. 96.

¹¹¹ Там же, с. 689.

принадлежать может...»¹¹². Но как бы то ни было, фактическая власть его распространялась кроме Среднего жуза в значительной степени на Младший и Старший жузы.

Хан Аблай признавал, что без утверждения русской императрицей он этим титулом не сможет «имяноваться». Утверждение же в Петербурге даст ему возможность добиваться получения российских войск для упрочения положения в крае¹¹³. 24 мая 1778 г. последовал патент императрицы об утверждении Аблая ханом Среднего жуза, в знак чего ему выдали «саблю с надписью, шубу соболью и шапку черной лисицы»¹¹⁴. Через год, в 1779 г., распоряжением вице-канцлера М. Л. Воронцова «и по назначению Иностранной коллегии» Аблаю было определено жалование в размере 300 рублей и 200 пудов муки в год. Для него был построен деревянный дом «близ реки Ишима в горах Енгистау (Чингизтау)»¹¹⁵. Все делалось для того, «чтобы не возбудить в киргизах мысли о возможности быть ханом помимо» воли царского правительства¹¹⁶.

Прекрасно понимая, что не только Средний жуз, но и весь Казахстан в условиях раздробленности и постоянных междоусобиц не в состоянии противостоять внешней опасности, Аблай систематически направлял в Петербург посольства для укрепления связей с Россией. Аблайхан постоянно подчеркивал: «От давного уже времени... к высочайшему ее императорскому величеству двору попрежнему нахожусь в должном моем послушании». Это же подтверждает и его сын султан Вали¹¹⁷.

Правление Аблая было коротким. Он скончался в мае 1781 г. на 69-м году жизни. Его сыновья в августе 1781 г.

---

¹¹² Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв., с. 88.

¹¹³ Аблай писал Екатерине II: «... хотя и по обыкновению состояния нашего в том звании и нахожусь, только Ваше императорское величество всеподданнейше прошу то мое ханское звание пожалованием из благословенных рук Вашего величества за золотой печатью высочайше подтвердить» (АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1778, д. 1, л. 43).

¹¹⁴ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв., с. 89—91.

¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, 1819—1820, д. 54, л. 12.

¹¹⁶ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 429; История Казахской ССР, т. 3. Алма-Ата, 1979, с. 81.

¹¹⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1779—1780, д. 1, л. 252; 1781—1784, д. 2, л. 283.

в прошении к императрице изъявили «желание быть всегда на таком же основании, как и при времени реченого Аблай-хана высочайшему е. и. в. двору со всякою верностью» служить¹¹⁸. В ответной грамоте от 23 августа 1781 г. Екатерина II разрешила «солтанам, старшинам и всему народу избрать по обыкновению достойного к нашему и. в. благонамеренного хана». Новым ханом в присутствии русского посольства Чучалова был избран сын Аблая Вали. В процедуре участвовало около пяти тысяч знатных казахских султанов, старшин, биев, родоправителей¹¹⁹.

После возведения в ханское достоинство Вали направил в Петербург специальное посольство во главе со своим братом султаном Ишимом, чтобы сгладить у императрицы неблагоприятное впечатление от участия казахов в Крестьянской войне под предводительством Пугачева. Не случайно Екатерина II 3 июля 1783 г. в уведомлении уфимскому и сибирскому наместнику А. Апухтину требовала «всемерного старания... удовлетворения и о пресечении всех подобных шалостей со стороны» казахов, констатируя, однако, что нападения не могли быть «без какого-либо поводу на границах...». Императрица требовала принятия мер для возвращения «всего взятого, о непокушении на такие шалости, предъявляя, что спокойное их пребывание зависеть будет от поведения их одноземцев»¹²⁰. Таким образом, правительство продолжало курс на мирное урегулирование споров путем расширения торговых и дипломатических контактов. Этого добивались и казахские владельцы.

Основным содержанием непосредственных контактов Петербурга с ханом Вали была стабилизация положения в степи. Вали заверял, что будет верно служить интересам Русского государства: «Пока жив буду, продолжу мое Вашему величеству служение, сколько моих сил достанет»¹²¹. Неимоверно усердствуя в выполнении своих клятвенных обещаний, данных России, хан Вали проявлял жестокость и произвол в отношении к своим подданным. В архиве сохранилось множество жалоб на имя

---

¹¹⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1779—1780, д. 1, л. 41—41 об.; История Казахской ССР, т. 3, с. 82.

¹¹⁹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1781—1784, д. 2, л. 377.

¹²⁰ ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 368, л. 55.

¹²¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1794, д. 1, л. 54—55, 60—63.

императрицы по поводу его произвола. Казахи просили оградить их от притеснений хана, принять «с подвластными киргисцами и имуществом в вечное российское подданство и... позволить жительство... иметь на прежних в степи кочевьях»¹²². В рапорте командующего сибирским корпусом генерал-поручика Штрандмана от 1 февраля 1795 г. сообщается, что с наступлением весны и осени в степи возобновляются «разбойничество и грабежи», в которых принимают участие хан и его приближенные¹²³. Штрандман предлагал использовать жалобы казахских родоправителей в качестве удобного предлога для включения «без малейшего насилия новой богатой стороны», что приблизило бы российские границы к ташкентским, бухарским и другим близлежащим землям. Этим, по его мнению, были бы созданы благоприятные условия для беспрепятственного продвижения торговых караванов, прекращения усобиц в степи, а также для приобщения скотоводов к оседлой жизни, а следовательно, и к занятиям земледелием. Это освободило бы торговые караваны от необходимости привозить в степь муку и увеличило бы приток в Россию продуктов скотоводства ввиду прекращения барымты. Наконец, с включением огромного края в состав России прекратились бы столкновения в районе пограничных линий.

В 80—90-х гг. XVIII в. появился ряд проектов закрепления казахов за Россией и окончательного упрочения ее влияния в Казахском крае. Так, проект Г. А. Потемкина-Таврического предусматривал меры по переводу казахских шаруа на оседлый образ жизни, причем начать надо было со Среднего жуза, в котором к концу XVIII в. проживало до 1 млн. человек, а скота было больше, чем в Младшем и Старшем жузах, вместе взятых¹²⁴.

Генерал-майор Я. Боувер считал необходимым создать, с согласия хана Вали, Совет старшин, состоящий из двух судебных коллегий: первая (главная) при русской администрации на линии крепости Святого Петра занималась бы окончательным решением всех тяжб; вторая с соответствующим числом депутатов при Вали-хане должна была заниматься разбором дел казахских шаруа, с последующим их утверждением главной (первой) судеб-

¹²² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1794, д. 1, л. 54—55, 60—63.

¹²³ Там же, л. 54 об.

¹²⁴ Там же, 1795, д. 2, л. 36, 37 об.

ной коллегией. Соответственно предполагалось создание «словесных судов» биев в казахских волостях. Боувер предлагал на протяжении всей линии от г. Верхо-Уральска до крепости Усть-Каменогорской определить места кочевок для каждого султана и его аулов, а российским властям строго следить за этим. Каждому султану, бию, родоправителю следовало построить хутора и загоны для скота, заниматься сенокошением; в волостях открыть мечети, в которые назначить мулл из российских татар, возложив на них обязанность кроме отправления молитв обучать детей грамоте; при крепости Святого Петра создать школу для обучения казахских юношей «российской и татарской грамоте». Ставилась задача разделения каждой крупной волости на части со своими старшинами, которые должны были обо всех событиях в степи доносить волостному правлению. «Чрез сие, — указывает Я. Боувер, — сохранится к начальству повиновение, а в народе спокойствие»¹²⁵, а это, по его мнению, приведет к упрочению отношений между казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами и другими восточными странами.

Проекты высокопоставленных российских сановников впоследствии (в XIX в.) легли в основу реформ в Казахской степи.

Царское правительство принимало меры к реализации некоторых предложений, выдвинутых в ряде проектов. 23 июля 1798 г. император Павел I подписал рескрипт об отводе земель казахам Среднего жуза, переходящим в российское подданство. Потомкам Аблай-хана разрешалось кочевать между Омской и Семипалатинской крепостями на правом берегу Иртыша. Кое-где открыли медресе (школы) для обучения казахских детей русскому языку. Так, школы в Омске, Оренбурге, Уральске, Семипалатинске, Барнауле, Астрахани готовили переводчиков и писарей для канцелярий Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, областных, уездных и волостных управлений.

В это же время началось изучение территории и природных богатств Казахстана. Русскими учеными впервые были составлены геологические, климатические карты края, а также карты Каспийского и Аральского

---

¹²⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1795, д. 2, л. 39.

морей. Картографическое изображение восточного берега Каспия по материалам капитана Е. Мейера, экспедиции Бековича-Черкасского (1715—1717 гг.), а также съемок А. Кожина и В. Урусова дало возможность опровергнуть существовавшее до того времени мнение о впадении Амударьи в Каспийское море.

По инициативе Российской Академии наук были предприняты экспедиции в малоисследованные районы под руководством П. С. Палласа, И. Фалька, И. Георги, Н. П. Рычкова.

3

БАБАХУГАЙ Е. ДОНД
УДИН — ДИЧЫК ХИЯ Б.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В конце XVIII в. в Казахской степи развивались феодальные отношения, но все еще были сильны патриархально-родовые пережитки. Как и на протяжении предшествующих веков, казахи занимались главным образом кочевым скотоводством: «Скотоводство у киргизов — самый распространенный, почти единственный, в сущности, промысел. У них необыкновенно большие стада прекраснейшего скота»¹. Однако крупный рогатый скот в хозяйстве казахов играл незначительную роль. Федор Скибин, побывавший в Казахской степи, писал, что у казахов «коней и овец много, а коров мало»².

Исходя из условий пастбищной системы скотоводства казахи разводили такие виды скота, которые могли переносить голод и дальние перекочевки, — овец, лошадей и верблюдов. Скот находился на подножном корму, поэтому в суровые зимы от бескормицы погибало большое количество животных. Особенно губельны были джуты, периодические эпизоотии, засухи, неурожай трав и др. Несмотря на это, скотоводческое хозяйство казахов постепенно развивалось. Совершенствовались и умножались производственные навыки скотоводов, накапливался опыт в подборе удобных мест для зимовок, в охране скота от хищных зверей, а также в процессе содержания и ухода за скотом вообще.

Кочевое скотоводство, в древности представлявшее

---

¹ Фальк И. Полное собрание ученых путешествий по России. Спб., 1894, с. 542—543.

² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932, с. 215.

крупный шаг в области общественного разделения труда и в развитии производительных сил общества, теперь не способствовало прогрессивному развитию казахского общества. На юго-востоке края важную роль в жизни коренного населения играло земледелие. По сообщению русских послов В. Кобякова и Ф. Скибина (конец XVII в.), «хлеб-де у Тевки-хана родится многое число, пшеница и ячмень, и просо, а хлебы сеют озимые и яровые»³. Некоторый упадок земледелия в этом районе наблюдается в 20-х — 30-х годах XVIII в. в связи с опустошительным нашествием джунгарских феодалов.

В экономической жизни казахов известную роль играли домашние промыслы. Медленно развиваясь, они постепенно по мере присоединения Казахстана к России отделялись от сельского хозяйства, приспособляясь к заказу потребителя и отчасти к спросу рынка, что стало особенно заметным в начале XIX в.

До принятия подданства торговля Казахстана с Россией имела незначительный оборот. С присоединением к Российскому государству казахское население получило широкие возможности сбывать излишки скотоводческих продуктов на русских рынках. Торговля велась на Нижнем Яике, в Гурьеве и Яицком городке, Орске, Астрахани, Оренбурге, Тобольске, Омске, Семипалатинске и др. После создания укрепленных линий по Яику и Иртышу меновая торговля с казахами стала вестись в пограничных крепостях.

В развитии торговли были заинтересованы обе стороны. Русские гарнизоны в районе Яицкой, Горькой (Сибирской) линии нуждались в лошадях, которых казахи «имеют довольно», а быстро развивающаяся промышленность России — в сырье, в частности в коже, шерсти. С конца 40-х годов XVIII в. «от производимых с ними (казахами. — Авт.) мен получается повсягодно доходу 60 000 рублей, а сверх того для пользы общественной выменивается до 11 000 лошадей, до 90 000 баранов и до немого числа рогатого (скота)»⁴. Российская администрация предусматривала охрану купцов в пределах русского государства, «чтобы им ни от кого причиняемо не было каких обид или озлобления», отдав соответствующие распоряжения воинским частям.

³ Дополнение к Актам историческим. Т. X, № 80/01V, с. 389—390.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 35.

Начиная с 1738 г. намечается тенденция постоянного роста русско-казахской и русско-среднеазиатской торговли. По свидетельству оренбургского генерал-губернатора И. Неплюева, «почти изо всех городов на здешнюю ярмарку съезжаются и год от году в приезде их сюда прибавляется, и кажется ныне, что уже никакой нужды нет, дабы в татарские города, як-то в Хиву, в Бухару и в Ташкент — по-настоящему российским купцам чрез толь дальнее и опасное разстояние подвергаться, ибо тамошние азиатские купцы с ымеющимися у них за надобными им товары сами сюда, хотя также не без труда и опасности, чрез киргизские улусы охотно ездят»⁵. Казахские и среднеазиатские купцы охотно покупали «кармазинные сукна, бобры русские и немецкие, краски брусковую и коншенель и протчее». Некоторые казахи стали покупать телеги «и оныя у себя в орде употреблять». Чтобы судить о размахе развивающейся торговли, достаточно сообщить, что только в 1748 г. доходы по таможене в Оренбурге превысили доходы 1747 г. на 7062 руб.⁶ Как отмечали в своем представлении в Коллегию иностранных дел А. Тевкелев и П. Рычков 22 января 1759 г., казахи «в торг уже влюбились, часто случается в один день человек от семи до осьмисот, а иногда и до тысячи на здешний меновой двор приезжают, и редко находится в них такой, кто б чем-нибудь сам не торговал»⁷.

Важную роль в усилении русско-казахской торговли царское правительство отводило среднеазиатским купцам, выполнявшим роль посредников. В «Путевых записках» лекаря Зильберштейна говорится, в частности, что купцы пользовались «всем для них нужным через возвращающихся собратьев или ташкенцев и бухарцев, кои хотя мало или много, но выгоды свои при доставлении вымениваемых вещей, конечно, не упускают». Отмечая, что казахи испокон веков пользовались посредничеством среднеазиатских купцов, Зильберштейн указывает, что «из последних двух родов (бухарские и хивинские купцы. — *Авт.*) есть и таковые, которые, не возвращаясь в свои отечества с давних времен, скитаясь по Киргизской степи, производят торговый оборот киргизскими изделиями и, одалживаясь от российских купцов товарами для

⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 347.

⁶ Там же, с. 347, 353, 439, 500, 576.

⁷ Там же, с. 576.

привоза в Ташкению, променивают оный киргизам»⁸. Петербургский двор предписывал «как внутреннее, так и внешнее купечество, сколько возможно, размножить, приласкать». Для этого предусматривалось при строжайшем соблюдении таможенной политики действовать оперативно, ибо, как указывается в инструкции командующего отдельным сибирским корпусом генерал-майора С. Киндермана о порядке торговли с казахами и другими народами от 27 марта 1748 г., «чрез продолжение и мешкоту в купечестве разные убытки случаютца»⁹. Поощрялась оплата таможенных сборов золотом и серебром.

Среднеазиатские, индийские и китайские купцы по сравнению с западно-европейскими купцами находились в привилегированном положении: со второй половины 30-х годов XVIII в. с них взимались умеренные пошлины в размере 10—13% от стоимости товара плюс специальные сборы. Это объяснялось тем, что товары восточных купцов — дорогие ткани, красители, драгоценные камни, изделия художественного ремесла — не наносили ущерба развитию русской промышленности.

По данным А. Еренова, с 1745 по 1774 г. в Оренбурге было продано русскими, казахскими и среднеазиатскими купцами разных товаров на сумму 11 894 925 руб.¹⁰ Если же принять во внимание русско-казахские торговые операции, производившиеся в других местах, то цифры будут еще более разительными. В конце 1752 г. только на одной орской дистанции при пяти крепостях казахи продали российским купцам до 40 тыс. лошадей, около 500 верблюдов, более 300 коров, около 12 тыс. баранов. По сообщению А. Тевкелева и П. Рычкова, почти каждый казах, приезжавший в Троицкую крепость, вел торговые операции. «Некоторые из них, — читаем мы в их представлении Коллегии иностранных дел от 22 января 1759 г., — подобно настоящим купцам, переторговывают стали других,

---

⁸ Исторический архив. Т. 1. М.—Л., 1936, с. 229. См. также: Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964, с. 69—70; Ибрагимов С. К. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. — Ученые записки Института востоковедения, т. XIX. М., 1958, с. 44—45.

⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 377.

¹⁰ Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений казахов. Алма-Ата, 1960, с. 85.

провожая купеческие караваны сюда и отсюда, тем интересуются и промышленяют»¹¹.

Такое интенсивное развитие торговли привело к тому, что уже к концу XVIII в. количество казахских купцов, торговавших с Россией, превысило число торговавших со Средней Азией¹². Если со Средней Азией торговали 152 отделения, 26 родов с общей численностью 217 тыс. семей, то с Россией соответственно 220, 40 и 300 тыс.

Казахи, приезжавшие со своими товарами на российский рынок, как правило, торговых пошлин не платили. Более того, в соответствии с указом Государственной коллегии иностранных дел от 22 сентября 1747 г. за казахских купцов пошлины платили русские купцы. Такие поощрительные меры России являлись стимулом для развития казахско-русской торговли. Не случайно побывавший летом 1748 г. в Казахской степи сакмарский старшина Кубек сообщал, что казахи довольны учрежденным в Оренбурге «базаром», так «как ныне свои от того пользы получают»¹³. Как указывается в книге Азиатского департамента № 21, торговля происходила «уже с немалой казенною и партикулярною прибылью, так что купцы процент на процент прибыли получают»¹⁴.

Торговля велась также на Уйской (Троицкая крепость) и Сибирской (Ямышевская крепость) линиях, куда удобнее было добираться казахам Среднего жуза, а также бухарским, хивинским, кашгарским и сибирским купцам, так как путь через Средний жуз был безопаснее¹⁵. Для взаимного развития торговли ставился вопрос об уравнивании в перспективе пошлинных сборов как на русские, так и иностранные товары, в том числе и товары, поступающие из Казахской степи, но не от казахских купцов.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА

При определении сущности политического строя Казахстана нельзя отрицать существование феодальной го-

---

¹¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 532, 577.

¹² Ученые записки Института востоковедения, т. XIX. М., 1958, с. 47.

¹³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 390.

¹⁴ См.: Красный архив, 1938, т. 2(87), с. 150.

¹⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 500—507.

сударственности у казахов, но вместе с тем не следует переоценивать ее значение. Наличие военной организации, конницы, обеспечивающей быстроту и внезапность нападения, открывали перед предками степняков широкие возможности. Стабильность этнического развития на территории Казахстана, сохраненная в ходе больших военных и социальных потрясений, обусловила появление здесь впоследствии казахских жузов. Жузы фиксировали устоявшуюся местную традицию, бытовавшую еще с древнейших времен. Совокупность многочисленных факторов самого различного характера позволяет считать, что в целом казахская государственность сложилась в основном на территории, совпадающей с современными границами Казахстана.

В рассматриваемый период Казахстан представлял собой страну, разделенную на Старший, Средний и Младший жузы. На их землях издревле располагались кочевья племен, образовавших казахскую народность. Усуни, канглы, жалаиры, дулаты — исконные обитатели юга края и Семиречья — впоследствии образовали Старший жуз; найманы, керей, кипчаки, аргыны, уаки, проживавшие в северных, центральных и восточных районах Казахской степи, образовали Средний жуз; байулинцы, алимовцы, семиродовцы, занимавшие приаральские и прикаспийские степи, — Младший жуз.

История трех казахских жузов, в особенности Младшего и Среднего, тесно переплетена. Как правило, события, происходившие, скажем, в Младшем жузе, трудно, а порой и невозможно понять вне связи с событиями в Среднем жузе, и наоборот. «Киргизцы на всем громадном протяжении степей от Урала до Зайсана... живут одинаковою жизнью: язык у них один, быт кочевой, пользование землею одинаковое, хозяйство однообразное... даже... адаевцы имеют много общего в образе жизни и понятиях своих»¹⁶, т. е. во всех трех жузах проживал народ, объединенный этнической, духовной, языковой и территориальной общностью. В рамках отдельных жузов невозможно воспроизвести историю казахского народа. Лишь совокупность сведений о всех жузах может явиться материалом для воссоздания его истории.

Во главе казахских жузов стояли ханы, не подчиняв-

---

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 288, д. 7, л. 3.

шиеся друг другу. Судя по источникам, ханская власть в Казахстане в XVIII в. была «бессильной», неустойчивой, казахи ханов своих «не слушают», им не подчиняются. Так, оренбургский генерал-губернатор И. Неплюев писал в Коллегию иностранных дел: «Обе те киргис-кайсацкие орды состоят под именем разных владельцев и старшин, ис которых ни один не только совершенной власти, но ниже прямой команды не имеет, но всяк по своей склонности, избирая себе владельца или старшину, оното придерживается»¹⁷. Аналогичную оценку ханской власти встречаем и в другом источнике: «Только ханы и владельцы их (казахов) великой силы у них не имеют и в важных делах поступают по совету старшин и народа»¹⁸. Таким образом, в источниках отмечается феодальная раздробленность Казахстана и в известной степени ограниченность ханской власти.

Политические связи между тремя жузами были спорадическими. Они оживали лишь во время съездов феодальной знати, так называемых «народных собраний», созываемых по случаю выбора нового хана, по поводу организации «народного ополчения» и решения вопросов, касающихся всех трех жузов. Регулярно в мае, октябре или ноябре созывались собрания старшин. Эти сроки были связаны с перекочевками на летние и зимние стоянки. Но нередко они нарушались вследствие военных вторжений извне и феодальных распрей. Существует предание, что все три жуза собирались на холме Мартубе, около Сайрама, где обсуждались вопросы, где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия и как воевать. По-видимому, в этом предании отражаются события первой четверти XVIII в., когда внешнеполитическая обстановка в крае была особенно напряженной. Уже в 30-х годах XVIII в. Старший жуз не принимал участия в этих широких собраниях.

Какова была сфера власти хана? Казахские ханы считали себя потомками Чингиз-хана (хотя термин «хан» существовал задолго до монгольского завоевания)

¹⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1747, д. 3, л. 119 об.

¹⁸ ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, д. 442, л. 3 об. Последнее указание вызывает сомнение. Известно, что даже во время выборов хана на широком съезде феодальной знати роль народа в конечном счете была пассивной.

и представляли собой особое сословие — «торе». Ханская власть была наследственной: хану наследовали братья, затем его сыновья, затем сыновья его братьев. Выборы хана, происходившие на широких собраниях феодальной знати (султанов, старшин, биев) и в присутствии народа, представляли собой, по существу, торжественное признание наследственной ханской власти. До начала XVIII в. «законными» наследственными ханами считались представители старшей ханской династии Жадиге. Эта традиционная генеалогия ханской власти способствовала до некоторой степени ее авторитету в глазах феодальной знати.

Но к 30-м годам XVIII в. положение изменилось: Абулхаиру удалось стать ханом Младшего жуза, будучи представителем младшей ханской династии Осеке. Это обстоятельство в дальнейшем сыграло большую роль в политической жизни Младшего жуза. Власть Абулхаира не была авторитетной в представлении таких султанов, как Батыр, Барак (потомок династии Жадиге), уже потому, что она порывала с традиционным наследованием и привычной генеалогией ханской власти. Свидетельство того — обострение феодальной борьбы в Младшем жузе.

Хан, являвшийся верховным правителем, имел право судить султанов и старшин. Он возглавлял войско во время походов, распоряжался кочевьями своего владения. Каждый из ханов Младшего, Среднего и Старшего жузов хотел быть «главным» или «старшим», поэтому между ними велась постоянная борьба за эту роль. Но «при всех равных условиях предпочтение отдавалось хану Среднего жуза»¹⁹. Между тем на общих собраниях («съездах») казахской феодальной верхушки в подавляющем большинстве случаев вопрос решался в пользу «наиболее сильного и организованного хана». Так, на рубеже XVII и XVIII вв. «главным» ханом являлся хан Среднего жуза Тауке (1680—1715), затем хан Младшего жуза Абулхаир (1718—1748), а после смерти Абулхаира — Аблай (1771—1781 гг.), хан Среднего жуза.

Ханы осуществляли руководство своими подданными, передвигаясь вместе с ними, хотя основным политическим центром Казахского ханства являлся г. Туркестан. Место,

---

¹⁹ Зиманов С. Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX века. Алма-Ата, 1960, с. 74.

где находился хан со своим окружением в тот или иной момент, и считалось его ставкой. При ханах был свой диван (совет), печать и «для почета», а главное, для просмотра «за ханом и охранения его особы от часто случавшихся покушений со стороны враждебных киргиз» особые отряды. При хане Младшего жуза имелись «почетные караулы» от яицкого войска и отчасти от оренбургского казачьего войска. В ханстве не было особого чиновничье-бюрократического, многоступенчатого аппарата управления, не было и правительства в том смысле, в каком это было принято понимать в странах Европы. Управление велось по старой султанско-бийской системе. Однако существующая в степи система управления не отвечала интересам ни господствующих, ни тем более эксплуатируемых классов, она тормозила развитие производительных сил и нуждалась если не в радикальном изменении, то, во всяком случае, в совершенствовании. В структуре политической власти преобладала территориально-родовая определенность²⁰.

Родовая знать удерживала довольно сильные позиции в политической жизни общества. В донесении И. Неплюева от 20 августа 1748 г. отмечается, что «Меньшая орда особо состоит и находится в ней у Алчинцев Абулхайрхан, у Семиродцев — Исет-хан, в Табынском роду — Тюлебай-бий с прочими»²¹. При управлении по родам создавались благоприятные условия для усиления власти и авторитетов биев-родоначальников, которые были значительно больше связаны с родом. Роль биев в общественной и политической жизни казахского общества была значительной. И. Кирилов в 1734 г. писал, что у казахов «не столько ханы власти имеют, сколько их старшины»²². Нередко родоуправители-бии решали очень важные вопросы внешних сношений. Своим правом совета они дорожили и выступали против хана, если он не соглашался с ними. Так, в 1742 г. Абулхайр намеревался совершить нападение на Аральское владение без согласия старшин. Возмущенные этим «старшины стали на него жаловаться и пришед к Батыр-салтану, говорили, что он, хан, с ними уже ничего не советует... за что они намерены ево по-

---

²⁰ Зиманов С. Политический строй Казахстана..., с. 72, 76.

²¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1748, д. 3, л. 176.

²² ПСЗРИ, т. IX, № 6751, с. 309.

кинуть и притти под дирекцию (управление. — *Авт.*) ево, Батыр-салтана»²³.

При ханах не было постоянного войска. По мере необходимости собиралось народное ополчение под предводительством хана, султанов и батыров. В состав ополчения входило все боеспособное население, причем каждый воин обязан был выступить с двумя конями и со своим снаряжением.

Отсутствовали писанные законы. «Политического закона на письме они никакова не имеют, письменно нигде не судятся, но на словах, по образу третейского суда»²⁴. Однако обычное право казахов «представляло собой по своей сущности феодальное право, а по своей форме — патриархально-феодальное»²⁵. Следовательно, слаборазвитому базису соответствовала и надстройка.

После смерти Абулхаира в 1748 г. в Младшем жузе образовалось два ханства: в юго-восточной части жуза укрепились власть султана Батыра, на остальной — хана Нуралы. То же произошло в Среднем жузе: в центральной и северных районах усилилась власть султана Аблая, в юго-восточной части — султана Барака. Феодальная раздробленность Казахстана способствовала обострению межродовой борьбы.

Дореволюционные исследователи истории Казахстана социально-экономические отношения в казахском обществе в силу ряда причин характеризовали как патриархально-родовые и тем самым отрицали наличие классов и классовой борьбы. Феодально-байская интеллигенция увлекалась идеализацией казахского общества и выдвинула так называемую «родовую» теорию, согласно которой в дореволюционном казахском ауле будто бы отсутствовала классовая борьба. Эту же ошибку допустили историки, работавшие в первые годы Советской власти, в частности А. П. Чулошников²⁶. Правда, позже автор отказался от этой ошибочной трактовки общественного строя казахов²⁷.

²³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 208.

²⁴ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 442, л. 35 об.

²⁵ *Культелев Т. М.* Уголовное и обычное право казахов. Алмата, 1955, с. 101.

²⁶ *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа. Ч. 1. Оренбург, 1924.

²⁷ *Чулошников А. П.* К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. — Известия АН СССР, серия общественных наук, 1936, № 3.

В казахском обществе выступали два основных класса: класс феодалов, присваивающий продукт непосредственных производителей, и класс крестьян (шаруа). Первый по своему экономическому и политическому положению делился на ряд сословий. Султаны, как мы уже говорили, считали себя потомками Чингиз-хана, хотя некоторые из них вряд ли имели какое-нибудь отношение к нему. Бий — третейский народный судья, выдвигавшийся на этот пост за красноречие, занимался решением спорных вопросов, главным образом тяжб между аулами, родами, отделениями, подотделениями и т. д. Среди биев были выходцы из среды крупных скотоводов и из простого народа — шаруа. Но независимо от происхождения они служили интересам феодально-байской верхушки.

В литературе к феодальной верхушке казахского общества относят также тарханов. Но, насколько нам известно, впервые звание тархана было присвоено указом императрицы Елизаветы от 11 июля 1743 г. батыру Джаныбеку, а затем еще нескольким казахским владельцам. Разумеется, это никак не может свидетельствовать о существовании такой социальной категории в казахском обществе.

Некоторые исследователи к феодальной верхушке казахского общества ошибочно относят и мурз по аналогии с башкирской терминологией. В действительности же в казахском обществе мурзами называли сыновей баев, т. е. феодалов, не представлявших отдельной социальной категории.

В общественно-политической жизни казахов в рассматриваемый период значительную роль играли батыры. С возникновением классового общества батыры стали узурпировать права родовой знати, отдельные из них превратились в феодалов. Но были батыры, не присваивавшие прибавочный труд.

К феодальной прослойке также относят старшин. Однако эта должность была учреждена в период присоединения Казахстана к России.

В литературе нет единого мнения относительно экономической и социальной природы байства. М. П. Вяткин считает, что возникновение байства связано с развитием товарно-денежного обращения. По существу, такой же точки зрения придерживается В. Ф. Шахматов²⁸. Другие

²⁸ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941,

исследователи утверждают, что становление и развитие байства вообще не связано с товарно-денежными отношениями²⁹. Действительно, баем называли любого богатого человека, имевшего большое количество скота. Они составляли зажиточный слой населения и как феодальное сословие имелись у всех тюркоязычных народов. Появились они в период разложения патриархально-родовых отношений. Об этом убедительно говорят нарративные источники. Поэтому нам представляется малоубедительным, что появление байства связано с развитием товарно-денежных отношений.

К эксплуататорскому классу следует отнести служителей религиозного культа. Мусульманская знать (ходжи, муллы) наживали огромные состояния путем обмана трудящихся. В обществе они играли незначительную роль. В их среде имелись богатые, присваивавшие чужой труд, и бедные, едва сводившие концы с концами.

Как во всяком феодальном обществе, основным производителем материальных благ являлись крестьяне-шаруа, которые составляли абсолютное большинство населения. Экономическое положение шаруа было неодинаковым, отсюда различная степень их зависимости от эксплуататорского класса. Большую часть шаруа составляли жай-шаруа (середняки), затем шли кедей-шаруа — менее обеспеченная часть скотоводов. Некоторые из них переходили к полукочевому образу жизни, занимаясь наряду со скотоводством земледелием. И наконец, была группа населения, в основном лишенная средств производства. К ней можно отнести батраков.

До сих пор в литературе бытует ошибочная точка зрения о социальной природе «консы», относящая их к обездоленным. В действительности эта категория имеет двойное значение. Термин «консы» означает отколовшуюся от своего рода, аула часть населения, примкнувшую к другому аулу, роду в одиночку или группами. Среди них были представители зажиточных и бедных слоев. Следовательно, «консы» не являются социальной категорией в буквальном смысле слова.

с. 298; *Шахматов В. Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1948, с. 88.

²⁹ *Толыбеков С. Е.* О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов. — Вестник АН КазССР, 1951, № 8; *Зиманов С.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958, с. 214.

Самую пауперизованную часть казахского населения составляли байгуши. А. Левшин приравнивал положение байгушей к положению нищих³⁰.

По вопросу о рабстве у скотоводов не существует единого мнения. Большинство исследователей считает, что у кочевников не было развитого рабовладельческого строя. Родовой быт исключал появление рабов из числа соплеменников. Рабами были пленные из других народов, их также покупали на рынках Востока. После присоединения к России рабство в Казахстане было отменено.

Несколько слов о еще одной социальной группе — тюленгутах. Мы склонны считать, что в условиях кочевого общества часть рядовых скотоводов вследствие джугта и других стихийных бедствий легко разорялась. Чтобы существовать, они искали покровительства у ханов и султанов, выполняя самые различные поручения. В ряды тюленгутов также попадали казахи «во избежание какого-либо взыскания, правильного или неправильного»³¹, т. е. скрывавшиеся от какого-либо преследования. Таким образом, эти люди находили спасение путем утраты своей независимости. Возникновение, развитие и распад института тюленгутства были тесно связаны с феодализацией казахского общества.

В период присоединения к России в Казахстане все еще существовала аульная община. Она состояла из семей, самостоятельно ведущих хозяйство, имеющих в частной собственности скот и орудия труда. Распределение и присвоение результатов труда носило также частный характер. Члены ее не были равноправными: одни находились в привилегированном положении и эксплуатировали других, другие зависели от верхушки общины.

Существование аульной общины обуславливалось экстенсивным скотоводческим хозяйством.

Сохранение аульной общины отвечало интересам феодальной знати. Представители феодальной верхушки всячески поддерживали пережиточные представления о родо-племенной общности, о «единстве» интересов всех

³⁰ Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. III, с. 76.

³¹ Зобнин А. К. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи. — В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г., вып. VI. Семипалатинск, 1901, с. 39.

членов рода, притупляя таким образом классовое сознание трудовых масс.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И ЛИКВИДАЦИЯ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ

Во второй половине XVIII столетия противоречия между классом феодалов и классом непосредственных производителей материальных благ обострились и периодически выливались в борьбу казахских шаруа против феодально-родовой знати, царской колониальной администрации. Классовая борьба особенно контрастно проявилась во второй половине XVIII — первой половине XIX в. в участии казахских трудящихся в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, движении крестьян во главе со Срымом Датовым, Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым, Исетом Котибаровым, Джанхожей Нурмухамедовым.

Советские исследователи крестьянских войн вообще, Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева в частности получили важнейшие сведения как в отношении конкретного хода выступления казахов Младшего и Среднего жузов, так и по линии оценки роли, масштабов, широты их участия в этой войне. Появились исследования, в которых показано пробуждение угнетенных народов царской России, в том числе казахов³².

³² *Рязанов А. Ф.* Отголоски пугачевского восстания на Урале, в киргиз-кайсацкой Малой орде и в Поволжье. — Труды общества изучения Казахстана. Т. VI. 1925; *Чулошников А. П.* Казак-киргизские кочевые орды и пугачевщина (1773—1774 гг.). — Новый Восток, 1929, кн. 25; *Лебедев В. И.* К вопросу о характеристике крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. — Вопросы истории, 1954, № 6; *Мавродин В. В., Кадсон И. З., Сергеева Н. И., Ржаникова Т. П.* Об особенностях крестьянских войн в России. — Вопросы истории, 1956, № 2; История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 266—280; *Овчинников Р. В.* Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. в России. — Вопросы истории, 1959, № 7; *Вяткин М. П.* Емельян Пугачев. Л., 1951; *Бекмаханов Е. Б., Семенюк Г. И.* Казах в крестьянской войне 1773—1775 гг. — Ученые записки КазГУ, серия историческая, вып. 12. Алма-Ата, 1963; *Басин В. Я., Киреев Ф. Н.* Предисловие к кн. «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.». Алма-Ата, 1964; *Бекмаханова Н. Е.* Легенда о невидимке. Алма-Ата, 1968; *Преображенский А.* Славная странница борьбы. — Правда, 1973, 28 сентября; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв. М., 1976; История Казахской ССР, т. 3, с. 83—110.

Причины Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева и ее поражения общеизвестны. Но следует добавить, что в рассматриваемый период между верхушкой яицкого казачества, с одной стороны, и казахским населением, с другой, шла непрерывная борьба за земли, расположенные по р. Яику. К моменту появления Пугачева на Яике аграрный вопрос приобрел особо острый характер. Напомним, что в первый период Крестьянской войны, обращаясь к русскому, башкирскому и другим народам, Пугачев «жаловал лесами, землей, лугами» и т. п., но это обещание по отношению к казахам не было выполнено. На этой основе уже в начальный период восстания сложилось взаимное недоверие между верхушкой казачества и казахским населением. Тем не менее в стихийно происходившей войне проявилась общность интересов трудящихся всех народов России, казахский народ впервые совместно с русскими и представителями других национальностей выступил против крепостного строя.

Причины, вызвавшие участие казахов в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, не были устранены и после ее поражения. Чиновники царской администрации вместе с казахской феодальной знатью продолжали наступление на права казахских трудящихся, захватывая принадлежавшие им земли. Более того, согласно указу Екатерины II за 1782 г. переход казахских шаруа со скотом через р. Урал допускался только с разрешения царских пограничных властей и после внесения определенной платы. Поборы превращались в настоящий грабёж трудового народа. Все это сопровождалось резким обострением земельного вопроса. Главной целью царской администрации стало превращение степной аристократии в своих верных слуг. Процесс сближения хана Нуралы и султанов с царскими властями, начавшийся в середине XVIII в., окончательно завершился к концу 70-х годов. По мере превращения султанов династии Абулхайра в исполнительный аппарат царских властей эта феодальная группа начинала олицетворять в себе систему двойной эксплуатации. Поэтому борьба широких слоев народных масс приняла черты освободительного народного движения, направленного против господства царизма и феодальных группировок одновременно. Возглавил ее батыр Срым Датов (1783—1797 гг.). Хотя

движение явилось результатом феодальной эксплуатации, усугубленной насилиями царских властей, руководство им осуществляли старшины. Такое положение определило ограниченность самого движения, не позволило ему перерасти в крестьянскую войну.

В 70 — 90-х годах XVIII в. внутривосточная обстановка в Казахстане была очень сложной. Усилился сепаратизм старшин: он выражался в различных формах неповиновения хану, нередко выливавшегося в открытые выступления против него. Они упрекали хана в нежелании разрешить два жизненно важных вопроса — о предоставлении казахам права перегонять скот на правый берег р. Урал и о возврате бежавших из жуза рабов. Нельзя сказать, что хан Нуралы не пытался договориться с царским правительством и оренбургской администрацией о зимовках на «внутренней стороне». Но получить разрешение пользоваться зимовками на правобережье Яика не удалось. Это еще более усилило недовольство. Старшины усиленно склоняли хана к откочевке от русских границ.

Противоречия между ханом и старшинами усугублялись участвовавшим бегством пленных из Казахстана в Россию в середине XVIII в. Старшины, лишившиеся даровых рабочих рук, требовали возврата бежавших кулов. «Все киргиз-кайсаки, малые и большие, повеления моего не слушают, представляя, что я им беглецов не доставляю», — жаловался хан царской администрации³³. Напуганный оппозицией старшин, Нуралы пытался разжалобить царскую администрацию. Он писал о том, что в результате бегства кулов хозяйство старшин «разоряется и до того доходит, что уже не знают, как и кем лошадиные свои табуны содержать»³⁴.

Дипломатическая переписка казахских владетелей с царской администрацией со второй половины XVIII в. полна требований выдачи беглых рабов, запрещения пограничному населению и начальникам гарнизонов принимать беглецов. Однако бегство рабов продолжалось вплоть до ликвидации рабства в Казахстане.

Рост возмущения трудового населения в связи с произволом и непосильными поборами хана заставил Нуралы возобновить переписку с царской администра-

³³ АВРР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/2, 1759, д. 4, л. 335.

³⁴ Там же, 1758, д. 4, л. 168.

цией по поводу постройки для него крепости в устье р. Эмбы. Хан просил также, чтобы «получено было в его ведомство некоторое число военных людей», а затем потребовал устройства для него крепости и на Яике. Нуралы надеялся, что эти крепости будут служить надежной защитой в случае выступления против него народа и старшин.

Учитывая слабость хана и все возрастающую зависимость его от «милостей» и поддержки Петербурга, Екатерина II указом от 18 марта 1770 г. предписала оренбургскому генерал-губернатору добиваться от Нуралы, чтобы он «позволял старшинам и народу содействовать в исполнении требований царского правительства и без зависти смотреть на поощрения и приманки», которые будут делаться его подчиненным³⁵, т. е. на расширение непосредственных связей царизма с казахскими феодалами. При этом в зависимости от конкретных условий и целей царские власти постоянно варьировали свои отношения к ханам и вообще к казахским феодалам.

В 70-х годах обострились взаимоотношения хана и с султанами. Жалуясь на самовластье султанов, Нуралы писал И. П. Панину: «В киргиз-кайсацкой нашей орде начальников умножилось и всякий султан находит способ собственно переписываться и чрез то отдельным себя владетелем представлять. Чрез то в народе роптания умножаются и притом способ придается и к размножению плутов, ибо везде, по причине умножения начальников, политической исправности не бывает»³⁶. Хан понимал, что стремление султанов сделаться независимыми владетелями подрывает основу его власти.

Коллегия иностранных дел, предусмотрев возмущение старшин в связи с усилением власти ненавистных им султанов — сыновей Нуралы, уже соглашалась передать ханскую власть любому султану из числа родственников Абулхаира.

В обстановке нарастающего недовольства ханской властью в Младшем жузе и усиливающегося вмешательства царизма во внутренние дела жуза хану Нуралы в 1770 г. пришлось выпрашивать второй «патент», утверж-

³⁵ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 117.

³⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 700.

дающий его в ханском звании. При этом Нуралы мотивировал свою просьбу тем, что ранее выданный ему патент устарел, а он, верноподданный, «в самом деле имеет усердие получить от царствующей государыни патент, утверждающий его в ханском достоинстве»³⁷. Тем временем все более вызревали планы правительства упрочить свое влияние в жузе путем внедрения в его аппарат управления своей администрации. В 1783 г. ставился вопрос об учреждении Пограничного суда в Оренбурге, «в котором бы обоюдных сторон ссоры разбираемы были»³⁸. Пограничный суд как орган управления жузом должен был осуществлять прокурорский надзор. Так царское правительство на первых порах пыталось приблизить систему управления в степи к общеимперской системе. Рассуждая об учреждении Пограничного суда, оренбургский генерал-губернатор О. А. Игельстром утверждал, что прибывшие к нему от старшин депутаты согласны с этим мероприятием, «дабы не быть зависимыми от хана, отделяя только его от управления народом, почему сим посланникам общий суд и кажется приятным»³⁹. Но если царское правительство смотрело на организацию «расправ»⁴⁰ как на средство усиления своего влияния в Казахстане, то возглавлявший национально-освободительное движение в Младшем жузе батыр Срым и его сторонники-старшины — как на средство ослабления власти хана и султанов и усиления власти старшин.

Правительство, организуя старшинские органы управления, опираясь на родовую знать, намеревалось ликвидировать ханскую власть Нуралы. Это видно из указа Екатерины II О. А. Игельstromу от 27 ноября 1785 г., в котором выступает и мотивировка устранения от ханства Нуралы: «Отложение столь многих родов киргизских от повиновения Нуралы хану нимало не почитаем мы предосудительным для интересов наших... Уже одна оплошность его, потеря им доверенности у народа своего и, наконец, оказанное им не один раз уклонение от сви-

³⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1791, д. 1, л. 7.

³⁸ *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900, с. 181.

³⁹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 57.

⁴⁰ «Расправы» — местные органы управления, которые должны были подчиняться Пограничному суду.

данья с предместником вашим делают и его для нас бесполезным и ненадежным»⁴¹. Императрица писала: «Конечно, для вас выгоднее будет нынешнее разделение сей орды, особливо же если начальники родов станут привыкать к непосредственному руководству наших главных там начальников военных». Отсюда вытекало настороженное отношение правительства к попыткам старшин выбрать в ханы султана Қаипа. Не зная реального соотношения сил в Младшем жузе, царица приказала «разведать» о Қаипе, какого он происхождения, где находится и можно ли на него положиться, а через год она категорически отказалась утвердить состоявшееся избрание Қаипа в ханы. В своем рескрипте от 12 ноября 1786 г. Екатерина II писала О. А. Игельстрому: «Не можем мы ни избрания его в ханы, учиненного некоторыми из родов киргизских, подтверждать, ни позволить, чтоб кто-либо другой в сие достоинство выбран был». Однако в целях усиления зависимости его управления от царского военно-бюрократического аппарата была сделана следующая оговорка: «Но буде бы необходимость обстоятельств потребовала достоинство хана в орде возставать, то и в таком случае полезнее держаться прежнего мнения о умножении их числа и чтоб каждый из таковых ханов не был силен в орде и зависел от нас, как и прочие, подчиненные вам в губернии и по уездам»⁴².

Под натиском участников восстания под предводительством Срыма Датова Нуралы был вынужден бежать под защиту колониальных властей, а в начале июня 1786 г. императрица подписала рескрипт об отстранении Нуралы от ханской власти.

Хотя Нуралы бежал, большинство старшин считало, что нужно сохранить ханскую власть, но поставить нового хана в такие условия, которые гарантировали бы старшинам политическое господство внутри жуза. О. А. Игельстром в своем донесении Екатерине II от 10 мая 1786 г. сообщал: «Отложившиеся от хана старшины и народ не все единогласно желают иметь только нынешнего, а впредь выбрать такого, который бы в орде еще менее теперешнего власти имел по особе своей... Дабы

⁴¹ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/3, 1785 г., д. 2, л. 2, об.

⁴² Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 76.

отделить власть достоинства от особы его, имеют учредить при нем из лучших старшин трех начальных родов совет»⁴³. Старшины предлагали в целях усиления их власти восстановить постоянный совет старшин при хане. Однако императрица решительно отклонила предложение о выборе нового хана с условием учреждения при нем совета. По-видимому, правительству уже была ясна безнадежность ориентации на хана.

10 мая 1786 г. О. А. Игельстром представил проект нового административного устройства, а в 1786—1787 гг. были организованы новые органы власти — Пограничный суд в Оренбурге и расправы внутри Младшего жуза. Однако эти нововведения оказались преждевременными. Пограничный суд бездействовал, расправы ни разу не собирались. По свидетельству А. И. Левшина, «члены расправы ничего не исполняли, никогда вместе не собирались, к разбирательствам дел не приступали и ездили в Оренбург только для получения жалованья, а на орду не имели никакого влияния»⁴⁴. Фактическая власть в жузе перешла в руки наиболее влиятельных биев, в том числе Срыма.

Проведение реформы натолкнулось на упорное сопротивление султанов, права и власть которых ущемлялись учреждением новых органов управления. Жалуясь на бездействие султанов, О. А. Игельстром доносил императрице: «Ни единый из них не приступил к сему новому преобразованию, орда, видев власть правления своего народа через оное уничтожение и в руки самого народа отданную, почитает себя безмерно обиженным и уничтоженным»⁴⁵. Старшины же не отказались от желания восстановить ханскую власть.

Попытка Петербурга ликвидировать ханскую власть в конце XVIII века не увенчалась успехом. Это произошло потому, что у правительства в то время еще не было надежной опоры в крае как среди султанов, так и среди родоправителей, а влияние в Младшем жузе еще не было настолько сильным, чтобы ликвидировать издавна сложившуюся систему управления. Правительство поняло беспочвенность реформы Игельстрома и восстановило

⁴³ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 72.

⁴⁴ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. II, с. 304.

⁴⁵ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 101.

ханскую власть. В 1791 г. был назначен ханом престарелый султан Ералы (брат Нуралы) — наиболее непримиримый противник старшинской группировки.

Восстанавливая ханскую власть в Младшем жузе, правительство отнюдь не стремилось сохранить ее здесь и в Среднем жузе навсегда. Теперь оно делало ставку на слабых ее представителей, способных дискредитировать самую идею ханской власти. В Среднем жузе царское правительство решило утвердить кроме Вали еще одного хана, из султанов, не принадлежавших к потомкам Аблая. Выбор пал на престарелого султана Букея. Его власть распространялась в основном на владения крупного родового объединения найман. Однако такая система управления в Среднем жузе просуществовала недолго: в 1817 г. умер хан Букей, спустя два года скончался хан Вали. Царское правительство, к этому времени уже в значительной степени прибавшее к рукам местную власть и присвоившее право утверждать ханов, решило не назначать нового хана. В одном из официальных документов того времени особо подчеркивалось, что «избрание нового хана до времени отклонить... Ни в коем случае не должно допускать, чтобы султаны и старшины сами собою, без дозволений и без руководства, приступили к выбору хана»⁴⁶.

В 1822 г. «Уставом о сибирских киргизах», разработанным генерал-губернатором Западной Сибири М. М. Сперанским, ханская власть в Среднем жузе упразднялась, вводилось новое административное деление: округ (15—20 волостей), волость (10—12 аулов), аул (50—70 кибиток). Округ имел «определенные надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оныя без точного позволения местного начальства»⁴⁷. При организации округов за основу брались зимние кочевья и родовые отношения. При этом учитывалась заинтересованность родов войти в состав того или иного округа.

Высшей административной единицей округа являлся окружной приказ во главе со старшим султаном, подчинявшимся областному правлению. Приказ состоял из

⁴⁶ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв., с. 182.

⁴⁷ См.: Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 107—108; Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960, с. 93.

двух русских заседателей, назначаемых военным губернатором, и двух заседателей из «почетных киргизов», избравшихся собранием биев сроком на два года. В выборах старшего султана принимали участие только султаны.

Во главе волостей стояли избранные из султанов волостные правители. Между тем эту выборность устав пытался своеобразным путем сочетать с наследованием: «Право их (волостных правителей. — Авт.) на управление волостями должно переходить только по одной прямой нисходящей линии и по первородству: но и в случае сообразно с нынешними обычаями должно предварительно потребовать согласие общества, которое может избрать и другого султана, но неверяет ему власти без утверждения областного правления»⁴⁸.

Низшими представителями власти являлись аульные старшины, выбираемые «от самих киргизов» без участия султанов. Они не получали и чинов в противоположность старшим и волостным султанам.

Власть судебная по гражданским искам была оставлена в руках биев, решения которых могли быть обжалованы областному начальству, которое через окружной приказ давало «такovým делам следственный ход» и решало «оныя также по степным киргизским законам», по народному обычаю. Следовательно, окружным приказам предоставили возможность вмешиваться и в судебные дела. Что же касается уголовных дел, то они рассматривались по законам Российской империи, а это в значительной мере подрывало авторитет суда биев.

В соответствии с уставом изменялся характер повинностей, которые вводились по мере организации округов в течение пятилетнего льготного срока. На этот период казахи освобождались от несения повинностей. По прошествии пяти льготных лет каждое хозяйство (кибитка) должно платить ясачную подать в размере 1% со всего скота, кроме верблюдов⁴⁹. Взимался ясак натурой, но можно было вносить его и деньгами из следующего расчета: за лошадь — 10 руб., за голову рогатого скота — 5 р. 75 к., за барана — 28 коп. серебром. Позже (1852 г.) ясак был увеличен. Его раскладка производилась соглас-

⁴⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1, с. 94.

⁴⁹ Там же, с. 100, 103.

но описи скота, составляемой на три года, и взимался он один раз в год. В отношении ясака устав придерживался принципа постепенности, причем обращалось внимание на то, чтобы при сборе ясака «не делать излишней браковки, лишь бы только рогатый скот был здоров, а лошади годны к употреблению»⁵⁰. Эти меры предпринимались с целью «не отпугнуть» население от реформы.

При проведении в жизнь «Устава о сибирских киргизах» на казахов налагалась не предусмотренная уставом постоянная повинность. Например, для чиновников, толмачей (переводчиков) и прочих проезжающих через степь по служебным делам лиц должна была выставляться отдельная юрта. К тому же хозяин юрты был обязан устраивать угощения для проезжающих чиновников. Для войск, остановившихся на ночлег, с аулов собирали юрты, которые в редких случаях возвращали их владельцам. Устав вводил гужевую повинность, которую казахи ранее не знали, обязывал коренное население осуществлять регулярное сообщение между окружными приказами, волостями и аулами. Основная задача местной администрации состояла в том, чтобы приучать казахские роды к окружной системе управления. Здесь, однако, встретились и помехи. Дело в том, что хотя Средний жуз юридически находился в Российском подданстве, но чем дальше в степь, тем сильнее проявлялся сепаратизм султанов и родоначальников. Более или менее послушными являлись аулы, непосредственно примыкавшие своими кочевьями к пограничной линии⁵¹.

Тем временем в Казахской степи создавались новые округа: Каркаралинский и Кокчетавский (1824 г.), Баян-Аульский (1826 г.), Аягузский (1831 г.), Акмолинский (1823 г.). В 40—50-х годах возникли Кокпектинский, Кушмурунский и Алатавский (Семиречье) округа. Этим завершалось новое административное деление.

Устав содержал также ряд указаний относительно развития земледелия и оседлости. Подобные шаги и ранее предпринимались царским правительством, но теперь этот вопрос принял официальный характер. Соответствующие статьи устава юридически регламентировали отвод земель и порядок ее использования, обязанности волостей поощрять занятие земледелием. Пере-

⁵⁰ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1, с. 100, 103.

⁵¹ Зиманов С. Политический строй Казахстана..., с. 157.

шедшие к земледелию и оседлости пользовались рядом льгот: им оказывалась помощь сельскохозяйственными орудиями, урожай не облагался налогом. «Киргиз, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и прочее, равно и все те, которые окажут в сих делах отличные успехи, получают право на особенную награду, о назначении которой представлять на высочайшее усмотрение»⁵². Таким образом, земельная политика, провозглашенная положениями устава, должна была способствовать приобщению кочевников к более передовой форме сельскохозяйственного производства.

Устав запретил казахским феодалам приобретать рабов из числа подданных Российской империи.

В несколько иной форме сообразно обстоятельствам была проведена реформа в Младшем жузе. Основой ее явился проект оренбургского генерал-губернатора П. К. Эссена (1822 г.), утвержденный Азиатским комитетом в 1824 г. и получивший название «Устав об оренбургских киргизах». В том же году была отменена ханская власть на территории жуза. В мае 1824 г. последний хан Ширгазы был вызван в Оренбург и определен «первоприсутствующим» в Пограничной комиссии. Это была чисто формальная должность — никакого влияния на управление жузом «первоприсутствующий» не имел.

Ликвидация ханской власти в Младшем жузе прошла без сколько-нибудь значительных осложнений: она была подготовлена всем ходом общественно-политического развития.

Жуз был разделен на три части: западную, среднюю и восточную. В западную часть вошли земли к западу от рек Илек, Темир и Аральского моря, в среднюю — земли к западу от верхнего течения рек Тогузак, Аят и Тобол, в восточную — от Сырдарьи и до границ с Бухарским ханством. Таким образом, в западную часть вошли кочевья родовых объединений байулы и жетыру, в среднюю — кочевья других родов, а в восточную — по преимуществу кочевья рода алим, большая часть сырдарьинских казахов. Во главе каждой из административных единиц были поставлены султаны-правители с жалованьем 100 рублей серебром и 60 четвертей муки в год.

---

⁵² Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1, с. 102.

При каждом султানে-правителе был свой аппарат управления, часть которого содержалась за счет местных жителей, а также отряд казаков в 200 человек.

В обязанность новых органов управления входило: «Надзор за поведением киргизов, содержание их в порядке и всегдашней верности и послушании правительству, а также собрание по возможности вернейших сведений о народонаселении, числе кибиток и скотоводстве состоящих в их ведении киргизов и вообще приведение в исполнение мер, какие будут предписываемы комиссией. Султаны-правители должны влиянием своим и имеющимися в их распоряжении средствами всемерно стараться об искоренении в степи баранты и вообще всякого самоуправства»⁵³.

С 1831 г. в Младшем жузе возникают административные участки-дистанции (участки между двумя крепостями). В 50-х годах XIX в. в Младшем жузе существовали 54 дистанции, подразделявшиеся территориально на три разряда и включавшие 33 рода⁵⁴.

Итак, с помощью реорганизации системы управления царское правительство стремилось упрочить здесь свое политическое и экономическое положение.

Решающую роль в окончательном низвержении ханской системы управления сыграла борьба народных масс, вылившаяся в ряд освободительных движений. Наиболее значительными из них были крестьянское восстание в Букеевском ханстве под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (1836—1837 гг.), восстание приаральских казахов (1855—1858 гг.), казахов низовий Сырдарьи (1856—1857 гг.), казахов и киргизов в Семиречье и Южном Казахстане (1858 г.) и др.

В конце XVIII в. у казахских родов, кочевавших на территории Младшего жуза, ханско-феодалная верхушка узурпировала большое количество общинных земель, что привело к усилению классовой дифференциации. Многие родо-племенные объединения не могли оставаться «в прежних местах кочевания» из-за усиления феодальной эксплуатации. Межродовые распри и барымта

⁵³ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1, с. 221.

⁵⁴ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, с. 76; Казанцев И. Описание киргиз-кайсака. Спб., 1867, с. 62.

тяжело отражались на положении шаруа; чувствовалась нехватка пастбищных угодий. Нестабильным было также и внешнеполитическое положение Младшего жуза. На юге, например, его беспокоили среднеазиатские ханства, проводившие политику насильственного захвата казахских кочевий.

В такой напряженной внутренней и внешнеполитической обстановке некоторая часть казахских шаруа (около пяти тысяч семейств) Младшего жуза с разрешения русских пограничных властей откочевала на новые земли между Уралом и Волгой⁵⁵; в 1801 г. здесь было образовано Букеевское ханство, или Внутренняя орда.

Решая вопрос о создании Букеевского ханства, царское правительство рассчитывало рассредоточить казахское население Младшего жуза на еще не занятых землях и ослабить тем самым остроту земельного вопроса, превратить Внутреннюю орду в «показательный» уголок Казахской степи, «в смысле управления и пользы колониальной опеки»⁵⁶. Эти расчеты, однако, не оправдались.

В Букеевском ханстве отчетливо прослеживается тенденция сосредоточения в руках небольшой кучки феодалов скота и земли. Например, Джангир-хан захватил около 400 тыс. дес. земли, пригодной для ведения хозяйства. Султанам Мусагалию и Шингалию Урмановым он отдал во владение 700 тыс. дес., Бабаджановым — 390 тыс. дес., своему брату Мендыгерю Букейханову — 400 тыс. дес., бию Балки Кудайбергенову — 300 тыс. дес., султанам Бегалиевым — 200 тыс. дес. и т. д. Во владении 25—30 таких феодалов находилось 85% всей площади ханства⁵⁷. Эти приобретения осуществлялись за счет изъятия земель у казахских шаруа. Наряду с изъятием общинных земель и скота усиливался налоговый и колониальный гнет.

После того как в 1836 г. уральская войсковая канцелярия произвольно отняла земли коренного населения по рекам Большому и Малому Узеню и Камыш-Самарским озерам, вспыхнуло народно-освободительное дви-

⁵⁵ История СССР. Под ред. М. В. Нечкиной. Т. 2. М., 1954, с. 348. К 1828 г. число казахских кибиток возросло здесь до 10 235.

⁵⁶ История Казахской ССР, т. 3, с. 134.

⁵⁷ Там же.

жение под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Восставшие разоряли аулы ненавистой феодальной знати, сжигали дома, которые эта знать построила себе в ханской ставке (Урде), отбирали земли, которые были захвачены у казахских общин. Но четкой программы борьбы у восставших не было.

В 1837 г. народно-освободительное движение приобрело массовый характер. Повстанческие силы насчитывали уже более 3 тыс. вооруженных джигитов-воинов. Вся Внутренняя орда была охвачена волнениями.

В конце 1837 г. Исатай и Махамбет во главе двухтысячного войска двинулись на ханскую ставку. Жангир-хан обратился за помощью к оренбургским властям. С этого момента, т. е. со времени вооруженного вмешательства царских властей в борьбу между феодалами и трудящимися шаруа Букеевского ханства, движение приняло не только антифеодальный, но и антиколониальный характер⁵⁸.

Восстание было жестоко подавлено. Локальность, плохая организация, недостаточная вооруженность, неоднородность классового состава, политическая незрелость повстанческой массы, отсутствие четкой программы действий и, наконец, стихийный характер движения стали причинами его поражения. Но теперь многие участники восстания понимали, что их угнетателями являются царизм и феодальная верхушка.

В 40-х годах XIX в. с юго-востока в казахские кочевья устремились военные отряды Хивинского и Кокандского ханств. Разоренные кибитки, сотни убитых, десятки плененных, высокие налоги — все это побудило казахские роды подняться на борьбу против произвола среднеазиатских ханств. Во главе движения встал популярный батыр Жанходжа Нурмухамедов. Его поддержал комендант Раимского укрепления. В 1848 г. повстанцы разгромили хивинцев в районе Раимского укрепления, а в 1851 г. — кокандцев, освободив казахов от господства кокандского хана⁵⁹. В 1853—1854 гг. произошло вооруженное выступление казахов Младшего жуза под руководством батыра Есета Котибарова⁶⁰ против оренбург-

⁵⁸ См.: Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 68—88.

⁵⁹ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 304.

⁶⁰ Шахматов В. Ф. Есет Котибаров. — Известия Казфилиала АН СССР, серия историческая, 1947, № 2(27), с. 107—108.

ских пограничных властей. Причиной выступления послужило увеличение и без того непосильных налогов. Часть налога выплачивалась верблюдами, что особенно тяжелым бременем ложилось на плечи бедняков. Причем бан, имевшие большие табуны лошадей, отары овец, стада крупного рогатого скота, платили налог наравне с шаруа. «Налог этот для первого нечувствителен, для второго в высшей степени тягостен», — писал один царский чиновник.

После того как летом 1855 г. повстанцы расправились с карателями, направленными против них султаном-правителем средней части Младшего жуза Арсланом Жантюриным и его приближенными, оренбургский генерал-губернатор Перовский выставил против восставших несколько карательных отрядов, в рядах которых находились казахские султаны и старшины, занимавшие крупные должности в губернской канцелярии⁶¹. Особые зверства при осуществлении карательных операций проявляли отряды Кузьминского и Дерышева: «Со времени ветхозаветных войн или монгольских набегов, — писал А. И. Герцен, — ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузьмина (Кузьминского. — Авт.) и майора Дерышева... Этот кровавый эпизод еще ждет описания»⁶².

Движение было подавлено в сентябре 1858 г. Как и предыдущие, оно носило стихийный, локальный характер. В результате шаруа не смогли противостоять объединенным силам царских карателей и феодальной верхушки.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СТАРШЕГО ЖУЗА К РОССИИ

Процесс присоединения Старшего жуза к России начался позднее, чем в Младшем и Среднем жузах. Старший жуз состоял из отдельных султанских владений, руководство которыми осуществляли потомки Аблайхана. Неослабная борьба за власть, за наиболее удобные пастбища делала его неспособным оказывать сопротивление деспотическим восточным государствам. Войска Кокандского ханства не раз нападали на мирные казах-

⁶¹ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР, т. 307; История Казахской ССР, т. 3, с. 179.

⁶² Колокол, 1858, 15 ноября, с. 231.

ские аулы, грабили их, угоняли скот. Под властью кокандского хана оказались города Сайрам, Чимкент, Туркестан, территории до урочища Кармакчи на северо-западе и до р. Или на востоке. Кокандскими войсками была захвачена и территория Северной Киргизии. На казахов и киргизов захваченных районов были наложены непосильные налоги и различного рода повинности. Все это ускорило обращение казахов Старшего жуза к царскому правительству с просьбой о присоединении к России.

Первые просьбы о добровольном вхождении имели место еще в 30-х годах XVIII в. Однако в связи со сложностью международной обстановки и отдаленностью жуза от Русского государства в то время эта попытка не увенчалась успехом⁶³.

В начале XIX в. этот вопрос вновь был поднят. Документально это зафиксировано в 1818 г., когда султан Старшего жуза Сюк Аблайханов с подвластными ему аулами в количестве «55 462 душ обоего пола (имевший 802 359 голов разного скота) по собственному желанию присягнул на подданство России»⁶⁴. Это были уйсуну, кочевавшие в междуречье Или и Каратал⁶⁵. Вслед за Аблайхановым 14 султанов Старшего жуза изъявили желание вступить в российское подданство. С этой целью посольство султанов и биев прибыло в Омск в 1822 г. Западно-сибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич сообщал в МИД об отправлении ответной дипломатической миссии во главе с переводчиком Крайкиным с целью выяснить, «действительно ли желают подведомственные тем султанам бии и киргизы вступить в подданство». В этом же письме он просил МИД удовлетворить просьбу казахского посольства. Ибо включение в состав России казахских родов Старшего жуза принесет несомненную пользу в обеспечении безопасности восточных границ империи.

⁶³ История Казахской ССР, т. 3, с. 37—45.

⁶⁴ Крафт И. Сборник узаконений о киргизских степных областях. Оренбург, 1898, с. 149.

⁶⁵ Проф. Е. Б. Бекмаханов, ссылаясь на фонды Омского государственного архива и Центрального государственного архива Казахской ССР, пишет: «Первыми добровольное подданство приняли роды уйсун, жалайыр и их разветвления, затем роды абдан, суваны, шапрашты, исты, ошакты, конглы и др.» (См.: Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, с. 133).

В ноябре 1822 г. Крайкин принял присягу у султанов и биев жуза, пожелавших быть под российской «протекцией». Под присягой поставили свою печать и родовые тамги 33 султана, бии и родовые старшины. Спустя два года Александр I подписал грамоту о принятии казахов Старшего жуза в состав России и освобождении их «навечно» от воинской повинности⁶⁶.

Уже в первой четверти XIX в. «все главные султаны Большой орды признали над собой владычество России: отдаленные даже роды киргизов сей орды ищут покровительства»⁶⁷.

В целях прекращения феодальных усобиц и устранения угрозы со стороны кокандских феодалов казахи Старшего жуза, добровольно принявшие российское подданство, настаивали на необходимости постройки в их кочевьях военных укреплений и создания городских центров торговли. Так, султан Сюк Аблайханов писал: «Я с подведомственными мне уйсунскими киргизами поступил на верноподданство России и принял присягу, с того самого времени мы, султаны, старшины, бии и все киргизы просим высшее начальство учредить при р. Каратале Окружной приказ, но таковой в настоящее время не построен; если же не учредить такового, то ташкентские владения (кокандские. — Авт.) не дадут нам спокойствия, делая обиды и барымты»⁶⁸.

Учитывая желание коренного населения, Петербургский двор принял ряд мер для прекращения междоусобиц. Летом 1825 г. в кочевья казахов жалайырского и чапраштинского родов, подвластных С. Аблайханову, был отправлен казачий отряд под командованием коменданта Петропавловской крепости подполковника Шубина. В течение года отряд находился в кочевьях казахов и построил здесь временное укрепление. По словам западно-сибирского генерал-губернатора И. Вельяминова, «водворилось было в Большой Орде спокойствие, а султаны всех пяти родов изъявили готовность иметь в пределах своих русские отряды»⁶⁹.

⁶⁶ АВПР, ф. Глав. архив, 1—10, д. 1, л. 2301—2303, 2184, 2251—2300.

⁶⁷ ЦГА КазССР, ф. 81, д. 4, л. 152; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, с. 133.

⁶⁸ Там же, ф. 82, д. 27, л. 4—5; с. 133.

⁶⁹ АВПР, ф. Глав. архив, 1—9, д. 4, л. 1035.

Подобные мероприятия в определенной степени способствовали завершению присоединения Старшего жуза к России. В 1847 г. российское подданство приняли казахи многочисленного рода дулат. В том же году было построено Капальское укрепление, возникли первые казачьи станицы — Сергиопольская, Капальская. В начале 1848 г. для управления населением Семиречья правительство учредило должность пристава Большой орды, подчинив его западно-сибирскому генерал-губернатору.

Между тем значительная часть территории Семиречья все еще была занята Кокандским ханством, оказывавшим упорное сопротивление продвигавшимся в Заилийский край воинским казачьим подразделениям. Только в 1851 г. отряду подполковника Карбышева удалось вытеснить кокандский гарнизон из крепости Таучубек близ Каскелена и разрушить крепость, что в значительной мере облегчило освобождение Заилийского края⁷⁰.

Неприсоединенными к России оставались Северная Киргизия и Чуйская долина. В 1860 г. был предпринят поход под командой полковника Циммермана в Чуйскую долину. Разгром казаками под Узун-Агачем значительных сил кокандского хана создал благоприятные условия для дальнейшего продвижения алауавских казахов в глубь территории. В том же году казаками был взят опорный пункт кокандского хана — Пишпек. В 1863 — 1864 гг. отряд Черняева занял крепости Сузак, Чулак-Курган, Аулие-Ата, Чимкент, а отряд Веревкина — Туркестан⁷¹. Этим, по существу, завершился почти полутора столетний процесс присоединения Казахстана к России. Действующее в Семиречье приставство в 1856 г. было преобразовано в Алауавский округ с центром в укреплении Верном. В округе было введено новое судебно-административное «Положение», согласно которому все важнейшие дела о преступлениях, связанных с грабежом, барымтой и убийством, передавались в ведение колониального суда: «Киргизы Большой орды, совершившие барымту, убийство и грабеж в устроенных округах Средней орды и уличенные на месте преступления, предаются военному суду на основании высочайшего повеления...

---

⁷⁰ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, с. 134.

⁷¹ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, с. 136; История Казахской ССР, т. 3, с. 191.

Правительствующего сената от 16 декабря 1852 года»⁷².

Таким образом, процесс присоединения Казахстана к России, в сущности, представлял собой единый процесс закономерного развития исторически сложившихся русско-казахских связей, который получил законченное выражение с присоединением Старшего жуза.

Политика Русского государства в Казахской степи являлась частью его восточной политики, а присоединение Казахстана — частью общего процесса присоединения национальных окраин к России и создания Российского многонационального государства.

---

⁷² Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв., с. 495.

4

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИИ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ

ВВЕДЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Отмена крепостного права в России создала благоприятные условия для бурного развития капиталистических отношений не только в центре страны, но и на присоединенных окраинах, в частности в Казахстане. Однако существовавшая система управления в значительной степени тормозила развитие производительных сил края. Поэтому во второй половине XIX в. царское правительство провело ряд административных реформ, направленных на создание новой системы управления, сообразной с общими имперскими законами, но с учетом «характера народа, степени его развития», экономических и политических условий¹.

Из нескольких проектов нового административного устройства Казахской степи был выбран проект Степной комиссии². На основании этого проекта были изданы «Временные положения» о степных областях (11 июля 1867 и 21 октября 1868 гг.), согласно которым Казахская степь разделялась на три генерал-губернаторства (Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское). Каждое из них делилось на области (Семипалатинская, Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семиреченская, Сырдарьинская) во главе с военным губернатором, управлявшим через областные правления. Области соответственно состояли из уездов во главе с уездными начальниками и

¹ ЦГА КазССР, ф. 5, оп. 1, д. 1155, л. 1—3, 6, 7.

² Характерно, что эта комиссия, объезжавшая Казахскую степь с целью сбора материала для подготовки проекта новой административной реформы, пользовалась сведениями представителей феодальной верхушки.

волостей во главе с волостными управителями. Каждая волость, насчитывавшая 1000—3000 кибиток, делилась на административные аулы (несколько хозяйственных аулов из 100—200 кибиток).

Ликвидировалась та форма чиновничьей «коллегиальности», которая существовала в прежних окружных приказах. В «Объяснительной записке» к проекту «Положения» сказано: «Коллегиальное устройство неудобно по следующим соображениям: деятельность уездного управления преимущественно полицейская. Для такого рода деятельности главное условие — быстрота распоряжений, а коллегиальное устройство, ослабляя силу и значение местной полицейской власти, по самому духу учреждения, парализует действия управления. Если коллегия вредит полицейским учреждениям в коренных русских провинциях, то тем вреднее будет она в стране с кочевым населением, на преданность которого нельзя вполне надеяться, и где потому действия полицейской власти должны сочетаться особенною энергиею и быстротою»³.

Уездные начальники одновременно осуществляли полицейскую власть на правах уездных исправников центра страны. Кроме того, всем уездным начальникам Туркестанского генерал-губернаторства, Уральской области, двух уездов Тургайской области (Иргизского и Тургайского), а также начальнику Кокпектинского приставства Семипалатинской области было предоставлено право подчинить расположенные в уездах воинские части, учреждения и укрепления. Сохранились существовавшие до реформы полицейские учреждения в Уральске, Омске, Петропавловске и Усть-Каменогорске, а в Акмолинске была учреждена должность полицейского пристава.

Министерство внутренних дел опасалось дробить административные аулы, так как считало, что в степи хозяйственные аулы нередко «зимуют совершенно отдельно» и что «они останутся без всякого полицейского надзора»⁴. Поэтому местные власти стремились административные аульные общества концентрировать в крупные единицы. Учреждались финансовые органы —

³ ЦГА КазССР, ф. 5, л. 1155, л. 33.

⁴ Там же, ф. 544, л. 204, л. 8.

областные казначейства и уездные кассы доходов и расходов, куда вносились собранные средства и производилось финансирование по области и уездам.

Придавая исключительно важное значение налогам и повинностям, правительство тщательно продумывало пути и методы их взимания с коренного населения. Проверка, исчисление и занесение кибиток в шнуровую книгу производились раз в три года. В случае утайки кибиток, согласно ст. 176 «Положения», волостные управители и волостные выборные пятидесятники строго наказывались: с них взыскивался штраф «вдвое против скрытого числа кибиток». «Если утайка будет открыта волостным управлением или кем-либо из волостных выборных, то лица открывшие освобождаются от участия в уплате штрафа». 10% кибиточного сбора и хераджа, а также талипного сбора выделялись на вознаграждение волостных пятидесятников и членов общественного управления.

Согласно «Положению», от налогов и повинностей освобождались бедняки и батраки. На деле же это была простая отписка.

Казахи могли пользоваться «общими правами, предоставленными всем сельским обывателям по их состоянию». Они освобождались от рекрутской повинности, от гербовых пошлин, сохраняли свой внутренний быт «на основании народных обычаев» и т. д. Служащие из коренного населения, а также знатные родоначальники «за усердную и полезную службу» поощрялись: награждались орденами, установленными для «инородцев», т. е. святой Анны второй степени, святого Станислава второй степени, медалями, почетными халатами, подарками и деньгами.

Аульным обществам разрешалось избирать из своей среды, а именно из казахов, не опороченных по суду и не находящихся под следствием, только одного муллу, утверждаемого и увольняемого генерал-губернатором по представлению областного правления. Все духовные дела Казахской степи контролировались Оренбургским духовным собранием и муфтием.

В реформах отражались также вопросы народного образования, медицинского обслуживания населения. В каждом уездном городе намечалось открыть школу «для всех, без различия народностей». Казахским детям

разрешалось поступать в школы в казачьих станицах и переселенческих деревнях с согласия станичных и деревенских обществ «безвозмездно или за умеренную плату».

Предусматривалось в каждом уездном городе открыть медицинский пункт со штатом из одного врача и одной «повивальной бабки» (медсестры) для оказания медицинской помощи «уездному и городскому населению». Общий надзор за уездными врачами и «повивальными бабками» осуществлялся в Туркестанском крае военно-окружным инспектором, а в Оренбургском и Западно-Сибирском краях — областными врачами.

Хотя реформы носили колониальный характер, в целом они способствовали вовлечению Казахстана в общероссийскую экономическую систему. В степь стали проникать и развиваться капиталистические отношения, постепенно разлагались патриархально-феодальные порядки, развивалась культура⁵.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

Реформа 1861 г. совершенно не затронула феодальных аграрных отношений в стране, по-прежнему сохранялись помещичьи, удельные, церковные и другие виды землепользования. «Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободренные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам». «Ни в одной стране в мире, — продолжал В. И. Ленин, — крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России»⁶. Единственный выход из критического положения оно видело в бегстве на национальные окраины и в Сибирь.

С 60-х годов XIX в. началось стихийное переселение крестьян из центральных губерний страны в Сибирь и Казахстан. Поток переселенцев был огромен. Это «поистине какая-то огромная людская река, — писал А. Гле-

⁵ История Казахской ССР, т. 3, с. 225—231.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 140—141.

бов, — устремляющаяся по коренной России в Зауральский горный хребет. Как птицы перелетные, которые с наступлением холодов без удержки тянутся огромными стаями в теплые заморские края, так точно крестьянство, наголодавшееся и обнищавшее на родине, ищет себе простора и достатка в неведомом крае»⁷.

О неисчислимых страданиях крестьян-переселенцев на пути в Казахстан и Сибирь пишет Л. И. Брежнев в своей работе «Целина»: «Ехали в битком набитых товарных вагонах, на арбах и телегах. Тысячи переселенцев умирали в дороге, не выдержав долгого, мучительного пути, голода, болезней. <...>».

Но и благополучно достигшие не тронутых плугом мест оказывались в отчаянном положении. Один на один вступали они в жестокую борьбу с дикой, суровой степью. Ни жилья, ни дорог, ни воды, никакой помощи ниоткуда»⁸. Но трудности не могли остановить крестьянскую бедноту, влекомую «с далекой родины-мачехи заманчивыми слухами о широком земельном раздолье и баснословных урожаях хлебов...»⁹

Переселенческое движение в Казахскую степь нарастало начиная с 70-х годов¹⁰. Оно охватило сначала Акмолинскую, затем Семиреченскую, Семипалатинскую, Уральскую, Тургайскую области. Только за 1885—1893 гг. было изъято из пользования коренного населения в одной Акмолинской области 251 779 дес. земли и образовано 24 переселенческих деревни (10 940 душ мужского пола)¹¹.

После образования Комитета Сибирской железной дороги начался новый этап переселенческого движения. С целью отвлечь крестьянские массы от революции царское правительство издало и распространило брошюру под названием «Сибирское переселение», в которой приукрашивало жизнь переселенцев. Кроме того, местным властям были даны соответствующие директивы о развертывании агитации среди крестьян за переселение.

⁷ Глебов А. Что могут дать переселения крестьянству. Спб., 1907, с. 2.

⁸ Брежнев Л. И. Целина. М., 1979, с. 26.

⁹ Гейер И. Крестьянская колонизация Сырдарьинской области. Ташкент, 1891, с. 1.

¹⁰ Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, с. 24.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, 1893, д. 269, л. 238 об.

Это не замедлило дать желаемые результаты. Продав свои клочки земли или передав их общине, крестьянская беднота центральных губерний страны хлынула в Сибирь и в Казахскую степь. С 1893 по 1896 г. в Акмолинской области русское население увеличилось на 75 тыс. чел., в Тургайской достигло 16 тыс., в Сырдарьинской — 12 тыс., из них 8807 чел. проживало в Аулие-Атинском уезде¹².

К 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей (Акмолинском, Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском, Омском, Павлодарском, Каркаралинском и Усть-Каменогорском) было образовано 43 волости с населением около 150 тыс. чел. В их пользовании находилось почти 1,4 млн. дес. земли. Кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у шаруа более 88 тыс. дес. земли¹³. Огромные площади земель под переселенческие участки отводились в 12 уездах Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей, где специально работала экспедиция под руководством Ф. Щербины.

Переселенческое движение на новые земли с каждым годом нарастало. Если в Тургайскую область в 1898 г. переселилось 232 семьи, то в 1899—731, в 1900—744, а только за вторую половину 1901 г. — 506 семей¹⁴. В Акмолинскую область в 1900—1905 гг. переселялось ежегодно по 11 800 чел. в среднем.

Устройство новоселов было поставлено из рук вон плохо. «Не выдержав непосильных условий существования, крестьяне бежали, возвращались назад в Россию, на Украину и в Белоруссию — навстречу не менее тяжелой судьбе»¹⁵. В период с 1896 по 1905 г. из Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей возвратилось 50 849 переселенцев и 36 118 ходяков.

В Туркестанском крае переселенческое движение началось после утверждения «Положения» 1867—1868 гг.

---

¹² Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 168.

¹³ Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан, с. 29.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 432, л. 14—15.

¹⁵ Брежнев Л. И. Целина, с. 27.

Поселения располагались здесь группами и, как указывается в «Проекте всеподданнейшего отчета по управлению Туркестанским генерал-губернаторством с 1867 по 1881 г.», носили исключительно стратегический характер¹⁶.

В 70-х годах XIX в. крестьянская колонизация охватила также Семиреченскую и Сырдарьинскую области, главным образом Лепсинский, Чимкентский, Ташкентский и Аулие-Атинский уезды. К 1892 г. в Сырдарьинской области насчитывалось 37 поселков с русским населением.

Петербург считал, что переселенческое крестьянство должно получить полное довольствие на местах: в этом случае, рассчитывало правительство, оно будет являться основным проводником царской политики в присоединенных окраинах. Так, в Семиреченской области вновь устраиваемые русские селения располагали таким образом, чтобы «в соединении с казачьими поселениями и городами они могли составить непрерывную по возможности сеть оседлых поселений»¹⁷.

Условия наделения земельными участками в европейской части страны отличались от условий надела на окраинах, в том числе в Казахской степи: если крестьянам-переселенцам в европейской части устанавливались известные земельные ограничения, то на районы переселения эти ограничения не распространялись. «Положение» устанавливало порядок землепользования — общинное или подворное. Это зависело от «приговора» собрания переселенцев-мужчин. При индивидуальном землепользовании каждый хозяин вносил плату самостоятельно.

Важная роль в массовом переселении русского крестьянства в северные районы Казахстана принадлежала Комитету Сибирской железной дороги¹⁸. Кроме строительства дороги на Комитет возлагалось руководство переселением крестьян из центральных губерний и устройством их вдоль железной дороги. С этой целью при Комитете была образована специальная подготовительная комиссия, а также особые межевые партии для заго-

---

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 880, л. 57.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, ф. 1273, д. 1, л. 1, 2, 25, 33.

товления из казенных земель переселенческих участков. Межевые партии Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области должны были в течение ближайших 3—4 лет в 200-верстной полосе вдоль линии транссибирской железной дороги отвести до 11 млн. дес. земли. В трех уездах Акмолинской области — Петропавловском, Кокчетавском и Омском — выделили 2 421 503 дес. лучшей земли, куда предполагалось переселить 160 тыс. крестьян. Всего в этих уездах и в Алтайском горном округе намечалось разместить 700—800 тыс. переселенцев.

Согласно «Временным правилам для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги», утвержденным 13 июня 1893 г., на местах учреждались временные комиссии. Они решали вопрос об изъятии земли под переселенческие и запасные участки, разбирали жалобы и протесты местного населения.

Изъятием земель занимался и западно-сибирский переселенческий отряд, созданный царским правительством еще в 1885 г. Только в 1893 г. он подготовил под переселенческие участки в Семиреченской области 33 тыс. дес., в Акмолинской 280 тыс. дес. земли. Однако изъятые у крестьян Акмолинской области «лишние» земли не отвечали потребностям новоселов. Поэтому уже в 1894—1895 гг. остро встал вопрос о необходимости повсеместного обследования территории Тургайской, Семипалатинской и Акмолинской областей с целью определения количества «лишней» земли и зачисления ее в переселенческий фонд. Необходимость такого обследования подтвердил царь Николай II.

По решению министерства земледелия и государственных имуществ экспедиция под руководством Ф. Щербины обследовала Акмолинскую и Семипалатинскую области, а также два северных уезда Тургайской области — Актюбинский и Кустанайский. С 1896 по 1902 г. она провела естественноисторические и хозяйственно-статистические исследования всех 12 уездов названных областей и исходя из почвенно-географических условий установила нормы землепользования для казахского крестьянства каждого уезда: для Актюбинского — от 123 до 168 дес. на хозяйство, Кустанайского — 120—300, Акмолинского — 168—401, Атбасарского — 168—384, Кокчетав-

ского — 209—360, Усть-Каменогорского — 177, Каркаралинского — 266 дес. земли.

В целом аграрная политика царского самодержавия во второй половине XIX в. была направлена на разрешение аграрного кризиса в Европейской России. Законоположения, разработанные царским правительством, отражали интересы развивающегося российского капитализма, но отнюдь не интересы русского, а тем более казахского крестьянина. Усиление социального гнета способствовало осознанию переселенцами общности своих интересов с интересами казахских трудящихся. Рука об руку шли они в совместной борьбе против царизма и эксплуататорских классов, постепенно росло классовое самосознание переселенческой бедноты и казахских шаруа. В развитии трудовых и социальных связей укреплялась и интернациональная солидарность, усиливался процесс сближения русского и казахского народов.

Русские и украинские крестьяне-переселенцы принесли с собой вековой опыт обработки земли, сенокосения, строительства домов, скотных дворов и т. п., что несомненно оказало влияние на казахское население. В свою очередь, русские переселенцы перенимали навыки ведения орошаемого земледелия и отгонного скотоводства у казахского народа.

Низкое поголовье скота едва обеспечивало прожиточный минимум казахских шаруа. Они не могли оплачивать наем и должны были обходиться без посторонней помощи. Поэтому они объединялись в хозяйственные союзы: близко друг от друга строили постоянное зимнее жилье, сообща пасли скот, землепользование было общинным. Однако сенокосные и пахотные участки не были общими.

Каждое байское хозяйство имело свое кстау. Возле него зимовали некоторые зависимые шаруа, семьи батраков и пастухов. В скотоводческих районах зимовки располагались гораздо реже, причем в защищенных от ветра и буранов участках — ущельях гор, лощинах, сравнительно богатых естественными кормами.

В хозяйственной жизни аула все большее значение стали приобретать кузеу — территории для осенних стоянок, откуда с наступлением холодов перебирались на кстау. Основная масса коренного населения уже имела свои постоянные зимовки с жилыми и хозяйственными

строениями, что играло существенную роль при переходе казахских шаруа к оседлости.

Почти все современники, следившие за ходом экономического и культурного преобразования Казахской степи, отмечали, что такой переход «совершается естественным путем, под влиянием экономических причин, но вместе с тем нельзя отрицать и того, что естественный процесс оседания кочевников можно ускорить путем мероприятий, способствующих без потрясения хозяйственного быта населения переходу его к высшей культуре»¹⁹. Военный губернатор Уральской области подтвердил, что в его области «совершается переход кочевников к оседлому состоянию» именно «под влиянием экономических условий». Наблюдавший за оседанием шаруа Т. Тихонов писал: «Прирост населения, изменения форм земледелия и землепользования, развитие разных форм хозяйства, расширение потребностей, перемены в бытовой обстановке и особенно различные признаки и притом признаки, в свою очередь, меняющиеся, на основании которых можно судить об общих условиях, как способствующих развитию разных форм оседлости, так и задерживающих это развитие». Касаясь далее особенностей развития хозяйства шаруа, автор отмечал, что «внимательное изучение существующих форм киргизского хозяйства, из коих каждая соответствует определенной стадии его развития, позволяет восстановить картину его эволюции и проследить основные причины, управляющие ею... В чем же здесь заключается процесс развития киргизского хозяйства?.. В постепенном падении примитивных, чисто кочевых форм и приближении к формам оседлой жизни. Первым шагом в этом направлении было устройство постоянных зимних жилищ (кстау), вторым — развитие сенокосения, третьим — быть может, самым важным — занятие земледелием. В тесной связи с этим находятся сокращение перекочевок во времени и пространстве, удлинение срока пользования призимовочными пастбищами, более интенсивное содержание скота»²⁰.

Перешедших к оседлому образу жизни шаруа называли жатаками («лежачие»). «Джатак — это пеший, безлошадный или лежачий степняк. Киргиз, лишившийся

---

¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, л. 34—46.

²⁰ Там же.

скота и не имеющий ни возможности, ни надобности кочевать, называется «джатаком». Отсюда все киргизы, как бедные, так равно и богатые, удалившиеся вследствие экономических условий их жизни из степи, проживающие оседло в городах или в селениях, именуются «джатаками»²¹. Среди них имеются люди, живущие в достатке, занимающиеся торговлей, товарным земледелием и скотоводством, а подавляющее большинство жатаков — батраки, бедняки, середняки.

Классовая неоднородность жатаков подтверждалась материалами экспедиции «по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования» в Семиреченской области под руководством П. П. Румянцева: «Оседлое земледельческое хозяйство с крупной запашкой и соответственно этому достаточно обеспеченное скотом, конечно, резко отличается от жатака старого типа, который не кочует потому, что ему незачем да и не на чем кочевать. Джатаки первого рода — это крепкие, прогрессивные хозяйства крестьянского типа; джатаки же второго рода представляют из себя экономически слабый элемент, это самая подлинная киргизская беднота»²², которая, не имея самостоятельных средств к существованию, живет поденной работой и милостью богатых родичей. Таким образом, слово «жатак» утратило свое первоначальное значение (обездоленная беднота). Среди жатаков интенсивно происходило классовое расслоение на баев (кулаков), середняков, бедняков и батраков.

Процесс перехода к оседлости шаруа проходил во всех уголках Казахстана. «Оседание кочевников происходит с каждым годом все интенсивнее не только у нас в Туркестане, но и в соседней Тургайской области, где тоже так называемое кочевое население стало почти полукочевым»²³. Однако шел он сравнительно медленно, так как жатаки составляли незначительный процент населения края.

---

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 84, д. 2, л. 109.

²² Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Верненский уезд. Т. IV. Спб., 1913, с. 205.

²³ И. А. Оседание кочевников и наше законодательство.— Крайна, 1896, № 62.

Одни жатаки занимались промыслом, другие — земледелием. Так, в Кокчетавском уезде Акмолинской области основным занятием жатаков был промысел, а в Атбасарском — земледелие. Такое несоответствие объясняется тем, что Кокчетавский уезд подвергся влиянию российской экономики раньше, чем Атбасарский, так как расположен ближе к крупным городам и промышленным предприятиям Сибири. Но это не значит, что земледелие развивалось в Атбасарском уезде интенсивнее, чем в Кокчетавском, скорее наоборот. В Кокчетавском уезде, например, жатаки были менее обеспечены скотом, поэтому они занимались земледелием и промыслом.

Переходя на оседлость, шаруа обычно образовывали свои селения, но некоторые из них жили в русских селениях и казачьих станицах. Большинство их служило у кулаков и офицерской верхушки, меньшинство занималось земледелием и торговлей. Среди занимавшихся ремеслом преобладали сапожники, шорники, зергеры (ювелиры), кузнецы и плотники.

Кроме жатаков неkochующих были и такие, которые в течение двух-трех летних месяцев кочевали вокруг своих кстау, т. е. окончательно не оторвались от кочевого быта. Большинство таких жатаков продавало свой труд баям. Среди них было много перекупщиков, поденщиков и людей без определенных занятий.

Против перехода шаруа к оседлости выступала феодально-родовая верхушка аула, прикрываясь пережитками патриархально-феодальных отношений и используя свое господствующее положение в ауле. Начавшееся оседание шаруа наносило ей большой экономический ущерб, так как она теряла дешевую рабочую силу. К тому же падал ее политический престиж. Поэтому феодалы прибегали к помощи аткаминеров, биев, аульно-волостной администрации и использовали явное попустительство местных органов царизма.

Шантаж и насилие со стороны феодально-родовой верхушки аула не могли приостановить процесс перехода казахских шаруа к оседлости. Ибо этот процесс явился объективно-прогрессивным последствием присоединения Казахстана к России, вызвавшего проникновение капиталистических и разложение патриархально-феодальных отношений.

Под влиянием российского переселенческого кре-

стьянства к концу XIX в. наблюдается тенденция казахских шаруа к занятию земледелием не только в чисто земледельческих, но и в чисто кочевых районах. Даже в Мангышлакском и Иргизском уездах начали сеять. «Стремление к земледельческому труду под влиянием экономических условий замечается и у киргиз Уральской области»²⁴.

В 1890 г. начальник Николаевского уезда Тургайской области писал: «Киргизы вполне осознали пользу этого предприятия, охотно возделывают и обрабатывают земли, не уступая в этом отношении русским, так что некоторые зажиточные киргизы приобрели даже сенокосные, молотильные, веяльные мельницы, машины и легкие плуги английской системы».

Массовое оседание казахских шаруа происходило после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В процессе хозяйственных связей между казахами и русскими крестьянами развивались дружественные отношения. По данным В. Катаринского и Ф. Щербины, казахские шаруа стремились перенять у русских способы ведения хозяйства, а также знакомились с русским языком, в свою очередь русская молодежь усваивала казахский язык.

В конце XIX в. земледелие в Казахстане развивалось не только в скотоводческо-земледельческой, но и в скотоводческой зоне. Чем полнее было обеспечено хозяйство скотом, тем больше была площадь посева и соответственно больше инвентаря и наемных рабочих. Как правило, баи сочетали товарное земледелие со скотоводством, причем первое постепенно вытесняло второе. Широко применялся труд наемных рабочих. Так, в Актюбинском уезде из 16 703 сеющих хозяйств 9,2% обработку земли производили собственным трудом и средствами, 10% — наемными рабочими, 12,8% — смешанным способом (собственными силами и наемными рабочими) и 9,4% по методу «оплаты за труд, приложенный к чужому хозяйству»²⁵.

Итак, во второй половине XIX в. земледелие в Казахстане получило некоторое развитие. До конца XIX в. в

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 84, д. 6, л. 25—26.

²⁵ Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область. Актюбинский уезд, т. VII. Воронеж, 1903, с. 28, 35, 36, 38.

аулах преобладало поливное земледелие, с конца XIX в. под влиянием переселенческого крестьянства стало развиваться богарное земледелие, в особенности в северных, северо-западных и восточных районах.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ. УСИЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА

Экономика аула развивалась неодинаково: в скотоводческо-земледельческой зоне более интенсивно, чем в скотоводческой.

В скотоводческую зону капиталистические отношения проникали очень медленно и не оказывали заметного влияния на жизнь казахов. Если в скотоводческо-земледельческих районах шло разложение патриархально-феодального быта, то в скотоводческих сохранялись средневековые порядки, нормы обычного права.

В. И. Ленин указывал, что сущность классового расслоения крестьянства в эпоху пореформенной России лежит не в «простой дифференциации». Возражая народникам, он писал, что «... возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством»²⁶. Вследствие такого развития экономики усилилось классовое расслоение и в казахском ауле.

В конце XIX — начале XX в. в казахском ауле существовало два основных антагонистических класса: феодалы (баи) и крестьяне (шаруа). Помимо них в скотоводческо-земледельческой зоне, где развивались капиталистические отношения, зарождались два новых класса — баи (кулаки) и наемное батрачество (сельскохозяйственный пролетариат). Многие баи-кулаки сочетали товарное земледелие и скотоводство с торговлей, устраивая иногда в аулах или на джайляу ярмарки.

Значительно увеличился вывоз сырья и скота из Ка-

---

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 166.

захстана. Оборот ярмарок в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях с 16,7 млн. руб. в 1896 г. возрос до 89 млн. руб. к 1900—1902 гг., т. е. более чем в 5 раз²⁷. Каждое лето только через Сарысуйский уезд из Акмолинского, Каркаралинского и Сарысуйского уездов в центр России перегонялось до 60 тыс. голов крупного рогатого скота и до 200 тыс. баранов.

Вывоз скота и сырья из Казахстана увеличился с введением в эксплуатацию железных дорог. Мясо и скот везли в Москву и Петербург, сало — на свечные и мыловаренные заводы Казани и Москвы, кожи — в Либаву, Ревель и Владимирскую губернию, кишки — в Берлин, Вену и другие города. В Кустанайском и Актюбинском уездах насчитывалось 849 скупщиков и перекупщиков с доходом в 223 тыс. руб. К концу XIX в. в Казахстане насчитывалось около 40 тыс. торговцев²⁸, многие из них были крупными баями, имевшими в среднем по 500 голов скота в переводе на лошадь. Ежегодно возрастало количество купцов²⁹. Так, в 1899—1900 г. в Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области по патенту числилось 257 купцов, из них 171 казах, 3 русских, 2 татарина, остальные узбеки.

В 1905 г. количество купцов удвоилось, почти вдвое увеличилось количество лавок и скупочных пунктов. По количеству оборота купцы делились на четыре разряда: 1-й — с оборотом свыше 500 тыс. руб.; 2-й до 200 тыс. руб.; 3-й — 50 тыс. руб.; 4-й — меньше 50 тыс. руб.

Конечно, один податной инспектор не мог выявить всех купцов уезда, живших не только в далеких аулах, но и в городах. Судя по документам, купцы среднего, а тем более низшего разряда, избегая налогов, скрывали свои годовые доходы. Можно предполагать, что количество купцов и скупщиков превышало число выданных патентов.

Бан, занимавшийся товарным земледелием, скотоводством и торговлей, происходили не только из среды зажиточных шаруа, но и из обуржуазившихся феодалов.

²⁷ Нусупбеков А. К вопросу о формировании казахской буржуазной нации. — Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 170—171.

²⁸ История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 408; История Казахской ССР, т. 3. Алма-Ата, 1979, с. 291—301.

²⁹ ЦГА КазССР, ф. 510, д. 1, л. 1—51; ф. 175, д. 1, л. 1—65.

Таким образом, под влиянием экономики России в казахский аул проникали капиталистические отношения и зарождался новый класс — кулачество, наживавшееся за счет прибавочного труда наемных рабочих. Многие ростовщики-саудагеры превращались в купцов-предпринимателей, концентрировавших в своих руках большую часть предприятий по первичной переработке животноводческого сырья и других продуктов сельского хозяйства. В отдаленных от городов и железных дорог казахских аулах всё еще господствовало ростовщичество. «Необходимой принадлежностью мелких местных рынков, кроме примитивных форм ремесла, — писал В. И. Ленин, — являются также примитивные формы торгового и ростовщического капитала. Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение»³⁰.

Ростовщики торговали промышленными товарами, чаем, сахаром, конфетами, махоркой, меняя их на кожи, козий пух, меха, скот, и получали при этом большие прибыли. «Саудагер обменивал свой товар на домашних животных и их продукты (шерсть, кожу), причем цены их товаров удваиваются, а цена продуктов, предлагаемых киргизами, наполовину уменьшается, не говоря уже об обычных приемах саудагеров, заключающихся в обворывании, обвешивании»³¹.

Ростовщики выполняли также посредническую роль. Они скупали у шаруа скот, продукты животноводства и перепродавали их купцам и скотопромышленникам Центральной России и Поволжья, извлекая при этом значительную выгоду. Часть товаров ростовщики раздавали казахской бедноте с условием возврата продуктами животноводства, мехами, скотом. Это усиливало зависимость шаруа от ростовщиков. Отсюда у казахов пошла поговорка «Саудагер есеппен байиды» (Торговец богатеет расчетом).

Проникновение в экономику Казахстана товарно-де-

---

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 382—383.

³¹ В. О. Из Тургайской области. — Русская жизнь, 1893, № 26.

нежных отношений способствовало повышению товарности сельского хозяйства, разложению патриархально-феодалного быта, росту имущественного неравенства и классовой дифференциации в ауле. Степень классового расслоения в ауле прослеживается по количеству поголовья скота в переводе на лошадь. Самый большой процент бедноты падает на Усть-Каменогорский уезд Семипалатинской области (66,5%). Наибольшее количество середняков было в Омском (21,5%) уезде и наименьшее — в Усть-Каменогорском (3,1%). В целом по этим уездам бедняцкие хозяйства составляли 78,2%, середняцкие — 14,6% и байские — 7,2%. В Перовском уезде бедняцких хозяйств было 68,7%, середняцких — 17,6%, зажиточных — 8,8%, а богатых — 4,9%. Такая же картина наблюдалась в Казалинском уезде.

Классовое расслоение аула прослеживается и по количеству наемных рабочих. Большой процент байских хозяйств, пользовавшихся наемным трудом, наблюдается в Актюбинском уезде (96,2%), Петропавловском (88,7%), Кустанайском (87,8%), т. е. в районах быстрого развития капиталистических отношений. Высоким был процент промысловых хозяйств, отпускающих батраков. Так, в Кокчетавском уезде хозяйства, отпускающие батраков, составляли 72,3%, а Аулие-Атинском — 87,5%. В Семиреченской области таких хозяйств было меньше.

Аульные буржуа (кулаки) действовали капиталистическими и докапиталистическими методами эксплуатации, присваивая себе прибавочный труд батраков и обездоленной бедноты. Как писала газета «Уралец», «грубая, невежественная степная администрация и богач-кулак выжимают последний сок из бедного киргиза, выбрасывая ежегодно на произвол судьбы неимущих пролетариев. Бедного киргиза обирают и волостной управитель, и аульный старшина, и народный судья, и мулла; его эксплуатирует богач, заставляя работать в день по 14—15 часов, а труд его оплачивая грошами; его эксплуатирует торговец, давая в кредит и накладывая на свой товар сказочные проценты; на линии его эксплуатируют так называемые «пикетчики» и поселковые атаманы. А бедный киргиз стонет, жалуется на свою горькую судьбу, но его стоны не доходят до лучшей, прогрессивной части русского общества»³².

³² Уралец, 1905, № 226.

Царские власти, волостные управители, аульные старшины и бии обирали население под разными предложениями. Налоговая политика отличалась высокой нормой отчуждения прибавочного продукта и способствовала массовой пауперизации и экспроприации зависимого населения, социальной дифференциации и дальнейшей поляризации казахского общества³³.

Итак, под влиянием проникавших капиталистических отношений в колониальном ауле происходили экономические сдвиги, разлагался феодально-родовой быт, зарождались и развивались новые классы: аульные буржуа и сельскохозяйственный пролетариат, усиливалась классовая дифференциация. Большинство бедняков (безлошадных, однолошадных) превращалось в пауперов и попадало под власть аульных буржуа и феодалов-баев.

---

³³ Масапов Н. Э. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20—60-х гг. XIX в.: Социально-экономический анализ. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.— Алма-Ата, 1980, с. 23.

5

В ВУЗЫ
ВЕРХНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРИБЛИЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ КАЗАХСТАНА К ОБЩЕРОССИЙСКОМУ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПРОЦЕССУ

К началу XX в. царская Россия являлась узловым пунктом всех противоречий и отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат. Положение трудящихся масс, на плечи которых свалились все ужасы капиталистической эксплуатации, было крайне тяжелым. Вспыхнувший в 1900—1903 гг. экономический кризис еще более ухудшил положение рабочих и крестьян всех национальностей Российской империи. «Сочетание всех видов гнета — помещичьего, капиталистического, национального — с полицейским деспотизмом самодержавия делало положение народных масс невыносимым и придавало классовым противоречиям особенно острый характер. Коренные потребности общественного развития, жизненные интересы рабочих и крестьян настоятельно требовали прежде всего уничтожения господства помещиков, царской монархии. Разрешить эти задачи могла только революция»¹.

В течение нескольких месяцев после 9 января 1905 года «... колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа». В связи с рабочим движением вспыхнуло национально-освободительное движение среди угнетенных народов России². Как в центре, так и на окраинах России ведущая роль в революционной

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973, с. 70.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311, 323.

борьбе трудящихся масс принадлежала русскому пролетариату.

Еще накануне первой русской революции происходили стихийные стачки на экибастузских и карагандинских коях, на строительстве Оренбургско-Ташкентской железной дороги, на Спасском медеплавильном заводе и Успенском руднике. Они революционизировали рабочих и оказывали известное влияние на крестьянские массы. Крестьяне отказывались от уплаты тяжелых налогов и повинностей. Зачастую «беспорядки» в селах и деревнях возглавлялись бывшими солдатами³. В 1903 г. 800 казахских крестьян присоединились к движению строительных рабочих станций Мугоджары и Челкар, протестуя против изъятия пастбищных угодий вдоль Оренбургско-Ташкентской железной дороги, в районе Мугоджарских гор и озера Челкар в пользу оренбургского казачьего войска.

События 9 января 1905 г. вызвали по всей стране, в том числе в Казахстане, волну демонстраций и митингов. Наряду с требованиями улучшения материального положения раздавалось и политическое: свержение самодержавия. По существу, в Казахской степи не было ни одного промышленного предприятия, где бы не раздавался голос протеста. Политические забастовки рабочих на золотых приисках и железнодорожном транспорте, на угольных шахтах и полиметаллических рудниках возглавляли местные большевистские группы, призывавшие рабочих активизировать борьбу против всяких форм эксплуатации.

Правительство усилило репрессии против участников революции. Во всех крупных городах страны, в том числе в Казахстане, были созданы так называемые «черные сотни», которые устраивали массовые избиения рабочих и крестьян, поднявшихся на революционно-освободительную борьбу. Как провокаторы и предатели выступали в Казахстане местные органы помещичьих и буржуазных партий: «Союз 17 октября» (октябристы) — партии крупной буржуазии, Конституционно-демократической партии (кадетов) — партии либеральной буржуазии, — возникших в октябрьские дни 1905 г. Их главная задача состояла в упрочении «русской государственности

---

³ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 488, л. 12.

на началах самодержавной власти»⁴. По существу, они помогали черносотенному «Союзу русского народа», полиции и жандармам в подавлении революционных выступлений рабочих и крестьян⁵.

Угрозами и репрессиями царские власти не смогли приостановить движение народных масс. Во второй половине октября и в ноябре 1905 г. выступления трудящихся повсеместно нарастали. Проходили демонстрации под лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика и 8-часовой рабочий день!». В течение 16—19 октября революционное движение охватило довольно обширный район Оренбургско-Ташкентской железной дороги, от Кинеля до Ташкента, Рязано-Уральской железной дороги, от Саратова до Уральска включительно⁶. Демонстрации проходили в Оренбурге, Перовске, Казалинске, Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Омске. Волнением были охвачены и воинские части, расположенные на территории Туркестанского генерал-губернаторства, в том числе и в Казахской степи. Отдельные вспышки волнений крестьян произошли на территории Семиреченской, Тургайской, Сырдарьинской, Акмолинской областей⁷.

В ноябре 1905 г. в центральных и западных губерниях страны волна выступлений трудящихся нарастала с небывалой быстротой. Ширились революционные события и в Казахской степи. Они выразились в выступлениях рабочих горной и обрабатывающей промышленности, солдат, почтово-телеграфных рабочих и служащих, различных мелкобуржуазных слоев, рабочих полиграфической промышленности, учащейся молодежи. Постепенно развивалось революционно-освободительное аграрное движение национального крестьянства⁸.

⁴ Устав Всероссийского национального союза. — Новое время, 1908, № 11577, 6 июня.

⁵ Касымбаев Ж. К. Влияние социально-политических факторов на пробуждение классового сознания трудового населения и революционная борьба в городах Восточного Казахстана (1900—1907). — В кн.: Проблемы истории русско-казахских взаимосвязей в XVIII — начале XX века. Алма-Ата, 1980, с. 75.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 102, ДП, ОО, оп. 233, д. 2555, л. 164; Уралец, 1905, 25 октября.

⁷ Русский Туркестан, 1905, № 232, 237; Семипалатинский листок, 1905, л. 233; Новая жизнь, 1905, № 11; ЦГА КазССР, ф. 44, д. 5088, л. 4—6; ф. 149, д. 167, л. 1.

⁸ ЦГА КазССР, ф. 56, д. 16, л. 63; ф. 61, д. 25, л. 79—80; ф. 380,

После разгрома революции по всей стране начался жесточайший полицейский террор. Карали без всякой пощады. В подавлении революции в Казахстане царским властям всяческую помощь оказывали местные националисты. Тем не менее в 1906—1907 гг. революционные события в Казахстане не ослабевали. В целом же революционное движение в восточных национальных окраинах Российской империи, в том числе в Казахстане, развивалось гораздо слабее, чем в европейской части. Сказались удаленность от промышленных центров страны, еще слабое развитие промышленности и малочисленность промышленного пролетариата. Возникшие в городах группы и кружки РСДРП непосредственно не смогли развернуть революционную работу в ауле. Бедняцкие и середняцкие слои казахских шаруа оставались отсталыми, забитыми. Захват огромного пространства общинных земель крупными баями-скотовладельцами нередко прикрывался патриархально-родовыми обычаями.

И все же первая русская революция разбудила от векового сна забитые трудовые массы казахского крестьянства и подняла их на революционно-освободительную борьбу. Чем грубее и жестче проявлялась колонизаторская политика царизма, усиливался жандармско-полицейский террор, тем упорнее было сопротивление этой политике на местах, тем заметнее движение казахских шаруа принимало интернациональное содержание, сливаясь с революционно-освободительной борьбой рабочего класса и крестьянства всей страны⁹.

Обострение классовой борьбы в начале XX в. активизировало процесс переселения в Казахстан крестьян из центральных губерний. Преследуя цель дальнейшего освоения территории Казахстана, царизм одобрял переселенческое движение. Экспроприация земель казахских шаруа происходила под видом изъятия их «излишков» в пользу «переселенческого фонда». «Переселенческий фонд, — писал В. И. Ленин, — образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение

д. 1, л. 201; ф. 77, д. 16, л. 14; ф. 44, д. 4854, л. 14—16; д. 5088, л. 4—6; ф. 64, д. 484, л. 41—42; Омский облгосархив, ф. 270, оп. 1, д. 115, л. 474; Семипалатинский листок, 1905, № 263; ЦГА УзССР, ф. 1.

⁹ История Коммунистической партии Советского Союза, с. 109.

из России производится во славу все того же националистического принципа „руссификации окраин“»¹⁰.

Прежние нормы землепользования у казахских шаруа были изменены в сторону еще большего их сокращения. Таким образом, с 1906 по 1912 г. в крае было образовано 8739 участков и отмежевано в переселенческий фонд 17 432 007 дес. земли.

Тем не менее революционное движение 1905—1907 гг. вынудило царизм несколько видоизменить тактику в аграрном вопросе вообще, в переселенческом в особенности. Царское правительство стремилось приспособить развитие сельского хозяйства к интересам буржуазии, приобретя тем самым опору в ее лице. В этих целях 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. были изданы аграрные законы, по которым крестьянам разрешалось выйти из общины, стать собственником своего надела и образовать хутора или отруба. Полностью сохранялось помещичье землевладение. Это была вторая (после реформы 1861 г.) и последняя, как указывал В. И. Ленин, попытка открыть клапан для того, чтобы сохранить диктатуру помещиков, в союзе с крупной буржуазией ударить по надвигающейся новой революции. Путем переселения избыточного населения из центра страны на окраины, в том числе в Казахстан, царское правительство рассчитывало разрядить недовольство крестьян внутри страны.

В областях Казахстана, «по отношению к коим еще не установлено правил для окончательного земельного устройства коренного населения, земельные участки отводятся переселенцам в постоянное (бессрочное) пользование»¹¹. На юге Казахстана орошаемые земли «отводятся переселенцам в подворно-участковое пользование». Землеотводные партии получили неограниченные полномочия на выселение шаруа, переселение на их земли крестьян и безвозмездную передачу им ирригационных сооружений коренного населения.

По данным Наркомзема КАССР, к 1917 г. в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, Уральской областях и Букеевском ханстве было изъято 40 647 765 дес. земель и пастбищ, из них казачьими войсками (уральскими, сибирскими, оренбургскими) — 18 106 676 дес., под

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 330.

¹¹ Землеустройство, вып. V. Спб., 1914, с. 312, 315, 317, 349, 359—360.

переселенческие участки — 16 237 830 дес., под лесные дачи, казенно-оброчные статьи, помещичьи имения, монастырские участки и др. — 5 871 562 дес., для городов и полос отчуждения железной дороги — 421 697 дес.¹² То же происходило в Семиречье, Сырдарьинской области. Казахские шаруа сгонялись в пустынные и полупустынные районы.

В 1907 г. по сравнению с 1906 г. поток переселенцев в Акмолинскую, Уральскую, Тургайскую, Семипалатинскую области увеличился почти вдвое. Переселенческое движение продолжалось по 1913 г.¹³

Несмотря на реакционные цели царского правительства при проведении переселенческой политики, переселение крестьян в Казахстан по своим социально-экономическим последствиям объективно имело прогрессивное значение. Оно ускорило рост производительных сил края, способствовало развитию земледелия и оседлости, сближению русских и казахских трудящихся.

Вместе с тем переселенческая политика царизма привела к обострению аграрных противоречий в Казахстане, способствовала обезземеливанию и разорению трудящихся казахских масс и ухудшила и без того тяжелое положение беднейшего казахского населения¹⁴.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КАЗАХСТАН

К концу XIX — началу XX столетия «сложилась система горстки (5—6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма...»¹⁵. Почти полностью завершился экономический и политический раздел мира. В итоге 55% площади земного шара, где проживало 35% населения мира, было опутано петлей колонизации. Одновременно с полным политическим и

¹² ЦГА КазССР, ф. 326, оп. 6, д. 49, л. 6; *Дахиллейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1965; Очерки истории СССР. 1907 — март 1917. М., 1954, с. 102.*

¹³ *Очерки истории СССР. 1907 — март 1917, с. 102; Тресвятский А. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Пгд., 1917, с. 87—88.*

¹⁴ *История Казахской ССР, т. 3, с. 410—412.*

¹⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 40.*

экономическим господством в колониальных странах империализм держал в кабале ряд слабо развитых стран (примерно 12% территории и 25% населения земного шара). Правительства всех держав, одержимые жаждой получения сверхвысоких прибылей, все делали для того, чтобы иметь доступ к источникам сырья, рынкам сбыта. Напряженные отношения между ведущими империалистическими державами неизбежно вели к усилению классовых и национальных противоречий, всеобщему росту рабочего движения в Европе и активизации национально-освободительной борьбы в странах Востока.

Две могущественные группировки империалистических держав выступили друг против друга — Антанта (Англия, Франция, Россия и их союзники) и Австро-Германский блок (Германия, Австро-Венгрия, Турция и их сателлиты).

Царская Россия вступила в войну неподготовленной, с низким военно-промышленным потенциалом. На российских военных заводах не производилось зенитных орудий, авиационных моторов, минометов, бомбометов, недостаточно выпускалось винтовок и патронов к ним, взрывчатых веществ. К началу первой мировой войны Россия, по существу, оказалась без сырья, необходимого для изготовления взрывчатки, снарядов и патронов. Промышленность и сельское хозяйство не справлялись с задачей обеспечения фронта боеприпасами, продуктами питания. Совершенно неудовлетворительной была организация резервов царской армии. Государственный аппарат погряз в бюрократизме, казнокрадстве, коррупции, расточительстве. Это приводило к тому, что, несмотря на массовый героизм, стойкость и самоотверженность солдат, царская армия терпела поражения.

Не хватало рабочей силы в важнейших отраслях экономики. Наступил кризис железнодорожного транспорта, металлургии, топлива. Была парализована деятельность промышленных предприятий, лихорадило сельское хозяйство. Началась хозяйственная разруха.

Война, уносившая миллионы человеческих жизней, принесла неисчислимые страдания, голод, холод, эпидемии русскому и нерусским народам национальных окраин царской России. Казахский народ находился в тяжелом и бесправном положении. Даже самый мелкий чиновник местной администрации чувствовал себя здесь

полновластным хозяином. Это порождало ненависть не только к царизму, но и к казахским баям-феодалам, которые действовали рука об руку с царскими слугами. С каждой кибитки взимался военный налог, были увеличены земские, дорожные и другие сборы, а также поборы волостных управителей.

Война поглотила огромное количество материальных ценностей. По неполным данным за три года войны только из Туркестанского края было вывезено: хлопка — около 21 тыс. пудов, мяса — 300 тыс., хлопкового масла — 109 тыс., рыбы — 474 тыс., мыла — 229 тыс., клещевины — 50 тыс. пудов, лошадей — 70 тыс., верблюдов — 12,7 тыс. голов, кошм — 38 тыс. кв. аршин, юрт — 13 441. Из Семиречья в 1914 г. вывезено скота и продуктов животноводства на 34 млн. руб. На десятки миллионов рублей было собрано «добровольных пожертвований» — скота, мяса, сала, хлеба, шерсти, кож, кошм и даже юрт. По данным генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина, в 1915 г. только из Сырдарьинской и Семиреченской областей в соответствии с «добровольными жертвованиями» было вывезено свыше одного миллиона овец¹⁶.

Развал промышленности и упадок сельского хозяйства в стране существенно отразились на экономике казахстанских генерал-губернаторств. Катастрофически падало сельскохозяйственное производство, сокращались посевные площади. Если в 1915 г. в Туркестанском крае было собрано 20 518 пудов хлопка, то в 1916 г. — 14 900, а в 1917 г. — только 7 845 пудов. В Уральской области площадь посевов на казахских землях уменьшилась в 1915 г. по сравнению с 1914 г. на 14%, а количество скота у казахского населения области в 1917 г. по сравнению с 1913 г. — с 2206 до 391 тыс. голов. За период с 1913 по 1915 г. у казахского населения Тургайской области площадь посевов уменьшилась почти на 57 тыс. дес., а количество скота — на 260 тыс. голов. Усилились произвол и насилие царских чиновников и байства, взяточничество и казнокрадство.

Резко ухудшилось положение трудящихся в городах. Реальная заработная плата рабочих систематически снижалась, а цены на продукты и предметы первой необходимости непрерывно росли. Только с января 1916 по

¹⁶ Красный архив, 1929, т. 34, с. 64.

январь 1917 г. цена пшеничной муки в Акмолинской и Семипалатинской областях выросла в 1,5 раза, мяса — 2 раза¹⁷.

Баснословные цены на продукты питания и товары массового потребления вели к резкому недовольству народных масс. Во многих городах и населенных пунктах края, как и в целом по стране, прокатилась волна забастовок и стачек. Наряду с экономическими рабочие предъявляли политические требования. Крестьяне захватывали пашни и пастбища, угоняли байский скот. В 1914—1915 гг. забастовками были охвачены шахты Караганды и Экибастуза. Их поддержали рабочие Оренбургско-Ташкентской и транссибирской железнодорожных магистралей. Случаи массового неповиновения наблюдались на рудниках Риддера, Джекказгана, Успенска, на Спасском и Карсакпайском медеплавильных заводах и других предприятиях Казахстана. По всей стране росло недовольство войной и политикой царского правительства. Назревание революционного кризиса в центре России остро ощущали на национальных окраинах, в том числе в Казахстане. Под руководством большевистской партии в 1916 г. в стране бастовало свыше миллиона рабочих, т. е. вдвое больше, чем в 1915 г. Участились и приняли широкий размах солдатские выступления. В движение пришли и угнетенные нации. В середине 1916 г. вспыхнуло восстание в Средней Азии и Казахстане, охватившее миллионы людей¹⁸. Россия была накануне революционного взрыва.

Социал-демократические организации Омска, Петропавловска, Уральска, Акмолинска и других городов края, находившиеся на нелегальном положении, несли в массы великую правду ленинских идей о необходимости свержения антинародного режима. По Казахской степи распространялись листовки на казахском языке под названием «Письмо русского рабочего казахам (киргизам)-беднякам», в которых разъяснялись причины войны, кому от нее беда, а кому польза и почему казахские баи и байские слуги — националистические интеллигенты поддерживают войну. Намечались и организовывались первые опорные пункты по распространению среди трудя-

¹⁷ История Казахской ССР, т. 3, с. 437, 438.

¹⁸ История Коммунистической партии Советского Союза, с. 181, 182.

щихся казахов большевистского слова о войне и задачах борьбы с царским самодержавием.

Казахские трудящиеся на собственном опыте убеждались в правдивости большевистской оценки империалистической войны. И когда царское правительство решило прибегнуть к «реквизиции» на тыловые работы «инородцев», ранее не служивших в армии, они, как и трудящиеся других народов Средней Азии, поднялись на вооруженную борьбу.

В ряде городов на железнодорожных станциях, в аулах, русских селах жены фронтовиков и раненые солдаты требовали хлеба, возвращения с фронта мужей. Военный губернатор Тургайской области сообщал в Петербург, что в двух поселках Кустанайского уезда «на почве дороговизны на предметы первой необходимости произошли народные волнения, произведенные по преимуществу солдатками». В конце 1916 г. в Семипалатинске произошли крупные беспорядки с разграблением нескольких магазинов и оказанием полного противодействия властям. Казахские шаруа отказывались от уплаты налогов и так называемых «добровольных пожертвований».

Борьба трудящихся Казахстана за свое социальное и национальное освобождение вливалась в общий поток революционного движения в стране.

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Научную оценку исторической роли национально-освободительных движений дали классики марксизма-ленинизма. Они различают прогрессивные и реакционные национальные движения. «...Марксист вполне признает историческую законность национальных движений, — указывал В. И. Ленин. — Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях...»¹⁹. Чтобы судить о прогрессивности или реакционности того или иного национального движения, следует учитывать, в какой степени сильны в нем тенденции социального освобождения эксплуатируемых масс, в какой степени у них проявля-

---

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 131—132.

ется борьба со своими угнетателями (в условиях дореволюционного Казахстана — с баями, полуфеодалами и другими эксплуататорскими группами), служат ли они прогрессивному или реакционному строю, чьи интересы защищают, за какую историческую перспективу борются.

Классики марксизма-ленинизма учат, что национальный вопрос не является обособленным и самодовлеющим, тем более в условиях империализма. Партия большевиков во главе с В. И. Лениным решительно и последовательно требовала предоставления поработенным народам полного освобождения от ига империализма, указывая при этом на необходимость и неизбежность союза угнетенных классов различных национальностей в интересах общей освободительной борьбы. «Для Восточной Европы и Азии, в эпоху начавшихся буржуазно-демократических революций, в эпоху пробуждения и обострения национальных движений, в эпоху возникновения самостоятельных пролетарских партий, задача этих партий в национальной политике должна быть двусторонняя: признание права на самоопределение за всеми нациями, ибо буржуазно-демократическое преобразование еще не закончено, ибо рабочая демократия последовательно, серьезно и искренне, не по-либеральному, не по-кокошкински, отстаивает равноправие наций, — и теснейший неразрывный союз классово-борьбы пролетариев всех наций данного государства, на все и всяческие перипетии его истории, при всех и всяческих переделках буржуазией границ отдельных государств»²⁰.

Обобщая опыт героической борьбы русского рабочего класса в период буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин определил его генеральную линию в борьбе за освобождение угнетенных и поработенных народов России от ига царизма и эксплуататорских классов. «Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

---

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 298—299.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить *своих* целей, не может расчистить себе пути к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками»²¹.

В. И. Ленин призывал большевистскую партию, всех сознательных рабочих воспитывать народы России в духе пролетарского интернационализма, в духе доверия и взаимного уважения, в духе классового союза поработанных масс. Пролетариат и его большевистская партия должны всячески поддерживать национальные движения угнетенных народов окраин России, ибо «отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться националистическим предрассудкам...»²². Таким образом, учат классики марксизма-ленинизма, в интересах пролетариата поддерживать прогрессивные национальные движения.

Развивающееся в Казахстане в начале XX в. национально-освободительное движение явилось составной частью освободительной борьбы русского пролетариата и крестьянства против общего врага — царизма. Такие движения на окраинах России в начале XX в., в том числе в Казахстане, русский пролетариат поддерживал, с тем чтобы, как советовал Маркс английским рабочим, «дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах *своей* свободы»²³.

Восстание 1916 г. в Казахстане началось в условиях нараставшего в России революционного кризиса и охватило огромную территорию с различными способами ведения хозяйства, с различной степенью классовой дифференциации населения.

Поводом к восстанию явился указ царя от 25 июня 1916 г.²⁴ о «реквизиции» «инородческого» населения Терской и Кубанской областей, Закавказья, Средней Азии, Казахстана и Сибири для создания «оборонительных сооружений» в районах действующей армии²⁴. Основной

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 276.

²² Там же, с. 302.

²³ Там же, с. 306.

²⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства, отдел 1, № 182, 6 июля 1916 г., 1747; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 140; Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1977, с. 73—74.

движущей силой явились широкие слои национального крестьянства.

Заинтересованная в сохранении средневековых методов эксплуатации масс, феодально-байская верхушка неоднократно обращалась к военным губернаторам с просьбой направить войска для подавления восстания, а ее представители, разъезжая по аулам, убеждали шаруа прекратить волнения и подчиниться указу о привлечении к военным работам²⁵.

В процессе развертывания национально-освободительной борьбы произошла расстановка классовых сил в казахском ауле. Феодально-родовая верхушка и поддерживающая ее реакционная интеллигенция заявили о своем отрицательном отношении к повстанческому движению и поддержке царского указа о мобилизации джигитов на тыловые работы. Их поддерживало мусульманское духовенство²⁶. «Приказ царя — истина и ему возражений быть не может... Поэтому приказ царя... не можем не выполнить»²⁷. Стремясь отвлечь от себя недовольство и озлобление масс, они разжигали межнациональную и межродовую борьбу, в результате чего в ряде мест движение носило реакционный, националистический характер. Так было в восточной части Пишпекского уезда, большинстве волостей Пржевальского уезда, в самой южной части Джаркентского уезда, в некоторых районах Семипалатинской, Акмолинской и Уральской областей. Однако обманутая часть казахского населения не испытывала неприязни к русским трудящимся и участвовала в реакционных выступлениях с большой неохотой, иногда под угрозой применения силы. Более того, в разгар войны казахи помогали русскому населению в уборке урожая. Они понимали, что по царскому правительству и установленным им порядкам нельзя судить о русском народе.

В докладах военного губернатора Сырдарьинской области А. С. Галкина командующему войсками Туркестанского военного округа М. Р. Ерофееву неоднократно обращалось внимание на нецелесообразность специальной обороны русских поселков в связи с отсут-

---

²⁵ История Казахской ССР, т. 3, с. 443.

²⁶ Там же, с. 444.

²⁷ Казах, 1916, 8 июля.

ствием враждебных намерений со стороны восставших по отношению к русским трудящимся.

В то же время эксплуатируемые массы из числа русского населения сочувствовали восставшим. «В селе Казанско-Богородском, — доносил верненский полицмейстер военному губернатору Семиреченской области Фольбауму 13 июля 1916 г., — крестьяне Иван Долматов и Дормидон Федосов... возбуждали толпу киргиз к тому, чтобы последние не давали составлять список призываемых туземцев»²⁸. Известны факты, когда русские крестьяне-бедняки в знак протеста против царского произвола переходили на сторону восставших или оказывали им помощь.

В Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областях вооруженные повстанческие отряды расправлялись с представителями «туземной» администрации, уничтожали имущество феодально-байской верхушки, волостных управителей, вступали в столкновение с полицией и царскими войсками, отбирали и уничтожали поименные списки молодежи призывного возраста. В ряде случаев восставшие убивали волостных управителей, аульных старшин, «почетных» аксакалов и других должностных лиц, уничтожали долговые расписки и векселя, документы на продажу земли, налоговые раскладки.

Ряды восставших пополнили рабочие-казахи Риддерского горнопромышленного общества, Карсакпая, Спасского завода, Успенского и Джекказганского рудников, карагандинских копей²⁹. Бедняки-казахи, работавшие у скотопромышленников по найму, в кулацких хозяйствах массами уходили в повстанческие отряды³⁰.

Чтобы парализовать это движение, 20 июня 1916 г. царь «высочайше повелел» отсрочить призыв джигитов «до сбора урожая текущего года», а затем продлил его до 15 сентября 1916 г.³¹ Однако остановить все возрас-

²⁸ ЦГА КазССР, ф. Семиреченское областное правление, оп. 1, д. 16926, л. 16.

²⁹ ЦГА КазССР, ф. 17, д. 5, л. 112; ф. 362, оп. 1, д. 9596, л. 2.

³⁰ Там же, ф. 369, оп. 1, д. 12237а, л. 3; ф. 44, отд. 1, ст. 2, д. 169, л. 68.

³¹ ЦГА УзССР, Канцелярия туркестанского генерал-губернатора, д. 1202, л. 5; Канцелярия степного генерал-губернатора, д. 1303а, л. 257. Исключение составляла Семиреченская область, где «реквизиция инородцев» была отложена «до полного успокоения» (См.:

тавшее национально-освободительное движение путем переговоров и увещеваний было уже совершенно невозможно. Восстание становилось серьезным политическим и революционным фактом.

Царский административный аппарат и феодально-клерикальная верхушка больше не могли скрывать от трудящихся масс развитие революционного движения во всей России, во главе которого стояла ленинская партия большевиков.

Казахская демократическая интеллигенция встала на сторону народа. Она разоблачала предательскую сущность баев, вдохновляла народ на освободительную борьбу под лозунгом «Вместе с русским народом против русского царя!» Во многих районах представители казахской демократической интеллигенции руководили повстанческими отрядами: В Тургайских степях — большевик Алиби Джангильдин и Амангельды Иманов, в Уральской области и Букеевской орде — Сейткали Мендешев и Абдрахман Айтиев, на Мангышлаке — Жалау Мынбаев, в Актюбинских степях — Альджан Магаджанов и Баймен Алманов, в Акмолинских степях — Адильбек Майкотов, Сакен Сейфуллин, в Семиречье — Токаш Бокин, Бекбулат Ашкеев, Сят Ниязбеков, в Сырдарьинской области — Турар Рыскулов.

Народы Средней Азии и Казахстана боролись не против русского народа, как это пишут зарубежные фальсификаторы истории. Они поднялись на борьбу во имя свободы, против царизма, империалистической буржуазии и их прислужников — феодально-патриархальной верхушки, против грабительской войны, за землю, за равные с другими народами России политические права. Русский рабочий класс получил такого серьезного союзника, как поработанные массы национальных окраин.

Движение развивалось стихийно, одновременно и в различных регионах, не было централизованного руководства. Отсутствовало пролетарское руководство. Несмотря на это, движение сыграло существенную роль в революционизировании широких слоев трудового народа. Оно выдвинуло своих руководителей, раскрыло перед казахскими шаруа истинное лицо феодально-родовой

верхушки и ее интеллигенции, усилило классовую борьбу в ауле и послужило примером для дальнейшей борьбы за свободу.

Опыт восстания учил казахских шаруа, что только под руководством великого русского народа, в союзе с ним и другими поработченными народами царской империи можно добиться национального и социального освобождения.

Восстание помогло казахским шаруа понять подлинную суть политики Временного буржуазного правительства, по существу, продолжавшего колониальную политику царизма в Казахстане. И после свержения самодержавия царские карательные отряды продолжали свирепствовать в Казахской степи, а военно-полевые суды выносили суровые приговоры повстанцам. Мобилизованных царским правительством джигитов все еще не отпускали. Временное правительство даже пыталось провести новую мобилизацию коренного населения. Каждый шаг комиссаров Временного правительства активно поддерживала феодально-байская верхушка. Местные органы Временного правительства при поддержке феодально-родовой аристократии безуспешно пытались обезоружить повстанцев в Тургайских и Атбасарских степях, в районе Улутауских гор, в Семиречье и Балхаше.

Борьба казахских трудящихся после свержения царизма была направлена своим острием против политики Временного буржуазного правительства, не разрешившего ни национального, ни аграрного вопроса. Национально-освободительное движение казахского народа периода первой мировой войны влилось в общий поток освободительной борьбы в России и сыграло свою положительную роль в свержении царизма, а именно явилось одним из резервов социалистического движения пролетариата. «Ибо думать,— писал Ленин,— что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения неосознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего... национального и т. п. гнета,— думать так значит *отрекаться от социальной революции*»³². История революционного движения в России в

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 54.

целом и в Казахстане в частности — яркое тому подтверждение.

В докладе, посвященном 50-летию республики и Коммунистической партии Казахстана, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана товарищ Д. А. Кунаев сказал, что в Казахстане рабочее движение с первых шагов носило интернациональный характер, а национально-освободительное восстание казахского народа в 1916 г. сомкнулось с социалистической революцией³³.

События, происходившие на фронтах первой мировой войны и в тылу, являлись наглядным свидетельством того, что самодержавие все больше теряло почву под ногами, страна переживала новый революционный кризис и неуклонно шла к новой революции. Царь и его клика в ходе войны завели страну в тупик, выход из которого феодально-байская верхушка видела лишь в усилении репрессий, создании кровавой диктатуры, что до предела обострило и без того накаленную обстановку, вызвав ненависть и озлобление к существующему режиму эксплуатированных классов. Таким образом, война ускорила события, создала революционную ситуацию: «Этим всеильным „режиссером“, — писал В. И. Ленин, — этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война»³⁴. Именно в период войны в России наиболее остро проявились все противоречия, присущие империализму. В России не были разрешены задачи буржуазно-демократической революции, прежде всего в аграрном вопросе.

В это время против революции возникло два заговора: царский двор для своего спасения искал каналы сближения с Германией с целью заключения сепаратного мира. Параллельно с этим царь готовил роспуск Государственной думы и устранение силой лидеров «прогрессивного» блока. Тогда буржуазная «оппозиция» стала выдавать себя чуть ли не за противников царизма, стремясь тем самым отвлечь массы от революционного движения; план буржуазии состоял в том, чтобы с помощью стран Антанты, в первую очередь Англии и Франции, совершить дворцовый переворот, сменить царя двенадцатилетним Алексеем. Регентом при малолетнем царе дол-

³³ Кунаев Д. А. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 116.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 13.

жен был стать брат Николая II Михаил Александрович, имевший тесные связи с русскими империалистами. По мнению участников заговора, смещение царя должно было способствовать продолжению войны «до победного конца» и упрочению позиций буржуазии.

Однако партия большевиков, готовившая народные массы к свержению самодержавия, опередила заговорщиков. 27 февраля 1917 г. в Петрограде победила буржуазно-демократическая революция, рабочие и революционные солдаты Петрограда под руководством большевиков свергли ненавистный царизм. Образовалось двоевластие; одновременно с органами буржуазного Временного правительства (областные и уездные комиссары, так называемые исполнительные комитеты и т. п.) во главе с бывшими царскими чиновниками, эсерами, меньшевиками и буржуазными националистами были образованы Советы рабочих и солдатских депутатов — органы новой народной власти, органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Двоевластие, по образному определению В. И. Ленина, выражало собой «переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до „чистой“ диктатуры пролетариата и крестьянства»³⁵.

Трудящиеся массы Казахского края с большим воодушевлением и радостью встретили весть о низложении ненавистного для всех народов России царя. Повсеместно от власти отстраняли царских чиновников, разоружали местную полицию, выбирали местные революционные комитеты. В большинстве городов Казахстана были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов с объединенными исполнительными комитетами. Трудящиеся массы постепенно стали убеждаться, что Временное правительство не даст им свободы и сделает все возможное для того, чтобы удержать массы в повиновении, не дать им проявить свою инициативу³⁶.

Революционная борьба трудящихся масс всей страны, в том числе и Казахстана, вступала в новый этап, этап борьбы за победу социалистической революции,

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 155.

³⁶ Сулейменов Б. С., Басин В. Я., Маликов Ф. М. Казахстан накануне и в период победы Великого Октября. — В кн.: Великий Октябрь в Казахстане. Алма-Ата, 1977, с. 19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

История развития русско-казахских отношений имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение для понимания политики Русского государства в Казахской степи и эволюции политического строя Казахстана со времени начала его присоединения до полного включения в состав России.

С начала 30-х годов XVIII в. заметно усиливается стремление Казахстана к упрочению связей с Россией. К этому его толкают опасность со стороны агрессивных соседей: Джунгарии, а затем Китая, а также постоянные междоусобицы, тормозившие социально-экономическое развитие края. Был выбран единственно верный путь — принятие подданства могущественного северо-западного соседа, Русского государства. После присоединения к России внешняя агрессия против Казахской степи практически прекратилась. Были созданы условия и для постепенного исчезновения междоусобиц.

И Россия была заинтересована в упрочении отношений с Казахстаном. Если в XVI—XVII вв. Русское государство в своих интересах к Казахстану исходило, глав-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

ным образом, из возможности его использования в качестве перевалочной базы в монопольной торговле шелком с Западной Европой, то в петровскую эпоху такая цель тоже ставилась, только осуществление ее расчленилось на несколько последовательных этапов и сопровождалось рядом подготовительных действий. При этом все подчинялось созданию благоприятных условий для свободной торговли с Востоком.

Таким образом, вырисовывается взаимное, обоюдное выгодное сближение. Разумеется, взаимоотношения России и Казахстана нельзя рассматривать как абсолютно равноправные. Казахские владетели, безусловно, понимали, что присоединение ограничит их самостоятельность. Решение войти в контакт с ней с определенной утратой независимости, но с компенсацией в виде военной и экономической поддержки пришло позже, когда перед казахским народом возникла опасность быть покоренным Джунгарией, Цинской империей и др.

Присоединение Казахстана к России — это длительный и сложный процесс, изобиловавший как взлетами, так и падениями. Когда мы говорим о сложности и противоречивости этого процесса, надо прежде всего иметь в виду, что к социальному гнету прибавилось жесточайшее национальное угнетение.

Однако добровольное присоединение Казахстана к России явилось знаменательным событием в истории казахского народа и имело огромное прогрессивное значение. «Более 200 лет назад казахский народ связал свою судьбу с Россией. Наша чистая, как родниковая вода, и крепкая, как гранит, дружба, проверенная временем и суровыми испытаниями, нерушима»². Русский народ, его экономика и культура, а впоследствии русский пролетариат с его революционными традициями оказали решающее влияние на судьбы казахского народа, который после Великого Октября стал на широкий путь политического, экономического и культурного развития, создания подлинно суверенного государства, вошедшего в добровольный Союз Советских Социалистических Республик.

Присоединение Казахстана к России сыграло решающую роль в национальном и социальном возрождении

---

² Кунаев Д. А. В единой семье братских народов. Алма-Ата, 1971, с. 47.

казахского народа. Не случайно классики марксизма, хотя и клеймили грязь и мерзость царской администрации, вместе с тем высоко ценили действительно прогрессивную роль России по отношению к Востоку. 23 мая 1851 г. Энгельс в письме к Марксу писал: «...господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»³. В частности, создание русских почтовых линий через Казахскую степь является примером их созидательного труда, свидетельствует о прогрессивном значении России в деле цивилизации народов Востока.

Русско-казахские отношения рассматриваемого периода — это синтез гнета и прогресса, борьбы и сотрудничества. Реакционное противостоит прогрессивному, прогрессивное — реакционному как непримиримый антагонизм вплоть до его разрешения в период Великого Октября. В этом подлинная объективная истина.

О значении присоединения Казахстана к России с трибуны XXVI съезда КПСС и XV съезда Компартии Казахстана говорил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана тов. Д. А. Кунаев: «...все, чем гордится казахский народ, 250 лет назад добровольно соединивший свою судьбу с Россией, пришло с Советской властью, с идеями и людьми партии Ленина, с великим братством народов, которому мы были верны в любых испытаниях и впредь будем верны беспредельно»⁴.

---

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

⁴ «Правда», 1981, 25 февраля.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Документы и материалы)

Инструкция имп. Елизаветы начальнику Оренбургской комиссии И. Неплюеву о взаимоотношениях с ханом Среднего жуза Абулмаметом

1742 г., июня 23

Божиею милостью мы, Елисавет первая императрица и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр. нашему тайному советнику Неплюеву.

Были здесь в приезде по отпуске генерала-лейтенанта Соймонова киргис-кайсацкой Средней орды Абулмамет хана посланцы — Айтым батыр с товарищи, а с какими представлениями и прошениями, о том известие имеется в Канцелярии оренбургской комиссии, какова и отправлена с ними к Абулмамет хану наша грамота, с оной для вашего известия копии при сем. А на прошении его во всемилостивейшую нашу резолюцию сим вам объявляется: 1-е, о строении для оного Абулмамет хана нового города от времени до времени подавать вам надежду, так же как и на прошение Абулхаир хана в особливом указе нашем к вам писано; 2-е, о содержании оного Абулмамет хана с подданными нашими волжскими калмыки в миру иметь вам старание по силе прежде отправленных о том наших указов, и для того сноситься о том почаству с тайным советником и астраханским губернатором Татищевым; 3-е, елико ж принадлежит до прошения оного Абулмамет хана о даче ему при нынешней его нужде хлеба, сие предаем на ваше рассмотрение. Также буде вы при отпуске тех его посланцов запотребно разсудите и еще что к нему, хану, послать с ними или при нашем с ним свидании, что дать от нас в жалованье, и в том вам поступать по тамошнему усмотрению и по прежним примерам, ибо всех тамошних обращений здесь знать и что по оным чинить, того всего предписать невозможно.

Дан в Москве июня 23-го дня 1742 г. по е. и. в. указу.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742 г., д. 5, л. 41—41 об. Отпуск.

Письмо хана Среднего жуза Абулмамета начальнику Оренбургской комиссии И. Неплюеву о принятии присяги на подданство.

1742 г., ноября 12

Высокопревосходительному господину тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву от меня, Абулмамет хана, нижай-

ший поклон. Покорно прошу не сомневаться, что я для свидания к вашему пр-ву не приехал, того ради что прилучились калмыцкие посланцы. Токмо русских и каракалпацких посланцев проводить обещался Абулхаир хан, а калмыцких я проводил и требовал брата своего Аблая салтана и затем отправил сына своего родного, в чем прошу не погневаться ж. А мы в службе к е. и. в. находимся всегда в верности и в том приняли присягу, для того и ваших посланцев отправили обратно, понеже за отлучением нашим к кочевьям от вас стали далеко, но точно поехали к зимовью на урочище Каракум и, ежели соизволит всемогущий бог, в предбудущую весну обо всем будем с вами говорить.

При сем же отправил переводчика Уразина с Сарымбет батыром аргунского роду.

На подлинном татарском письме ево, Абулмамет хана, чернильная печать.

Переводил толмач **Усман Арасланов.**
Секретарь **Петр Рычков**

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742 г., д. 4, л. 213—213 об. Перевод.

Донесение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева в Коллегию иностранных дел о принятии султаном Баракком подданства России.

1742 г., ноября 19

Из особеннаго моего доношения Гос. колл. ин. дел изволит усмотреть, коим образом между киргиз-кайсацкими салтанами первой и сильнейший Барак салтан, никогда у присяги еще не бывший (хотя многое в том старание было чинено), чрез посыланных к нему переводчика Уразина и Оренбургского драгунского полку вахмистра Лихачева в подданстве и верности е. и. в. присягал и с письмом своим для отправления ко двору е. и. в. посланца своего Сарымбет батыра прислал, котораго я с помянутым вахмистром на сих днях в Гос. колл. ин. дел на ямских подводах и отправлю. Ибо хотя здесь и не бывало такого примеру, чтоб от салтанов ко двору е. и. в. особенных посланцев посылать, а посылались токмо ханские, однако по знати и силе онаго Барак салтана в киргиз-кайсацких ордах и что около его придерживающихся людей не меньше того, как бы и при самих ханах, но еще и больши при нынешних обстоятельствах и запотребно признал для пользы е. и. в. высочайших интересов, чтобы онаго ево посланца отправить, ибо он, Барак, по своему высокомерию в тамошнем народе почел бы себе за обиду. Впрочем, что в том до моего уразумения принадлежит, то Гос. колл. ин. дел. покорнейше доношу, яко по тамошним обстоятельствам и усмотрению нужно, дабы ево, Барак салтана, для утверждения в верности пожаловать грамотою так, как Абулхаиру и Абулмамету ханам чрез недавно бывших у двора е. и. в. посланцов их учинено, в которой обнадеживать ево высочайшею е. и. в. милостию и притом по их обычаю к вящему ево, Барак салтана, удовольствию во знак высочайшей е. и. в. милости наградить саблю рублев во сто с надписанием, что она ему пожалована, и в грамоте о ней упомянуть, чем он, яко весьма надобно

и амбициозной человек, может быть доволен. А впрочем, ежели соизволено будет в генеральных терминах сослаться на меня, что при свидании со мною высочайшую к нему милость е. и. в. показать повелено, как то и необходимо нужно есть, чтоб при первом с ним свидании милостию е. и. в. ево удовольствовать против того, как оно и всегда, по учинении присяг, киргис-кайсацким владетелям чинено, и онаго ево посланца с тою грамотою повелено, хотя я и в Исегской провинции буду (куда в будущем генваре ехать уповаю), чрез Казань на почте ко мне отправить, дабы я, по получаемым между тем из той орды или от майора Миллера ведомостям, мог по тому свиданию мосму с ним, или как окрестности востребуют, меры принять. О вышепомянутом же вахмистре Лихачеве покорнейше прошу милостивно разсмотреть и за ево многия труды, в близость между киргис-кайсаками понесенные, где он более года был с великою нуждою по их обычаю бес хлеба пребывание свое препровождал, наградить прапорщичьим чином, яко и впредь для таких же посылок он потребен, ибо татарскому языку доволен, а в Гос. военную колл. для того я об нем не представлял, понеже там ево службы неизвестны.

Иван Неплюев

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742 г., д. 4, л. 241—242 об. Отпуск.

Грамота имп. Елизаветы о награждении именной саблей султана Среднего жуза Барака.

1743 г., марта 24

Божиею милостию мы, Елисавет первая, императрица и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр.

Нашего и. в. подданному киргис-кайсацкой Средней орды Барак салтану с старшинами наша императорская милость.

Нам, великой государыне, нашему и. в., тайной наш советник Иван Неплюев доносил, что ты с старшинами и протчими подвластными своими в верном подданстве нам учинили присягу, которую ты и в листу своем, сюда к нам присланном, подтвердил, обещаясь в том подданстве нам, великой государыне, содержать себя всегда непременно, и с тем со всеижайшем твоим наше и. в. возшествием на всероссийский наш императорский родительский престол поздравлением прислал ты к нашему императорскому двору посланца своего Сарымбета. И мы, великая государыня, наше и. в., твою к нам верную подданность и присылку с поздравлением приемлем милостиво, и во знак того всемилостивейше указали мы послать к тебе саблю оправную с золотою надписью, также и вышереченной посланец твой Сарымбет допущен был пред наше и. в., причем и от уст наших о нашей императорской к тебе милости слышать удостоился. А впрочем, нашу императорскую милость вяще тебе изъяснить и оказать может вышепомянутый наш тайный советник Неплюев, который о старательстве по прошениям и требованиям подданных наших киргис-кайсацких ханов, также и твоим, и указ наш имеет, и о чем он к тебе указом нашим писать или при персональном свидании словесно говорить будет, тому тебе совершенно верить и во всем по его наставлению поступать и исполнять, за что и вещь нашу императорскую милостию обнадежен быть можешь.

Вышеописанный твой посланец Сарымбет в бытность его здесь и в дорогу кормовыми удовольствован и особливим нашим жалованьем награжден и с сим нашим императорским указом отпущен к тебе по-прежнему.

Дан в С.-Петербурге марта 24 дня 1743 г.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743 г., д. 8, л. 3—4. Отпуск.

Письмо начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Абулхаир-хану о мерах, принятых для защиты казахского населения от набегов джунгарских феодалов.

1743 г., июня 29

Ея императорского величества киргиз-кайсацкой Меньшой орды верноподданному и высокопочтенному Абулхаир хану.

В прошлом 1742-м г. из разных моих писем, к вам, высокопочтенному хану, отправленных, неизвестно вам, для чего и с каким представлением послан был от меня к зюнгорскому владельцу Галдан Чирину майор Миллер, о чем ныне, не распространяя сие, такмо вам, высокопочтенному хану, сообщая, что оный майор и с бывшими при нем людьми в нынешнем месяце возвратился сюда благополучно.

И хотя он в Ургу Галдан Чирина посетить не мог затем, что на все калмыцкие улусы напала оспа, которой калмыки, как то и вам известно, подобно моровому поветрию, боятся и в то время сообщеня с людьми опасаются и не имеют. Однако, быв у главного калмыцкого владельца Манжи, на письма мои привез ко мне ответ по приказу Галдан Чирина. Содержание того ответа в том состоит, что зюнгорской владетель напредь сего, яко вы, высокопочтенный хан, с Меньшей киргиз-кайсацкою ордою, также и Абулмамет хан Среднюю ордою в подданстве е. и. в. состоите, был неизвестен, прежние его поступки, до нас происходившие, в неведении того чинены. А он с е. и. в. всемилостивейшею государынею всегда в добром соседственном покое состоит и притом приносит жалобу, что киргиз-кайсаки наиредь сего улусы ево весьма разоряли и, дабы унять, чрез что-де всякая спокойность между вами и ими утвердится, что и словами владельца Манджи, у которого майор Миллер был, подтверждено и дозволено изяснено, в каком владетель ево Галдан Чирин остался разсуждени. И тако, ныне весьма не уповательно, что уже оной Галдан Чирин кое-либо принял намерение к нападению на подданных е. и. в. орды и вас, высокопочтенного хана, ибо уже неведением о подданстве отговариваться не возможет. А притом и сие ведаючи, что подданные е. и. в. без защещения не останутся и, разоря их, высочайшей е. и. в. склонности лишится и гнев е. и. в. на себя подвигнуть может. Майор Миллер, возвращаясь сюда, слышал, что по отъезде ево ис калмык брат Абулмамет хана Аблай салтан и з бывшими при нем и сыне оного прошлой осени к нему, Галдан Чирину, от него посланной в их улусы, отпущен. Почему вы, по вящему разуму, можете разсудить, в каких мнениях нашолся оной владелец, когда услышал и увидел с стороны е. и. в. старание за е. и. в. верных подданных, и какое действо возымело одно вышепомянутого майора

Миллера отправление. Он, конечно, не возможет ныне вам ни единого изнурения показать, ежели токмо киргис-кайсацкий народ к стороне ево никаких неприятельских движений в противность указом е. и. в. не учинит, что вам, высокопочтенному хану, и наблюдать должно. А затем всем стеречься ныне того наипаче, чтобы под видом какого-либо ласкания с той стороны вам и всему вашему киргис-кайсацкому народу чего-либо вредительного не приключилось, ибо как видно, что других способов там ныне не осталось, как разве употреблять лукавство и, как притравую, рыбу или зверя ловить. Но покой и благополучие народное состоит в должном послушании своим великим государем, а на одних мнениях основываться опасно худых следствий, что вы довольно разсудить можете. Того ради с сим монм дружеским листом нарочно до нас высокопочтенного хана отправил, чтоб уведомиться, подлинно ли и кем брат ево, Аблай салтан, также и сын оного к вам возвращены, и что у вас от стороны зюнгорской известно есть, и о протчем до вашей пользы касающемся, ибо чрез всю прошедшую зиму и нынешней весной от вас, высокопочтенного хана, ни одного известия не получал. А понеже вышеописанные дела совершенного и скорейшаго окончания весьма требуют и мне о том особливом е. и. в. высочайшим указом, недавно присланным, подтверждено, чтоб как возможно нанеся вам, во удовольствие ваше верноподанных е. и. в. оные дела окончатъ, того ради как для сих, так и для протчих к вашему и народному благополучию касающихся дел прошу приехать ко мне купно с почтенными вашими детьми и з Батырем, салтанами и з лутшими вашими старшинами в Оренбург августа к первому числу, где вам высочайшая е. и. в. милость показана быть имеет, и все, что к вашей и народной пользе принадлежит, обще разсуждать будем и все ваши дела ко всегдашнему благополучному покою установить почтуса. Чего для с сим посланного с вашим дружеским на сие ответом, не удержав, отправить прошу, е. и. в. кавалер и Оренбургской комиссии главный командир.

Подлинное за подписанием тайного советника и кавалера Неплюева.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1743 г., д. 3, л. 41—42. Копия.

Донесение оренбургского генерал-губернатора И. Неплюева в Коллегию иностранных дел о предотвращении набегов джунгарских феодалов.

1744 г., октября 13

От 4 числа сентября в покорнейшем донесении в Гос. колл. ин. дел здешнее мнение отчасти означено, какие здесь ко отвращению известных от зюнгарского владельца Галдан Чирина к сибирской стороне противных намерений за сходные меры признаны. На что от Прав. сената милостивая апробация воспоследствовала. Из оного Гос. колл. ин. дел изволила усмотреть, что между другими способами, в случае зюнгорской противности и неприятельства, за весьма полезное признано, ежели б возможно было киргис-кайсацкий народ против зюнгорцев возбудить, яко они смежно с ними кочуют и сами такого же состояния, как зюнгорцы, следовательно, легкими своими

набегами со всех сторон и войско, и улусы зюнгорские обеспокоивать и раззорять толь способнее могут, яко российских регулярных и нерегулярных людей в дальние степные поиски употреблять не без труда. А понеже киргис-кайсацкий народ, как то и Гос. колл. ин. дел не безызвестно есть, в подданство российское приведен посыланым туда бригаиром Тевкелевым, наиболее через то, что он, Тевкелев, с ними единовенной и о нравах их совершенно сведомой и поныне у всех киргис-кайсацких владельцев имя ево, а особливо у Абулхаир хана, в немалом почтении содержится, как то помянутой хан и в письмах своих неоднократно писывал, прося, чтоб ево, Тевкелева, паки сюда определить, он же и ситуацию всех тамошних мест знает. И тако, по слабейшему мнению, ежели б надобность позвала предписанное киргис-кайсакам возбуждение учинить, то оное так в желаемой успех и в действо произведено быть не может, как посылкою для того онаго бригаира Тевкелева, яко другаго, то столь способнаго и искуснаго человека изобрести невозможно. Сие мое слабейшее мнение на тот случай Гос. колл. ин. дел покорнейше приношу, когда б часто помянутой зюнгорской владелец явным неприятелем декларовался. Но как онаго Тевкелева отправить, то есть прямо ль в орду с грамотами от е. и. в. к киргис-кайсацким владельцам, декларовав зюнгорскаго неприятелем и чтоб они против его по своей присяжной должности собравшись, оружейно или поступали как с неприятелем, или ево, Тевкелева, благовременно для того прислать и в крайней к ним Орской крепости быть определить. А особливо не соизволится ль от самого от него, Тевкелева, взять о всем том мнение и отправить его из Москвы. Сие все состоит в рассмотрении Гос. колл. ин. дел, о чем я и в Прав. сенат доносил же. Ибо хотя о Абулмамет хане и Барак салтане и ненадежно и, яко дети их у зюнгорскаго владельца, также и об Абулхаир хане неведомо, как он поступит, однако и то б немалая интересам е. и. в. польза была, чтоб их столько удержать, дабы они к зюнгорской стороне не пристали и от себя шалости не учинили. Особливо ж по здешнему слабейше мнится, что Абулхаир хана можно и тем побуждать, ежели он в том службу свою действительно окажет, то верность свою столько засвидетельствует, что впредь не только ево сын, но и никто требован не будет. А других не соизволено ль будет обнадеживать награждением и, смотря по их поступкам, оное производить, и ежели заблагодарасудится онаго Тевкелева употребить, то не соизволено ль будет, как вышеупомянуто, в Гос. колл. ин. дел ево мнения возтребовать, яко по здешнему, кроме ево, такова человека способнаго не признается, а он ныне в Уфе или в Казане.

У подлинного пишет тако: **Иван Неплюев**, ассессор **Петр Рычков**

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1744—1745 г., д. 8, л. 1—2 об. Копия.

Письмо оренбургского генерал-губернатора И. Неплюева тархану Джаныбеку с благодарностью за верную службу.

1746 г., мая 30

Всепресветлейшая, державнейшая великия государыни императрицы Елизавет Петровны, самодержицы всероссийския и пр., и пр., и пр.

Е. и. в. киргиз-кайсацкой Средней орды верноподданному и почтенному Джаныбек тархану.

Ваше письмо через Федора Найденова я получил, из которого ваши не только добрыя намерения, но и хвалы достойные поступки усмотрел, а особливо, что вы по усердию вашему к службам к и. в. в Большую орду ездили для взыскания за разграбленной караван. И хотя сей ваш труд по объявленным мне от Найденова тамошним состоянием остался бесплоден, однако ж ревность ваша хвалима, которую со временем и при удобном случае можете в действо произвести, а между тем ныне надобно вам всеми мерами трудиться, чтоб в нынешнем годе в небытность вашу в орде происшедшие от киргиз-кайсака немалые и указом е. и. в. весьма противные поступки, о коих я с Лапиным до вас писал (и ныне копию прилагаю), как можно скоряя собранием и возвращением поправить и народ в спокойствие утвердить, ибо хотя то не моем ведомстве, а в Астраханской губернии сделалось, но люди и интерес е. и. в. везде один и ровен; к тому ж я должен о спокойствии кайсацкого народа попечение иметь.

Следственно, и такие худые дела для вашего всенародного покоя чрез вас же самих поправлять, и понеже вы паче протчих можете разсудить, сколь вредительны такие дела, то я особливо и больше всех надеюсь на вас, что вы неусыпно будете трудиться, дабы все то скоряя поправить и киргиз-кайсацкого народа спокойствие возобновить и лучше прежнего утвердить.

Что же касается до торгу, для которого вы людей своих сюда отправлять намерены, оное весьма изрядно, а здесь российских купцов и товаров довольно. Извольте всему народу объявить и уверить их, чтоб без всякого сомнения приезжали и торговали, вы знаете уже здешнюю обычность и справедливость, что за плутов и воров, хотя что и в моей команде случилось, добрым людям обиды не бывало и не будет и обманом ничего не делается, сие дело, також и безопасное препровождение едущих и желающих сюда азиатских купцов, яко-то: хивинцов, бухарцов, кашкарцов и протчих, — на вас полагав, ибо купечество есть довольство и польза общенародная.

Следственно, оное ваше старание будет в угодность е. и. в. и вменится вам в службу.

Ходжаахмет солтан от двора е. и. в. по прошению ханскому и ево с надлежащим удовольствием отправлен и в Казань прибыл благополучно, а к хану и ко всему киргиз-кайсацкому народу о нем и о протчем от е. и. в. послана особливая всемилостивейшая грамота, с которою отправлен старшина Юлумбет, а я от себя отправил с ним известного всем переводчика Араслана Бекметева, чтоб чрез него хану, вам и всему народу оказуемые от е. и. в. высочайшие милости толь внятнее изъяснить и представить все то, в чем е. и. в. всемилостивейшее повеление и прямое вашего народа благополучие состоит.

Итак, уповаю, что вы, известясь о сем, не оставите для выслушания оной высочайшей и ко всему народу отправленной грамоты, сами к помянутому хану ехать и, будучи у него, ваши разсудительные представления ему и всему народу учинить. дабы по тому е. и. в. высочайшему и всемилостивейшему повелению непременно было исполнено, а при том произойдет, о том от вас особливого уведомления буду ожидать.

За всем тем весьма б хорошо и нынешним летом с вами мне повидаться, ибо всяких писем и посылок о народных делах при свидании говорить и рассуждать сходнее; чего ради не разсудите ль вы, основав в орде добрый порядок, чтобы народ спокойно пребывал и купечество продолжалось ко мне с переводчиком Арасланом или купцами вашими прехать; причем я за вашу верность и службы не оставлю вам учинить и знаки е. и. в. высочайшей милости, в которой вы пребываете. А ныне в знак моей дружбы посылаю к вам сукно на кафтан да лисицу на шапку и есмь наивсегда с моим особливым к вам доброжелательством е. и. в. тайный советник кавалер и Оренбургской губернии губернатор.

Подлинная за подписанием и печатью реченного тайного советника и кавалера Неплюева.

Ассессор Петр Рычков

Р. С. По письму вашему для ваших письменных дел чернилицу медную, две кожи да десять бумаги при сем посылаю, а ясаул Каиб Хасен абыз и Кутыр батыр с надлежащим удовольствием, також и бывшие здесь для торгу люди ваши, изторговавшисъ, отпущены.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1746 г., д. 3, л. 15—16. Копия.

Грамота имп. Елизаветы султану Бараку.

1746 г., октября 22

Божиею милостию мы, Елисавет первая императрица и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр.

Нашего и. в. подданому киргиз-кайсацкой Средней орды Барак солтану с старшинами наша императорская милость.

Нам, великой государыне, нашему и. в. тайный советник и кавалер и оренбургский губернатор Иван Неплюев всеподданнейше доносил, яко ты по своей к нам, великой государыне, всеподданнейшей должности, от нас всемилостивейше определенному по нас наследником нашей империи, любезному племяннику нашему, его императорскому высочеству государю, великому князю Петру Феодоровичу присягу чинил о разпространении при Оренбурге купечества старание прилагаешь, от тебя ж для поздравления тем высокопомянутого племянника нашего, его императорского высочества, прислан сюда нарочной посланец Искандер солтан с старшинами.

И мы, великая государыня, наше и. в. твою к нам верную подданность и присылку с поздравлением приемлем милостиво и обнадеживаем тебя нашу императорскую высочайшею милостию, и во знак того вышереченной посланец твой Искандер солтан пред наше и. в. допущен и с сим нашим императорским указом отпущен к тебе возвратно, и всемилостивейше указали мы нашему тайному советнику и губернатору Неплюеву отправить к тебе нашего жалованья и притом о нашей императорской к тебе милости и вяще изъяснить повелели.

Напротиву же того мы, великая государыня, уповаем, что ты по своей к нам должности и впредь к нашему и. в. всегда будешь содержать себя в постоянной верности и во всем том поступать по письмам и словесным объявлениям тайного советника и губернатора Неплюева, также и о распространении при Оренбурге купечества, вящего твоего старания прилагать не приминешь, ибо сие все принад-

лежит ко общей пользе киргис-кайсацких народов, за что по нашей императорской к тебе милости твердую надежду иметь можешь. А вышписанной твоей посланец Искандер солтан и с старшиною в бытность их здесь и в дороге кормовыми удовольствованы и особливым нашим жалованьем награждены.

Дан в С.-Петербурге, октября 22 дня 1746 г.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745—1746 гг., д. 9, л. 61—62. Отпуск.

Письмо оренбургского генерал-губернатора И. Неплюева тархану Джаныбеку.

1747 г., мая 23

Е. и. в. киргис-кайсацкой Средней орды верноподданному и почтенному Джаныбеку тархану.

Ваше, почтенному тархана, письмо чрез Мансура я исправно получил. Из оного весьма приятно было мне видеть о вашем и народа вашего благосостоянии, и что вы купно з Букенбаем батырем стараетесь народ свой в спокойстве содержать и лехкомысленных людей от плутовских поступок, которыми всегда общей народной ваш покой раздрается, воздерживать, також и караваны купческие провождать, в чем я на вас и надежду имею, ведая, что вашим здравым разсуждением довольно можете понять, яко от того и спокойство и благополучие всего киргис-кайсацкого народа происходит, и вы, так как е. и. в. верной раб, по вашей дознанной мне верности, всегда о том простирается и оной пользе споспешествовать не преминете. Что же до происходящего здесь торгу принадлежит, то я о сем не разпростираю, ибо люди ваши, бывшие здесь, донести вам оное не оставят; впрочем, ежели вас и Букенбая батыря время и здоровье допустят здесь самим побывать, то мне свидание с вами не иначе, как весьма приятно быть имеет; к Абулхаир хану ж послал с письмом моим нарочного, дабы осведомиться о его пребывании и о тамошних состояниях и об отпуске Араслана и казака, а как они возвратятся, тогда к нему и к вам о всем буду обстоятельно писать со обретающимися здесь киргисцами, бывшими в Астрахане; причем и калмыцкого посланца, здесь же пребывающего, отправить к вам могу. Итак, вам и всем надлежащем сообща, благонадежен пребываю, что вы по верности своей и все то употребить, что ко исполнению е. и. в. высочайших повелений служить имеет, не оставите.

Я же остаюсь во ожидании с вами свидания с моим доброжеланием, е. и. в. тайный советник, кавалер и Оренбургской губернии губернатор.

Подлинное за подписанием и печатью помянутого тайного советника и кавалера **Неплюева**.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1747 г., д. 3, л. 139—139 об. Копия.

Письмо оренбургского генерал-губернатора И. Неплюева султану Бараку.

1747 г., июня 2

Е. и. в. киргис-кайсацкой Средней орды верноподданному и почтенному Барак салтану.

Ваши, почтенного салтана, письма, також и кибитку чрез брата нашего Искандер салтана я получил. Из оных ваших почтенных писем весьма приятно было мне усмотреть о вашей к е. и. в. верности и о всех ваших благоповедениях, в которых вы с начала вашего подданства непоколебимо и твердо пребываете. Я же, зная и видя толь доброе и честное ваше состояние, всегда новья и лутшие способы нахожу о достоинствах и верности вашей ко всемилостивейшей и великой нашей монархине всеподданнейше доносить и нашму благополучию, також и пользе народной споспешествовать, яко же и ныне о всем том, что вы ко мне писали и на словах от брата вашего, також и от моего посыланного к вам человека известился, донести не премину.

Почтенный салтан, вы можете совершенную и всегда несумнительную надежду иметь, что при такой от вас продолжаемой верности и при толь ваших и народа вашего добросостоятельных поведениях высочайшая е. и. в. милость всегда будет от вас и от вашей фамилии неотъемлема, чим я вас, почтенного салтана, как своего приятеля, уверяю.

За кибитку особливо вас благодарствую и почитаю то за ваше ко мне благодеяние, с моей же стороны посылаю к вам з братом вашим лошадь моего седла, желаю, чтобы она была вам угодна и служила в знак между нами дружбы.

О Бахтыбаевом сыне Девлетбае брат ваш Искандер салтан обстоятельно не мог мне сказать, где и у кого он находится, а сказывал, что знает про него больше Гузьяхмет салтан, чего ради я буду к нему писать и как известие получу, где и у кого ево сыскивать надлежит, то мое старание о сыску ево приложу и обнадеживаю вас, ежели сыщется и не принял он христианской веры, то как-нибудь ево достану и до вас, почтенного салтана, отправлю. А о киргисце ж Мухамете послал указ, чтобы ево сюда прислали, и ежели он здесь быть не похочет, то в орду к вам отпущен будет, ибо я слышал, что в Башкирии имеет жену и детей и живет своим домом.

Что до Рысмухаметя надлежит, которого с тремя товарищи значили вы к двору е. и. в., то понеже за чем они посланы, не знаю; по тем же письмам, которые вы мне прислали, також и по разговорам з братом вашим, по окрестностям, я не усмотрел достойной материи, с чим бы их ко двору е. и. в. ныне отправлять, яко к таким знатым отправлениям надобно всегда иметь знатную оказию или уже такую крайнюю нужность, что здесь без особливого и имянного от е. и. в. указа исполнить невозможно. Того ради по совету з братом вашим Искандер салтаном ту их посылку, предостерегая вашу честь и пользу, разсудили ныне отменить и тех ваших людей при сем моем дружеском отправить к вам обратно. Ибо я, как выше упомянул, о всем, что до вашей верности и пользы принадлежит, чрез моего нарочного засвидетельствовать и стараться не преминул; между тем, желая вам благополучия, остаюсь с моим всегдашним к вам доброжеланием.

Е. и. в. тайный советник, кавалер и Оренбургской губернии губернатор.

Подлинное за подписанием и печатью реченного тайного советника и кавалера **Неплюева**.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1747 г., д. 3, л. 199 об.—200 об.

Письма султана Барака оренбургскому генерал-губернатору И. Неплюеву.

1747 г., июня 27

В 1-м. Высокородному и высокопревосходительному над стами тысячами российского войска командиру, генералу, приятелю моему желаю премножество лет здравствовать вам, приятелю моему, каждое письмо посылаю, а все в одной силе, ибо бог един есть, пророк праведен, и я всегда в одном своем слове состою. На сем обманчивом свете каких людей нет, токмо в одном своем слове не стоят, надеюсь и обо мне сомневаются, когда я такоже чинить буду, то как богу, так и всемилостивейшей государыне угодно быть не может и вам, господину генералу, приятелю моему, не покажется, но ежели бог поможет, то я по состоянию дедов и отцов наших на одном слове утверждаться намерение имею, которое б детям моим и всей фамилии нашей впредь служить могло, також и всемилостивейшей государыне служить и о киргис-кайсацком народе попечение иметь буду, за что и на оном свете добро получить уповаю; всего мусульманского закона старья и младья и все убогие люди у единого бога просят, дабы господь бог даровал всемилостивейшей государыне щастия и здравия, яко Александру царю Македонскому; при здравии всемилостивейшей государыни, також Барак салтана и господина генерала спокойное житье себе получили, о чем и бога молят, и сия добрая слава даже до представления света незабвенно продолжаться могут. Слава богу, брат мой Искандер салтан с товарищи благополучно прибыли, что видя киргис-кайсацкий народ весьма радовались; причем я е. и. в. жалованье чрез брата моего и Матвея получил, а ныне до услуг ваших паки Искандер салтана с кибиткою послал, чтоб он, привезя оную, вам вручил, а ко двору е. и. в. послал Рысмухаммета с товарищи четырех человек, да вас же, господина генерала, моего приятеля, при Искандер салтане послал Тугалана, Бюкяча, Салтангула, Ишдевлета, Бардыгула, Кулумбетя и Сарымджана батырев.

На обороте подлинного татарского письма ево, Барак салтана, чернильная печать приложена.

В 2-м. Высокородному и высокопревосходительному над стами тысячами российского войска командиру, господину генералу, приятелю моему желаю многолетно здравствовать; вначале богу, а потом российскому государству, також и нашим киргис-кайсакам известно есть, что вы, господин генерал, со мною, Барак салтаном, дружбу имеете, о чем во всем народе нашем прославляется, почему я возымел смелость просить вас о удовольствовании меня в одной сей моей просьбе: уведомился я, что в С.-Петербурге Бахтыбай батырев сын Девлетбай (отец ево Бахтыбай) при отце моем Турсун хане был добрый человек; прошу о высвобождении ево, Девлетбая, приятельскою вашею милостию постараться.

Хотя от востока и до запада все рабы во власти всемилостивейшей государыни состоят, однако б я за оного Девлетбая, отнсквав здесь, одного человека свободить мог.

На оном татарском сысьме ево, Барак салтана, чернильная печать приложена.

В 3-м. Приятелю моему, господину генералу, желаю здравствовать. Один наш человек, именем Мухаммет, попал в малолетстве в полон и находится ныне по речке Джилайру у башкирца Аккика, о

свободе которого вас, господина генерала, моего приятеля, прошу дружеское ваше старание приложить.

На подлинном татарском письме ево, Барак салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Емагул Гуляев.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1747 г., д. 3, л. 198—199. Перевод.

Письмо Абулхаир хана имп. Елизавете о возвращении сына Кожаметя, находящегося в аманатах.

1747 г.

Перевод с татарского черного письма, объявленного переводчиком Арасланом Бекметевым по возвращении ево от Абулхаир хана, а ему, Араслану, данного ево, ханским, писарем Алмухамметом, с которого от оногo хана писано на высочайшее е. и. в. имя.

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская.

Вашей Киргис-кайсацкой орды верноподданной Абулхаир хан всеподданнейше и рабски доношу, что при здравии вашего и. в. такую надежду имею, что как на превысокую гору и на крепкую булатную стену, великошасливая государыня, плачущих от слез избавляющая, падших возстающая, рыдающих утешающая и мне нижайшему во всяких прозьбах воздающая, напредь сего прошение мое воздав, в знатной сан меня определила, что по высочайшей вашего и. в. милости, даже до затмения света, не отменю; причем, желая вашему и. в. многолетнего здравия и без сумнения уповая на высочайшую милость я, киргис-кайсацкого народа Абулхаир хан, всенижайше и рабски прошу признавать меня, нижайшего, правосердечным и по возможности моей вначале богу единому и вашему и. в. рано и поздно служащим рабом, и они мои три прозьбы за благо принять, и в том меня, нижайшего, не обвинить, ибо сей свет всякому не вечен, наконец, и мне оново не миновать, токмо я желаю по мне детям и дикому моему киргис-кайсацкому народу оставить един след, чтоб они, по тому следуя, пользовались. Надо мной уже приятели мои смеются, а неприятели искушают и говорят: тако сына-де своего за красные кожи и за кармазинные сукна отдал, чим и неприятели, около нас имеющиеся, порицают меня, нижайшего, смеются. Но я на то говорю, что прежде всего по Яику крепостей не было и улусы не кочевали, також обхождения к торгу с киргис-кайсаками не было, а ныне, слава богу, все крепости построились и с киргисцами торг основан и во обхождении в верности уже и сумления нет, великорослые травы и не мутные воды по сю сторону Яика реки нам пожалованы, чем я не только однократно, но и тысящамикрат доволен. При сем первая моя прозьба о сыне моем Ходжахмет салтане, которого б возвращением был я награжден и от печали своей избавлен, вторая — о имеющихся в Киргис-кайсацкой вашего и. в. орде киргис-кайсацких плутах, которые, также-де и мне противниками, я здесь определенному к нам господину тайному советнику и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву представляю, чтоб за оных ис приезжающих для торгу кайсаков ловить и содержать для окончания здешних дел и прекращения плутов, а по окончании б всех

гаковых дел и тех пойманных кайсаков высвободить; но оной генерал, опасаясь высочайшего вашего и. в. повеления и не имея о том указу, не ловит; а такие дела у нас в обычае, чего б и народ наш за недовольство не принимали, только б тех ловить, которые в поимке, а таковых отпущать, кои к отпуску от меня показаны будут, чрез чтоб у дикого народа дела окончатся могли, а для дальних бы неприятелей, когда я буду просить пушек и людей, даны б были, чрез что и дороги отвориться могли б и между Бухарии всякие караваны ездили б, и сию мою желательную прозбу всеижайше прошу пожаловать; третия, сию Кайсацкую орду прежде моего подданства никто не знал и не нахаживал, но прежде всех сию дорогу проложил я, нижайший, а по мне и дети мои чин себе выслужили; но мне год от году высочайшая вашего и. в. милость и награждение убавляется, а кои нижние мои, те возвышаются, не знаю, отчего; в полученной мною за белую печать высочайшей грамоте велено о моих недостатках и о всех делах и нуждных мне вещах просить от тайного советника кавалера и Оренбургской губернии губернатора Ивана Ивановича Неплюева, которой по представлению моему сии мои три прозбы не принял, а я с ним во всяких вашего и. в. делах в согласии оканчивать и плутов в народе нашем прекращать и тем обиду свою отмстить желал, а дальним моим неприятелем, показав себя сильным и имея надежду год от году чином более пронзойти уповал; но не знаю, для чего прозба моя не исполняется. И тако, всеподданнейше и рабски представляю о сих моих трех прозбах, прошу и уповаю о сем вначале на всемогущаго бога и на вас, всемилостивейшая государыня.

Переводил переводчик Емагул Гуляев.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1747 г., д. 3, л. 189 об.—191 об. Перевод.

Письмо бригадира А. Тевкелева Пупай-ханше.

1748 г., октября 22

Высокостепенная и высокопочтенная госпожа Пупай ханша, а моя дорогая невестушка. Ваши почтенные и мне весьма приятные письма чрез Байбека я получил и словесные ваши приказанья чрез переводчика Гуляева я выслушал, чему весьма радуюсь. А паче тому, что вы, высокостепенная ханша, с моими любезными племянниками, а с вашими детьми с высокопочтенным Нуралеем и с протчими салтанами по смерти сожителя вашего, а моего брата Абулхаир хана, получа от его выс-ва тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, тако ж и от меня доброжелательные вам советы во всем так поступили, как того ваша собственная польза и народное благополучие требовало, а особливо, что на место покойного моего брата, выбрав высокостепенного Нуралея салтана в ханы, по вашей верности и должности подвергнули себя е. и. в. высочайшему соизволению. Еже я, все вашему здравому и достаточному разсуждению приписуя, с таким вашим благооснованным делом поздравляю и обнадеживаю, что сей ваш поступок не иначе как весьма угоден и приятен быть имеет и вы за то по всеподданнейшему вашему и народному прошению как во определении Нуралея салтана ханом, так и со всех ваших и народных потребностях высочайшею е. и. в. ми-

лостью оставлены не будите, и о том, куды надлежит, я всепокорнейше рекомендовать не оставил. А зять ваш Джаныбек солтан з Байбеком и с протчними во всем с надлежащим удовольствием и з засвидетельствованием ко двору е. и. в. отправлены. Между тем же вам, высокостепенной ханше, и детям вашим, а особливо вам, моему любезному другу и племяннику Нуралею салтану, как вам всегдашней и истинной доброжелатель, советую все ваши народные дела и собственные поступки ныне и всегда так управлять и вести, чтоб все происходящее у вас согласовано с высочайшими е. и. в. повелениями, которые от меня всем вам, моим любезным племянникам, в бытность мою в Орску довольно толкованы, да и вам, высокостепенной ханше, небезызвестно ж. Что же вы изволили ко мне писать о присылке к вам верблюда и пшеничной муки, то ныне здесь в городе верблюда как ни исканно, по ни у кого пайти было неможно, затем и муки послать было нельзя, а на покрытие кибитки веленого или сняго сукна буду промышлять и будущю весною тем вас удовлетворять почтусь, гвоздику ж и перец при сем посылаю.

О сыне вашем, Айчювак салтане, объявляю вам, что он обретается в добром здравье и во всяком удовольствии, мы по общему совету с его выс-вом господином тайным советником за потребно признали, чтоб о смерти сожителя вашего, а его родителя, Абулхаир хана, более от него не скрывать, ибо примечено, что он и сам о том дознаваться было начал и от размышления в том больше б печали могло ему приключиться. И тако, зятю вашему Джаныбек салтану з Байбеком и с протчними приказали о том вашем печальном случае пристойным образом ему донести, токмо сего не объявлять, что он от Барака убит, но аки натурально скончался. По такому объявлении сей случай он, Айчювак-салтан, притя воли божеской столь великодушно принял, как то всякому разсудительному человеку надлежит. И ныне обретается он без всякого сумнения благополучно, а особливо утешает себя тем, что у вас в орде народной порядок и ваше благополучие с помощью божнею возстановлены.

Впротчем, вам, высокостепенной ханше, и моим любезным племянникам, высокопочтенному Нуралею, Иралею, Ходжахметю, Адилью також и Чингис салтанам, желаю здравия и во всех ваших и народных делах щастливого благоповедения.

И тако, остаюсь с моим всегдашним истинным вам благожеланием.

Подлинное подписано по сему: вашего высокоостепенства всегдашней доброжелатель Алексей Тевкелев.

С отпуском читал канцелярист Василий Седов.

*АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1748 г., д. 4, л. 341—342 об
Копия.*

Письмо хана Нуралы, Пупай-ханши, Ералы, Кожамета и Айчювак султанов оренбургскому генерал-губернатору И. Неплюеву с просьбой о сооружении гробницы хану Абулхаиру.

1749 г., июня 2

Высокопревосходительному господину тайному советнику кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу, милостивому другу и брату нашему желаем многолетно здравствовать.

Сим вы всепокорно все тайности сердец наших вашему выс-ву открываем о нижеписанном. Возимели мы намерение на месте том, где родитель наш Абулхаир хан погребен, построить знатное строение во славу высочайшей являемой к нам от е. и. в. милости и в чувствие и пресечение от зловредных поступок неприятелем нашим и нам ко исполнению повеления вашего в способство. Того ради ваше выс-во, низжайше просим показать в том нам милость, пожаловать дать нам людей до дву тысяч человек, а ежели толикого числа дать невозможно, то хотя до тысячи. Которыми по милости вашего выс-ва, как мы уповаем, чрез пятнадцать дней то строение окончатъ возможно. А до онаго места, где родитель наш погребен, от Орской крепости разстояния езды пять дней, и ежели на сие милость вашего выс-ва показана не будет, то родительница наша и протчей народ намеряются, раскопав тело, родителя нашего и отвезти в Туркустант, которое их намерение нам мнится неудобно. Родительница же наша без исполнения того проминовать не хочет. А ежели то учинено не будет и родительница наша тело родительское отвезет в Туркустант, то чрез то, как мы мним, народ наш возьмут притчину думать, что бывшего-де хана нашего тело и родина в Туркустанти, следственно-де, и нам съехать туда неспособно. И того для опасения мы, дабы совершенно народ наш к съезду туда намерения не возимел, сие же наше мнение просим не последним признавать и нас не осудить, ибо ведая о состоянии и разуме нашего народа, мы по должности своей вас уведомлять и уверять должны. А на месте том, где родитель наш погребен, никакого кочевья ныне нет, следственно, и страху иметь некому. А чтоб людей тех, присланных от вас для того строения, от того места никуда не отлучать, ниже не потребить, в том, яко ж и в поставке их на термин, паки к вам обязать себя имеем. Прозьба же сия наша общая, родительницы нашей з братьями, и уповаем в том на высочайшую е. и. в. милость, что оная во славу чрез старание вашего выс-ва совершенно исполненна будет и во уверение сего все мы з желательным сердцем, надеясь сполнения прозьбы нашей, печати свои приложили.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1749 г., д. 4, л. 238. Перевод.

Письмо хана Нуралы бригадиру А. Тевкелеву о мерах по охране караванов, проходящих через казахские степи.

1753 г., январь 3

Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему благодетелю, а моему дяде г-ну бригадиру, мурзе Алексею Ивановичу Тевкелеву многолетно и благополучно здравствовать желаю.

Присланное от вашего пр-ва чрез форпосты письмо от яицких казацкого подъячего Ивана Кирилова да двух конных казаков — Василья Алексева сына Беркута, да ис татар Адильбая — я получил и по прочтении содержания онога выразумел. И что ваше пр-во содержите нас в своей памяти, тем весьма удволялся, и хотя такия от вашего пр-ва нечасто в получении имую, но мне их весьма приятно видеть, чему и радуюсь и о многолетнем е. и. в. всемилостивейшей нашей государыни здравии, а притом и о вас господа бога молю.

Что же касается до проезжих по отпуску от вашего пр-ва мимо меня купцов, то я им не препятствую, почему и впредь тою дорогою, которая им полезнее и за такими надежными провожатыми, кого ис киргис-кайсака, хотя и из моего ведомства приищут, ездить могут. И я того за бесчестие не почитаю. Токмо и в ведомстве моем между киргис-кайсаками есть не бес плутов, чего ради я, помятутя преждее вашего пр-ва приказанье, о том только сомневаюсь, чтоб такая самими теми купцами приговариваемыя провожатые как им, так и мне парскания и безславия не нанесли. Однако ж, что принадлежит до оных отпущенных купцов, то чтоб им в пути не учинилось, сие уже сами они на себя сняли.

Хотя я прежде к блискому к Янку реке прикочеванию намерение имел, но ныне оное отложил затем, что, слава богу, ныне, по известному вашему пр-ву ко отмщению за убийство родителя моего намерению, прикочевавших Средней орды киргис-кайсака улусы остановил. А к тому и Бараков улусу вблизи Ерали салтана случился, в котором все наши, по притчине того родителя нашего убийства, злодеи имеются. И для того чрез нарочного своего человека писал я к Ерали салтану, почему он макатанашского роду Сыымбета и убил и семью ево, также и семью Баракову, и все имение, служителей, служанок и верблюдов их, кроме одной только салтанши и дочери ево, в добыч получил. А салтанша с дочерью, известясь, укрылись. Сверх того, он, Ерали салтан, чрез одну ночь, будучи главным, и всех тех злодеев разорил. Да и все знатные Средней орды старшины, приезжая ко мне, винность свою приносят и просят предбудущю весною кочевье их распространить, ибо думают и говорят, якобы учиненное им ныне от зюнгарских калмык утеснение по моему с ними, калмыками, условию произошло, ибо-де и языки объявляют то, что якобы по приказу моему нападение на них учинили. И хотя они в том ошибаются, но я им больше того знать не даю, как только объявлю сие, что отчего б то не произошло, токмо для меня хорошо. Почему они, старшины, представляют мне, что когда то нападение не по моему приказу учинено, то б я позволил им, собравшись с Большою, Среднею и Меньшею ордами, на калмык ехать войною, объявляя, что они от калмык не робки. Чего ради я о сем вашему пр-ву представляю и полагаюсь на то, как о том за благо разсудить изволите вы. А я ведаю, что оные калмыки как с вами, так и с нами, то есть на обе стороны, союзны. Хотя ж пред сим те калмыки троекратно партиями приезжали, но две из них не только без всякой удачи возвратились, но и сами пешками ушли, хотя и третья немало лошадей отогнала и около ста человек в полон было взяла, токмо на том же месте, наехав на них, киргиская партия и, учиня с ними бой, из самих из них, калмык, двести тридцать человек лучших стрельбоз убили и половинное число плененных ими киргисцов, также и лошадей отбили. И тако, ныне от калмык опасности не имеется. Однакож понеже от них, калмык, напредь еще того, нечаянно в малых улусах кочевавших, на краю люди раззорены, того ради, как ныне все киргисцы о том крайних улусов ими, калмыками, раззорений известились, то собравшись на них, калмык, ехать намеряются. Токмо от того я их удерживаю и, не дав им позволения, от вашего пр-ва, яко дяди нашего, разсудительного совета прошу, как о сем приказать соизволите. Ибо как народные дела по высочайшему повелению положены на меня, то я как о проведении их во всем к лучшему наставления

у вас просить долженствую. Однако ж и сам собою, елико возможно, народ наш от непорядков удерживаю.

И хотя начатые при жизни еще родителя моего дела многие еще не окончены, токмо то продолжается ни от чего нпаго, как от своеволия народа. Но хотя между тем российских пленников и не отдавали, токмо они во время бытности моей ханом и сами почти все уже выбежали. А сверх того, и персиане також многие к вам выбегают и по желаниим их получают, почему как народ наш, тот оных персиан прием видя, за немилость себе признают, то и нашим беглецам с семьями их у киргисцов имеющимся без причинения раззорения добровольной от них отдачи быть неуповательно. Однако ж я протчия начатые при оном же родителе моем дела, то есть о возвращении пограбленных киргисцами вещей и лошадей, также и оных беглецов со всем при них имеющимся, ко окончанию по возможности моей привезть стараюсь и для того плутам нашим сказал, что я с сего числа в их плутовстве упущать им уже не буду. Иные же ис тех плутов вблизиости Кары батыря имелсь, но ежели он, яко новоучрежденной человек, поныне чего им положенных на него дел не окончал, то я, не допустя их от зимних на летняя кочевки, вдаль заблаговременно сам поехав, ко окончанию привезть того не оставлю, а Айчувак салтану и ныне чрез нарочню посланного от меня с печатю моею Карыбатырева брата Идилъбая, приказал имеющихся в Семиродском народе дела немедленно по окончанию ж привезть. Почему и слышно, что к возвращению начин есть, и где ему, Айчуваку, ведомо, тут лошадей и беглецов, где б они ни были, то есть хотя б в Средней ли Меньшей ли ордах или ведомства ево у киргис-кайсака в семиродских улусах, кочующих по Янку реке, покуда они назад не откочевали, отбирать же и отдавать велел. А ежели чего он собою решить не может, то б скоряя меня уведомлял, почему я уже, принявшись за сии дела, плутов так, как прежде сожалел, ныне жалеть не буду. Ибо и ваше пр-во изволите объявлять, что е. и. в. высочайшее повеление по моему представлению состоялось и что то ко окончанию всех народных дел, яко на меня положенных, сам я за лучшей способ признавал, и моя в том верная услуга состоит, что все я за благо приемлю. И тако, хотя я прежде сего, употребляя смелость, и ожидая по просьбе моей над могилою родителя моего строения, и причитая оное в неудовольствие с стороны вашей и нерачительно поступал, но ныне, по вашим ко мне вспомоществованиям, все е. и. в. всемилостивейшей государыни высочайшее повелении приемля на главу мою, исполнять готов и о задержании, по обыкновению нашему, киргис-кайсака в крепостях чрез нарочного или чрез письма знать давать и вас просить буду. Вследствие чего и ныне, когда что в лучшую ко окончанию оных дел способность к вам представлять буду, по тому прошу приказать оных задерживать, а по окончании дел, також-де по представлениям моим, освобождать, яко чрез то, по дикому нашему народному обыкновению, и с российской стороны к задержаниям привыкнуть могут. Ибо у нас в том, чтоб за плутов добрых людей захватывать, обыкновенно есть, и тем всякое дело по окончании привести можно, а особливо которой род многолюднее, тот больше в том силы имеет, того ради ис таких гильных и захватывать надлежит, чрез что скорое исполнение дел последует. И сколько мне о том от его выс-ва тайного советника кавалера и оренбургского губернатора Ивана Ивановича Неплюева

чрез письма и чрез переводчика Якова Гуляева словесных приказаний было, также и ваше пр-во, яко вам уже известно, напоминать мне изволите, то все мне инаково, как весьма приятно, и я неотменное к тому усердие имею, но каким порядком ко оному приступить, еще не примыслию, ибо мои представления по российскому порядку показываются несходны. Однако, хотя я и в степном народе нахожусь, токмо оного повеления исполнить не премину.

Что ж я ныне к Яицкому городку за случившеюся мне нуждою не прикочевал, то вашему пр-ву известно, что и всегда, где когда не замеряемся, но так кочевать, как думаем, разные случаи никогда не допущают и фундаментального поселения нигде не имеем. Но где бы я ни был, токмо з добрым усердием обретаюсь.

А что вновь ваше пр-во аманатов взяли и на внутреннюю сторону скот перепустить приказали, то весьма изрядно учинить изволили, да и удержанных в Яицком городке прежних аманатов не шакново, как по привозе ваших людей отпустить приказать можете, ибо обо мне совершенно уже верить извольте, яко и я слабыя поступки оставил.

О оставленном мною при свидании и с вами письме хотя и ныне напомнать не оставил, но будет ли, нет ли на оное по моему желанию резолюция, только мое желание из вышесказанного познать может, с чим, желая вашему пр-ву долголетнего здоровья, и остаюсь. Ибо мы то чувствуем, что еще при жизни родителя моего старанием вашего пр-ва истинной путь нашли, да и поныне всякие наши прошения ваше пр-во ко двору е. и. в. доносить изволите, почему мы на ваше пр-во и всегда в том благонадежны. В Хиву ж и Бухарию проезжающим купцам дорога открыта и от каракалпак и трухменцов никакога препятствия в том не имеется, ибо в нынешнем году киргисское кочевье имеется, а именно: крайние улусы с ераклинскими трухменцами соединились, иные около Хивы, также подле Аральского моря, блис каракалпак, а Ералн салтан находится за рекою Сыр-Дарьею при урочище Вагомойне по Кувану реке на Бухарской дороге, да и везде непрерывные кочевья имеют, и тако киргис-касацкия клуты купцам явного грабительства учинить не могут, и всякия люди ездят благополучно отсель же, и особливия чрез трухменцов в Персию. А чрез Хиву в Бухарию дороги имеются, только оттоль в Персию проезду нету. Люди же ваши в Хиву за провождением Курман ходжи благополучно доехали, о чем уповаю и сами ваше пр-во известны. Токмо притом вашему пр-ву в надежде доношу, что которые киргисцы заочно без позволения вашего и моего своевольно в препровождении купцов ездят, то мне не безсумнительно, ибо я не только сторонним киргисцам, но и своим детям и братьям не верю и в том не надеюсь, но как у вас без позволения вашего пр-ва ничего не делается, так и здесь желаю, дабы бесспросу моего своевольно никуда не ездили и состояли б под одною моею властью, чрез что я добрую славу получить мог, понеже, что где ни случается, но напоследок все на мне спрашивается.

По желанию ж моему от вашего пр-ва на десяти пшенично^ю муки, на шести просяных круп да на тридцати пяти верблюдах ржаной муки, да еще два ведра слаткой и простой вотки, в одном ящике лекарства и две штуки табаку в бумагах исправно получил, за что благодарение приношу и усердно желаю вашему пр-ву и с любезною фамилиею всякого благополучия.

Во уверение сего письма печать свою приложил. 1753 г. января 3 дня от Эмбы реки при урочище Бакачиата.

На оном письме ево, Нурали хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1753 г., д. 3, л. 10—13 об. Перевод.

Донесение оренбургского генерал-губернатора И. Неплюева и бригадира А. Тевкелева в Колл. ин. дел о назначении хану Нуралы жалованья.

1754 г., ноября 18

Киргис-кайсацкой Нуралы хан в нынешнюю ево здесь бытность подал на высочайшее е. и. в. имя на татарском языке прошение, коим изъявляя отца его высочайшую е. и. в. протекцию своим и киргис-кайсацкого народа подданством подтверждение и как ево, так и свои службы, напротив же того, изъявляя свои недостатки и к содержанию своему с семьею при обращениях ево в службе е. и. в. по степному народу того состоянию на имущество, что-де не только сбору на хана со оного немалого чинить, но что они и у самого хана увидят, того удержать не в состоянии, всерабски просит о определении и произведении ему годового жалованья, чтоб оное он мог без роздачи прочим на себя и на свою семью употреблять, которое для лучшего Гос. колл. ин. дел рассмотрения подлинное с переводом при сем прилагаем. А понеже Гос. колл. ин. дел из особо посланных ныне от нас доношений, также и из репорту переводчика Чуцалова, ныне же ис Хивы возвратившагося, изволит усмотреть, что все ево, хана, нынешния поступки пред прежними гораздо сходственнее и надежнее с подданническою ево верностию, а бригадир Тевкелев о определении оного ему и прежде сего еще в 1748 г. представлял, и хотя я тогда тому не согласовал, ибо по тогдашним окрестностям и ево поступкам за полезно не признавал, но ныне по вышеозначенным ево, хана, в наилучшее поведение обращенным поступкам, и преданности, и явно оказанным полезным ко всему тому началам то награждение за сходно быть ему признаваем, как то и нужно, ибо он не только по собственному своему изъяснению, но и по особливому нашему усмотрению так убог, что, конечно, почти нищ, потому оного просить нужду имеет, толь наипаче, что семья ево весьма велика и на содержание свое требует кошту немалого, а обыкновенного доходу он ни отколь не имеет, хотя же здесь, будучи при свиданиях с нами, по прежним примерам рублей на двести товарами получает, только оными не нужды свои исправить, но придерживаться ему из народа, по древнему их обыкновению, довольствоваться принужден. В каковом разсуждении в нынешнюю ево здесь бытность мною ему, хану, наодине от прочих, как то во особо посланном же ныне от нас доношении значит, якобы от себя, а не по указу пятьсот персидских рупей па двести рублей на тринадцать копеек на три чети и дано. Гос. же колл. ин. дел известно есть сие. что хотя с киргис-кайсацкого народа податей нет, однако и без оных от одного учрежденного с ними здесь и в Троицкой крепости торгу столь великая сумма в казну е. и. в. прибыли произошла и

происходит, что не только весь здешний штат, который по здешним местам для немалой государственной пользы учрежден, содержится, но и все здешнее строгие, городское, каменное и прочее, так знатно, что уж и ныне во всей Азии в великой славе, ис тех доходов без всякого из других мест снабдения производится, а затем еще и на другия расходы остаются и употребляются. Того ради по тому ево, хана, прошению на основании вышеписанных резонов за должность признали мы Гос. колл. ин. дел представить притом наше мнение, что для лучшего ево, хана, ко услугам е. и. в. поощрения и ревности, и дабы он умножению здешняго торгу не только с стороны киргис-кайсацкаго народа, но и от прочих азиатских городов и степных народов толь наипаче способствовать и споспешествовать одолжен был, и так бы оной на всегдашнее время надежнее быть мог, также бы и в прочем, что когда с стороны помянутых азиатских народов к здешней стороне востребуется к производству того в действо чрез него, хана, яко с народом кайсацким к ним ближайшего и легчайшего свободнее способы иметь было можно, подобно тому, как он, хан, ныне по притчине хивинским ханом задержания здешняго переводчика Гуляева с караваном движим, на содержание ево е. и. в. жалованья по пятисот рублей на год производить несходно, которое б он единственно на себя, с семьею получая, тайно употреблять мог. И когда он сам в приезде сюда бывает, то оное давать ему самому, а хотя когда и не будет, то можно ево к нему и с присланным от него, кому он поверит, дабы тако оно доходило до него уже каждой год, но когда он сам сюда приезжать будет, то по состоянию их невозможно будет обойтись, чтоб ево и сверх того жалованья обыкновенно ис товаров на двести рублей дачею не награждать. дабы он мог ис того народных людей, как выше упомянутого, наделять и тем способнее в свои употреблении к пользе высочайших е. и. в. интересов их привлекать, яко он, по древнему их обыкновению, без того обойтись никак не может. А притом и прочим салтанам и старшинам при таких ево, хана, приездах, или ежели по особому какому случаю и без него кто приедет, особливия по прежним примерам, при таких случаях бываемыя дачи по состоянию каждого ис казны ж быть имеют. Дабы такие расходы определенной на оныя от Прав. сената годовой трехтысячной суммы не превосходили, для того, ежели что оных во время ево, хана, приезда сверх того числа издержать необходимо нужно случится, то можно в тот год остатком заменять от такого время, когда ево, хана, самого в приезде сюда не будет, яко тогда такой дачи, какова в приезде ево ему, старшинам и народу чинится, уже не бывает. Чего для продолжения детям ево по малолетству их здешней в аманатах бытности, дабы они содержанием здешним впредь памятнее быть могли, к тому ево, хана, уже и приводим, чтоб приезды ево сюда не чаще как в два года были, как то и Гос. колл. ин. дел еще в 1749 г. ноября 6 числа мнение мое апробовано. Ежели же когда он, хан, в собственном каком-либо преступлении окажется (яко в народных предерзостях случается, что он, хан, по обширному их расположению того, что от кого в другом месте делается, и не ведает), в таком случае оное жалование на основании резонов, в резолюции Гос. же колл. ин. дел вышепомянутого ноября 6 числа изображенных, можно со изъяснением тому притчины и удерживать. И тако, мы, видя в том ево, хана, прошения особливо

ныне жалостна и не по прихотям, но по необходимости ево докучлива, и по особливо оказанной ево к нам преданности, принуждены были отчасти в том е. и. в. определить Гос. колл. ин. дел покорнейше просим.

Иван Неплюев, Алексей Тевкелев.
Секретарь Иван Коптяжев.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1754 г., д. 4, л. 32—35. Отпуск.

Письмо оренбургского генерал-губернатора И. Неплюева и генерал-майора А. Тевкелева султану Аблаю.

1758 г., января 24

Киргис-кайсацкой Средней орды верноподданному и почтеннейшему Аблай салтану.

Ваше, почтеннейшаго салтана, письмо с людьми вашими Тайкильтыром да Токтамышем мы получили, ис которого и с удовольствием усмотрели о вашем благополучном здравии и пребывании, чего вам всегда желаем, и притом уведомились и о том, что вы с китайцами ныне в покое пребываете и посланцов их ожидаете.

На то вам ответствуем, что изобретение покоя лучше, нежели ссора. Но хотя китайское государство Российской империи соседи и вечною дружбою обязаны, однако ж как вы, почтеннейший салтан, и Средняя киргис-кайсацкая орда суть верноподданные е. и. в. нашей всемилостивейшей государыни, то без сумления уповаем, что вы, помня и чувствуя свою верноподданническую должность и ея и. в. высочайшую к себе и народу милость, с начала вашего подданства и в прошедшем годе показанную и ныне оказываемую во всем не инако поступаете и поступать будете, как верноподданническая ваша должность обязует, яко ваше пребывание во оной собственная ваша и народная польза и благополучие состоит, о чем более изъясниться можем, когда вы, как в письме своем объявляете, чего и мы желаем, будущю весною сами к нам приедете, тогда основательно о благополучии и покое вашем и лучше обще постановить можем. А между тем надеемся, почтеннейший салтан, что вы как о своем пребывании, так и о своем обращении вашем не только с китайцами, но и в протчем уведомлять нас не оставите.

Что же принадлежит до лошадей киргис-кайсацких, как вы пишете, башкирцами отогнанных, о том мы и чрез Кулсару были известны, да и то ему, Кулсаре, сказывали, что Джанибекова сына и Букенбаева улусов киргисцы, соединясь с джагалбайлинцами и беглыми башкирцами, многое число в разные времена у башкирцов Баим тархана и протчих лошадей отогнали, за которыми башкирцы вслед гнались до улусов. Но киргисцы не только оных лошадей не отдали, но едва и самих живых, ограбя, отпустили. Но как бы то ни было, однако ж со здешней стороны от нас в воровстве потачки нет и командиру Уйской линии г-ну бригадиру Бахметьеву накрепчайше подтверждается и ныне подтверждено наблюдать, дабы воровство пресекать и ссоры всякие по справедливости разбирать. Однако ж в лучшее ваше удовольствие ныне нарочно отправили отсель переводчика Емагула Гуляева в те башкирские волости, на которыя от вас отгон лошадей показан, дабы он всячески отыскивал и, сколько отыщет, к нам возвратил. Взаимно уповаем, что и с ва-

шей стороны Джанибекова сына и в Букенбаевом улусах отогнанных от башкирцев равномерное отыскание и отдача учинена будет.

Что же касается до калмык зюнгорских, из Средней орды выбегающих и добровольно святую православную христианскую веру восприемлющих, о том от нас высочайшее е. и. в. повеление Кулсаре изъяснено, а выводимого ими скота и пр. удерживать не велено.

Двух лошадей, от вас посланных, мы получили и со удовольствием приняли. Напротив того, и мы в знак нашей к вам дружбы с вышепомянутыми вашими людьми посылаем вам на кафтан сукна кармазинного пять аршин, на полукафтанье штофу десять аршин и на шапку черную лисицу, в коже запечатанныя, и тех ваших людей, у дозольствовав, отпустили.

И вам желаем всякого здравия и благополучия. На подлинном подписано тако е. и. в. действительный тайной советник, кавалер и оренбургский губернатор Иван Неплюев, генерал-майор Алексей Тевкелев.

В должности секретаря коллегии регистратор Петр Чучалов.
С подлинными и отпусками читал канцелярист Трофим Иванов.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758 г., д. 4, л. 11—12. Копия.

Доношение оренбургского генерал-губернатора А. Давыдова в Колл. ин. дел о торговле с казахским населением.

1761 г., июля 26

Киргиз-кайсацкой Меньшей орды Айчувак солтан 19 числа сего июля прислал ко мне людей своих шесть человек, а с ними и письмо на имя мое, с которого учиненной здесь перевод и с посланного от меня к нему на то ответ копию для усмотрения оной Гос. колл. ин. дел при сем прилагаю.

Из оного перевода Гос. колл. изволит усмотреть, что он, Айчувак солтан, в пропуске сюда на торг находящихся у них в орде бухарских караванов и в склонении к приезду сюда для торгу киргисцов стараться обещает. Вследствие чего бывших в ведомстве ево бухарцов препроводить сюда уже и приказал, и хотя те бухарцы, о которых он, Айчувак, пишет сюда, еще не бывали. Однако хивинцы и бухарцы с их разным товаром и серебром на двадцати трех верблюдах сюда приехали да и киргисцов сперва человек до тридцати, а потом до ста, а затем и до двухсот на меновой двор въезжало, и торг производить с 23 числа сего июля начали, да и в Троицкой крепости, как я оттоль репорты имею; Средней орды с киргисцами ярмонка производится ж хорошо, куда и азиатские купцы также в приезде имеются ж, в каком же во обоих местах торг состоянии происходить будет, о том впредь оной Гос. колл. ин. дел обстоятельно донести не премину.

А между тем покорно доношу, что ныне за помощью божией по здешней пограничности обстоит везде тихо и спокойно и от киргисцов никаких шалостей не слышно.

Афанасий Давыдов.

В должности секретаря коллежской регистратор
Петр Чучалов.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1761 г., д. 4, л. 187 и об.

Прошение хана Нуралы имп. Петру Федоровичу о строительстве в устье реки Эмбы крепости для усиления его власти над народом.

1762 г., января 21

Всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору Петру Федоровичу, самодержцу всероссийскому и пр., и пр.

Всеподданнейшее прошение

Хотя я к высочайшему двору вашего и. в. прозбу мою уже и приносил, чтоб для того, дабы я в состоянии был вверенной мне по высочайшему и всемилостивейшему вашего и. в. указу в степи разсеянно кочующей народ в страхе и в должном послушании содержать и проезжающие б из чужих областей купцы безостановочной и хороший путь свой имели, на устье Эмбы реки построить для меня крепосцу. Однако о том и сим паки к высочайшему двору вашего величества всеподданнейшую прозбу мою приношу, дабы я по недостатку силы и возможности моей для сохранения в степи и в разных местах кочующего народа моего от вашего и. в. усилен и укреплен был. И хотя я ныне с находящимся при мне народом весною и зиму по Эмбе, по Илеку и по Кобде рекам, а иногда по Яику и в устье той Эмбы реки временем же, за непринятием киргиз-кайсаками моего наставления и по Яику на краю улусов располагаясь, и скот мой на краю тех улусов по Яику реке содержу, однако всеподданнейше прошу впредь высочайшим вашего величества указом всемилостивейше повелеть, не приобщая меня к киргиз-кайсакам, скот мой, где я оной содержать намерен, не буду в том месте содержать и позволить, и не сообщая меня киргиз-кайсакам, высочайше указать быть мне по воле моей. И когда киргиз-кайсаки наставления моего не послушают и намерены будут, по степному своему лежкомыслию, злодействовать, в таком случае для приведения их в страх и послушание всемилостивейше в помощь мне определить полк воинских людей, которой, когда б я ни потребовал, был мне в готовности и оной бы полк был в повелении моем, и помянутую на устье Эмбы реки крепосцу построить и быть указать в моем же повелении, которую крепосцу в начале будущей весны и построить высочайше указать, о чем того высочайшаго указа я и ожидать буду. И когда я в той крепосце находиться и выписанной воинских людей полк в моем повелении стоять будет, тогда сей степной киргиз-кайсацкий народ, конечно, я в страхе и послушании содержать буду, со оными военными людьми никуда мне на войну ездить не надобно, только б я теми военными людьми в возможности моей был реченной степной народ страхом к службе вашего величества привлекать. И когда те военные люди мне нужны будут, тогда б я их и взял, а когда непотребны будут, тогда б в их место отпускал, паки всенижайшую к высочайшему двору вашего и. в. прозбу мою повторяю и уповаю, что ваше величество о том, чтоб вышеписанныя военные люди в моем повелении находиться и в потребное мне время в готовности были, высочайшее свое повеление немедленно прислать указать соизволите.

И хотя ис купцов из чужих областей, а именно из Хивы, из Бухарии, из Персии, из Трухмении, некоторые кое-как чрез Киргиз-кайсацкую орду в Оренбург проезжают, однако большую часть киргиз-кайсаки не пропускают, ибо во оном, яко степном народе, воров и разбойников много, от которых имеа опасение, те купцы уже и не

приезжают. А когда на устье Эмбы реки для меня построена будет крепосца и я в зимния времена буду в ней находиться, тогда б я, будучи укреплен, тем купцам проезд безбедственной доставлял, а которые купцы выючной свой товар в несостоянии найдутся прово-зигь, опой бы я, давая им помощь, на оренбургской торг доставлял и все б киргиз-кайсацкие по высочайшим вашего и. в. указам взыска-ваемые дела непродолжительно исполнял, также и весь киргиз-кай-сацкой народ в страхе и в послушании содержал.

А дела Семиродского народа брату моему Айчювак солтану, а кочующих по Сыр-Дарье киргисцов другому брату ж моему Ерали солтану, а Средней орды киргисцов дела по высочайшим вашего и. в. указам Аблай и Абулфеиз солтанам во отправление рекомендовать имею. И когда я укреплен и усилен буду, тогда б и они повеление мое по высочайшему вашего величества указу исполнять не оставили. А как я силы не имею, то ехавших ныне чрез степной киргиз-кай-сацкой народ ис Хивы купцов Карабай солтан с протчими киргисцами разграбил, представляя тому притчину, якобы учинил он тот грабеж в баранту за убийство каракалпаками брата его. И хотя я ему, Ка-рабай солтану, предложил, для чего он тот хивинский караван раз-грабил, а когда брата его каракалпаки убили, то б он от них, кара-калпак, ево и взыскавал. И так, тот разграбленной товар хозяевам возвратит приказал, для принятия которого я от себя и к хивинско-му хану нарочным послал, токмо оренбургской губернатор Афанасий Давыдов, по прошению оногo выехавшаго в Оренбург, ис тех разграбленных хивинцов из бывших на торгу двух наших кир-гисцов задержать приказал. Однако я к оному оренбургскому губер-натору ныне писал, чтоб он как тех задержанных двух человек кир-гисцов, так бы и реченного хивинца сюда прислал, обещая тот их товар собрать и отдать, которой я киргиз-кайсакам к отдаче изготов-лять и приказал.

С сим моим всеподданнейшим прошением для отдания всеижай-шаго поклонения и представления притом всех наших прозьб к высо-чайшему двору вашего и. в. послал я зятя моего Джанбек солтана и при нем ординских хороших Анкитинского роду Кучмаса батыря, Маскарского — Юлumbета аталыка, Алачинского — Сирюя батыря, Адайского — Алдабергана Байтубетя, Бурбулчия Баимбетя да из лю-дей моих находящагoся здесь от времени родителя моего Абулхайра хана писарем Алмухамметя муллу, Умбетя Ириазара, Худайбергана Паланкула, Утямыша да Рахманкула.

И раболепнейше прошу на сие мое всеподданнейшее прошение непродолжительно и не оставляя от майя месяца тех моих людей с высочайшим и всемилостивейшим вашего и. в. указом ко мне воз-вратить, котораго высочайшего указа я во ожидании и находиться буду. Ежели оныя мои люди скоро возвращены будут, то б киргиз-кайсаки возымели их образование да и к приезду б в Оренбург на торг из чужих областей купцам служить то могло в великую пользу.

Во уверение же сего киргиз-кайсацкого народа Нурали хан ва-шего величества раб своеручно печать свою приложил.

Под оным листом чернильная печать приложена со изображени-ем в ней имяни ево, Нурали хана. Писал генваря 21 дня 1762 г.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762 г., д. 8, л. 17—19 об. Пе-ревод.

Письмо вице-канцлера князя А. Голицына султану Ералы по поводу увеличения ему жалованья.

1764 г., февраля 29

Почтенный г-н Ералы солтан!

Из высочайшей е. и. в. отправленной к вам при сем случае грамоты вы будете иметь щастие увидеть о сказанном к вам вновь монаршем е. и. в. всемилостивейшем благоволении, учиненным к вашему жалованью, которое состояло в двухстах рублях, прибавлением ста пятидесяти рублей и определением вновь жалованья во уважении вашего и представления и оренбургского губернатора и родственнику вашему Дусали солтану во 150 рублях.

Содержание сей высочайшей и всемилостивейшей е. и. в. к вам грамоты, да и собственное ваше благоразумие, научат вас без сомнения тем необходимым должностям, какия от вас требуются, при сем новом знаке императорской к вам милости.

Я, находя за излишнее присовокуплять к тому какия-либо припаятия, да и собственное ваше благоразумие, обойтись, чтоб притом не приметить о некоторых обстоятельствах, которыя по поданным с собственной вашей стороны поводом заслуживают изъяснения.

Вы, откочевав от здешних границ в отдаленность, уклонялись и от учинения должной е. и. в. присяги, а потом произвели усильное требование, чтоб в жалованье сравнены были с большим вашим братом Нурали ханом.

Отец ваш Абулхаир хан, о котором известно, что был человек благоразумной, без сомнения видел в том нужду, чтоб киргис-кайсацкой ему подчиненной народ сподобился называемым быть поданным у всероссийской империи.

Вы сами знаете, сколько он к тому тщания и трудов прилагал и какое из того произтекло всему киргис-кайсацкому народу благополучие, да и вы сами, будучи в России обучались нашей грамоте и все киргис-кайсаки с того времени начали пользоваться всеми выгодами при здешних границах, какими и все другия подданныя пользуются.

Чаятельно и самой сей народ вообще теперь признается, что, находя при нужных случаях убежище и защищение, не только в скоте своем приумножение видит, но и в пребывании своем лутчее спокойство, не имея и в том никакой заботы и опасности.

Хвалю я вас, что вы, удалясь от здешних жилищ, может быть старались чрез то избить нарекания своему состоянию, причиняли при кочевании их по зимам между здешних жилищ, отчего и впредь вам удаляться препоручаю. Но не могу однако же ничем извинить бывшего с стороны вашей отбывательства в учинении е. и. в. должной в верности присяги, примером отца вашего и собственным вашим, наперед сего за нужно признанной, а по благополучному е. и. в. на всероссийский императорский престол возшествии немедленно в знак подданства и желаня навсегда в том остаться и подтвержденной от брата вашего Нурали хана киргис-кайсацкого и солтанов Меньшей и Средней орды.

Для е. и. в., имеющей безчисленныя сокровища, конечно ничего не стоит больше или меньше одному киргис-кайсацкому солтану жалованья будет произвожено, но нужда в том состоит, за что оно производится и по каким причинам.

Брату вашему Нурали хану киргис-кайсацкому, как наследнику отца вашего и пред нами старшему да и от е. и. в. блаженный и вечнодостоинный памяти Елисавета Петровна в сем достоинстве подтвержденному, справедливо кажется, чтоб и в жалование было преимуществу. А буде вы с ним хотите сравняться, уклонение ваше от присяги, которое буде продолжилось, может быть вы довели б до того, чтоб и совсем об вас здесь позабыли, ниже усильное ваше требование конечно способами быть не могли, но вместо того старание к службе е. и. в. достойными вас делали и впредь сделают награждения.

После всех сих изъяснений, вы чаятельно и сами разсудите, что когда е. и. в., всемилостивейшая наша государыня соизволила снизить на прибавление вам жалования и на учинение вновь оклада родственнику вашему Дусали солтану, несмотря на то, что и другие многия солтаны в Киргис-кайсацкой орде не знатнее его находят, все то сделано в надежде, что вы в самом деле будете стараться такую высочайшую е. и. в. милость заслужить и, имея других ближайших способов, никогда не оставите, как доньше было, за что и похваляетесь, стараться о безопасном препровождении азиатских караванов в проезд их к здешним границам и в обратной, не делая при всем том, да и ни при каковых обстоятельствах, видов, могущих подавать сумнение о вашей к е. и. в. верности.

Я между тем, полагая надежду на ваше благоразумие и рекомендуя, чтоб вы сие мое дружеское письмо в надлежащее уважение приняли, обнадеживаю вас, напротив того, остаться в таком случае и впредь к вам доброжелательным.

Подлинное подписано по сему: князь Александр Голицын, е. и. в. вице-канцлер, тайной советник, действительной камергер и кавалер.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1763—1767 гг., д. 15, л. 16—19 об. Отпуск.

Рапорт генерал-поручика И. Деколонга в Колл. ин. дел о принятии подданства России казаками чубактар-киреевского рода.

1773 г., февраля 21

2-го числа генваря Средней киргизской орды Чубактар-Кирейской волости, состоящей против Семиполатной крепости, начинающейся от Талицкого форпоста и простирающейся вниз по реке Иртышу до станца Белаго Камня, старшины главной Ишперды батыр Кутлугадамов и другой с ним Нура батыр прибыть сюда в Омскую крепость в канцелярии моей чрез толмача объявили, что они приехали ко мне по имеющемуся у них в волости всех старшин и простых киргисцов чрез тригодичное время совету с тем, что как той волости старшины и простые киргисцы прежде в верности е. и. в. всемилостивейшей государыне всероссийской присяги не чинили, то-де ныне оную желают принять и, в случае от каких-либо народов им притеснения, состоять под защитением российским. В которой-де Чубактар-Кирейской волости имеетца киргисцов мужска полу больших и малых до трех тысяч человек, старшины ж в той волости, кроме их, Глещ Тугулеев, Ходойбирган Кенчебаев, Казбай Быкенов, Сагандык Солумбетов, Дербисалы Умиров. Сие ж де подданство они, киргис-кайсаки, при-

нимают для того только, что будут пользоватца высочайшим е. и. в. покровительством и защищением и оказывать, напротиву того, чтоб всеподданническую должность и повелении российских командиров всевозможным образом исполнять, и в случае не только против каких других народов, но и против однородных своих киргисцов на войну иттить, и до последней капли крови всеподданническую должность непоколебимо сохранять обещающа и в прочем во всем так поступать, как присягавшия в прошлом 1770-м г. Увакской волости старшины, киргисцы под присягою ж обезались. Кочевать же они будут по зимам близ Семиполатной крепости, а летом, по обыкновению своему, в разных местах, в чем они Ишперды батыр Кутлугадамов и Нура батыр за себя и за всех Чубактар-Кирейской волости старшин и простых киргисцов тамги свои приложили. Сие объявление и подписку означенных старшин, приняв я и уверя в их изъявлении и самоохотном поклонении в российское подданство в знак их доброжелательства, одарив их приличными на их руку товарами, простирающимися суммою не более как на сорок на шесть рублей на семьдесят на пять копеек на три чети, отправил их отсель по линии в Семиполатную крепость и при них толмача Килина Мамкина. А к находящемуся в той крепости коменданту г-ну полк. и военного ордина ковалеру Титову посланцы орденом предложил, когда часто упоминаемая старшины Кутлугадамов в крепость Семиполатную придут, то их для лучшего приласкания и с толмачом для вызову прочих старшин и лутчих киргисцов в их улусы пропустить. А как они оттоль и с вызванными старшинами и лутчими киргисцами возвратятца в крепость Семиполатную, то их всех, употребля за муллу того толмача Мамкина, посредством алкорана по приложенной при том форме торжественно к присяге привести и к той, которая на их языке, велеть им каждому подписатца, а о именах и прозваниях всех их на российский диалекте особливой регистр сделать, равно же и подписку от них взять, сколько всех той волости старшин и киргисцов, действительно в подданство пришедших, числом мужска полу совершенного возрасту, кроме малолетних, состоит, и по окончании те присяги и написанные регистр и подписку представить ко мне, объясняя, какая при всем том обстоятельства происходит будут. А тем главным и протчим старшинам с отличными киргисцами при присутствии ево, г-на полк. и коменданта и подп. Яковлева дать, по их киргискому обыкновению, открытой стол и, угостив их подчиванием пищи и питья со удовольствием и одарив посланными от меня на их руку товарами, которых отправлено было к нему, господину коменданту, на сорок на три рубли на восемьдесят на три копейки на три чети и одну осьмую, отпустить в их улусы. А сверх того, посланным и находящемуся в крепости Устькаменогорской у командования бригадоу и пограничностию г-ну генерал-майору и ковалеру Скалону орденом велено по всей ведения его дистанции крепостным и фарпостным командирам подтвердить, чтобы с теми, вновь вступившими в подданство е. и. в. Чубактар-Кирейской волости старшинами и киргисцами, когда они присягу примут, поступаемо было во всем на том точном основании, как от предместника своего покойного г-на генерал-порутчика и ковалера Шпрингера о вступивших же в подданство е. и. в. в прошлом 1770-м г. Увакской волости киргис-кайсаках в poslanном к командовавшему тогда в Устькаменогорской крепости г-ну генерал-майору Станиславскому ордере предписано. А сего фев-

раля 14-го именованной г-н полк., кавалер и комендант Титов присланным ко мне рапортом доносит, что по прибытии частопоминаемых старшин Кутлугадамова и Нури батыря в Семиполатную крепость посылал он, господин комендант, в их волость для вызову прочих старшин и киргисцов отсель отправленного толмача Мамкина, с которым и выехали в тое Семиполатную крепость старшин семь, киргисцов, ими почитаемых за лутчих, семьдесят человек, которые в то же время чрез упомянутого толмача Мамкина посредством алкорана присягнули, к которой-де присяге они со всяким усердием и вместо печатей, которых они у себя не имеют, под тем присяжным листом, яко же и под подписною, как за себя, так и за прочих их волости простых киргисцов, кроме малолетних, всего за восемьсот тридцать четыре человека тамги свои приложили. А о прочих той же волости старшинах и киргисцах объявили, что они кочуют от линии весьма неблизко и вскорости-де их к присяге ожидать неуповительно, по совершении чего и по удовольствию тех присягу принявших старшин и киргисцов пищею и питием и одарив посланными от меня на их руку товарами, отпущены они в их улусы. А на трактование-де их употреблено денег дватцать семь рублей. о чем Гос. ин. дел колл. сим покорно и доношу со испрашиванием на сие милостивой апробации и того повелительного е. и. в. указа при могущем быть иногда и впредь самопроизвольном подклонении под все-российское подданство киргис-кайсацкой Средней орды коих либо волостей киргисцов, когда они того требовать будут, на таком ли точно основании поступать пред сим в прошлом 1770-м г. покойным г-ном генерал-порутчиком и кавалером Шпрингером, а ныне в сходствие того и мною учинено, или что к тому исполнению вновь предписано и определено будет, дабы я, будучи тем снабжен, мог во всем по точному мне от оной Гос. ин. дел колл. повелению и предписанию неупустительно поступать.

Генерал-порутчик Иван Деколонт.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1769—1773 гг., кн. 19, л. 404—405 об. Отпуск.

Письмо Аблая императрице Екатерине II с просьбой признать его ханом и направить в его распоряжение русские войска.

Не позднее 1776 г.

Всепресвятейшей, державнейшей, великой государыне имп. Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Верноподданного вашего величества киргис-кайсацкой орды Аблай солтана всеподданнейшее представление.

Хотя тому уже минуло сорок шесть лет, как мы, солтаны, всегда в высочайшем вашего и. в. усыновлении, а подвластные наши по-служении будучи удостоены пользоваться высочайшим вашего величества милосердием, со всем верноподданным киргис-кайсацким народом пребывание ваше имеем со всех сторон безвредное. Со всем тем, однако, лет тому назад с шестнатцать не имел я случая к высочайшему двору е. и. в. для всеподданнейшего поклонения людей:

моих посылать, а ныне оной случай чрез старание господ Оренбургского губернатора генерал-порутчика и разных орденов кавалера Ивана Андреевича Рейнсдорпа, а с последняя его и правящего должность губернаторскую г-на Мансурова получил, ибо к высочайшему двору в. и. в. со всеподданнейшим моим представлением сына моего отправить всемилостивейше повелено, чем я предоволен.

Итак, для донесения всеподданнейшего моего представления к высочайшему двору вашего величества отправил я от трех моих больших сыновей, именуемых Вали, Чингиз и Гумер солтанами, меньшаго Тугум солтана с присовокуплением к нему хороших людей. А вышепомянутые дети мои больше, все троя, находятся всегда между верноподданною вашего величества киргис-кайсацкою ордою во всеусерднейших улусах. Впрочем ко высочайшему двору в. и. в. всеподданнейше доношу: Абулхаир и Абулмамет ханы скончались, которые предкам моим были родственники. Как они от сего света отошли, так чреда ханского достоинства досталась мне. По кончине их всех киргис-кайсацких орд, то есть Большой, Средней и Меньшей, ханы и солтаны купно с большими и меньшими городами Ташкента и провинции Туркестанской с общаго согласия в прошлом, 1771-м г. в Туркестане при гробе мусульманского нашего святого Ходжи Ахмета, по обыкновению нашему прочтя молитву, наименовали меня ханом всех трех киргис-кайсацких орд, в которое звание и действительно возвели. Однако, хотя и по обыкновению нашему в том звании и нахожусь, только в. и. в. всеподданнейше прошу то мое ханское звание пожалованием из благословенных рук вашего величества за золотую печатью высочайшей грамоты всемилостивейше подтвердить. А кроме того и высочайшаго вашего величества повеления ханом именоваться я за непристойно и недостойно признаю. И так я в моем уповании остаюсь, что по высочайшей милости вашего величества то мое ханское звание подтвердится. При чем, особливо и всенижайше в. и. в. прошу, когда я пожелаю к высочайшему двору вашего величества паки из детей моих посылать, то дабы тогда оным в том препятствия не было и о том бы ближних к нам губерней господам губернаторам и крепостным комендантам и прочим начальникам всемилостивейшее повеление с отправленным ныне от меня к высочайшему двору в. и. в. сыном моим ко мне прислано, да и к тем господам губернаторам и к прочим начальникам предложено было.

Хотя и пребывание мое при границах ваших некоторых губерний и крепостей издавна и без всяких ссор, но согласно продолжаю, однако ж прошу в. и. в. высочайше повелеть, дабы в случающихся между нами малых делах правосудие и справедливость чинили. Еще в. и. в. прошу, ежели бы между нашими киргис-кайсаками случились когда в собрании изменники и плуты, для воспрепятствования сего их предприятия и России вреда, а при том и воздержания их в потребные мне времена высочайше повелеть из находящихся на границах войск вашего величества мне на короткое время давать столько, сколько когда понадобится и о том бы находящимся в близости к стороне нашей крепостным комендантам и прочим начальникам послаи был вашего величества высочайшей указ, чрез что б мы в состоянии были всех тех злодейств воздерживать.

С сим моим всеподданнейшим представлением отправлены от меня к высочайшему двору в. и. в. сын мой Тугум солтан. Да из хороших людей двое старшинских детей, а имянно: Дат батыр Кара-

Батырев, да Тявяккуль батыр Мингли Баев, да хороших же людей дети Мамет Бекчин, Рысксльди Абдулзялилев, да Тангут Сатып Алдыев. Во уверение чего своеручно печать мою приложил.

Под оным листом печать со изображением имени его, Аблай солтана, на сургуче приложена.

Переводил коллежской ассессор Петр Чучалов.

АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1776 г., д. 1, л. 42—46. Перевод.

Приказ оренбургского военного губернатора П. Эссена о назначении султана Д. Джигангерова правителем.

1829 г., мая 29

Степнейшему султану Киргизской орды Джантюре Джигангерову.

Утверждение благосостояния киргизского народа на прочных основаниях всегда было предметом особенных попечений Всемиловейшего нашего государя императора. В предначертаниях правительства к совершенному устройству Киргизской орды приняты меры, сообразные с обстоятельствами и обычаями, нравами и духом сего народа. Управление сей орды разделено на 3 округа, или части, подчиненные надзору особых старейшин, пользующихся преимущественным почтением у киргиз по своему благоразумию и хозяйству. Часть Восточная состояла под управлением султана Джумы. После увольнения его от сей должности, обращая внимание на Вас, как на ревностного и всегда России верного, а равно с удовольствием взирая на то уважение, которое вы снискали в сердцах ордынцев Ваших усердием и строгой справедливостью в делах Ваших соотечественников, я поручаю Вам, с званием правителя или старшего султана, заведывать отныне Восточной частью Киргизской орды на том основании, на коем вверены Средняя и Западная части оной султанам Мятю Мухамет Галиеву и Чингалию Урмаиову.

Границей между вверяемой вам Восточной частью и смежной с нею Средней частью орды оренбургских киргиз поставляется черта, начиная от Степной крепости и, проводя по вершинам рек Тогузака, Кара-Али-Анта, Карагай-Аята, Джилкувара и Тобола, с тем, чтобы все течение их в Киргизской степи принадлежало к части Восточной; потом от вершины Тобола через озеро Барсак-Баши на переправу, называемую Калы, имеющуюся на реке, текущей по соединении Тургая с Иргизом; отсюда на Сыр-Дарью к могиле Кур-Кут до развалин Куна-Кала; от оных по дороге, именуемой Яничка, через колодез Суз-Кара до первого бухарского ключа Киндерли. На основании сего разграничения все те аулы, кои пребывают на пространстве между означенной черты и кочевьев сибирских киргизов, подчиняются заведыванию вашему.

Обязанностью вашей будет: сохранять во всех случаях и обстоятельствах долг верноподданного, удерживая подчиняемых вам киргиз в границах строгого порядка, в мирной тишине в незыблом повиновении правительству. Вы должны оказывать великодушное внимание и справедливость всем вообще киргизам на основании народных обычаев; примирять враждующих; защищать обиженных, избегая всемерно всякого неправильного и оскорбительного для других предпочтения известным каким-либо поколением пред прочими;

не допускать киргиз производить взаимные баранты; поощрять их к хозяйственным занятиям или торговле; пресекать самые замыслы к грабёжам проходящих караванов или к хищениям по линии, ибо за всякое покушение на оную киргиз с вооруженной рукой без розыскания, кто тому виною, будет строжайше наказываемо все отделение орды, в смежности кочующее. Наконец, вы обязаны исполнять немедленно и с полным усердием все законные требования и предписания оренбургского начальства. Для удобнейшего же исполнения таковых обязанностей ваших назначается к Вам, подобно как и к правителям Средней и Западной части орды, достаточный отряд казаков, с должным числом офицеров и урядников. Они будут следовать за вами по удобствам во все время кочевья, исполняя ваши законные распоряжения, и возвращаться на линию не прежде, как по прибытии вашем на зимнее жительство.

В прохождении звания правителя или старшего султана с приличием, вы, конечно, встретите надобность делать особые издержки; а потому всемилостивейше повелено производить Вам, доколе в сем звании будете, по 100 руб. сер. на месяц столовых, и ежегодно по шестидесяти четвертей ржаной муки. Впрочем, ваше отличное усердие и труды, доказанные счастливыми опытами по возложенной на вас должности правителя Восточной части Киргизской орды, получат справедливое воздаяние по мере своей пользы и приобретут императорскую милость и благоволение к вам и потомству вашему.

Подписал Эссен. Верно: правитель канцелярии (подпись неразборчива).

Архив Казанского университета. Документ без шифра, текст типографский.

Испись оренбургского военного губернатора В. А. Перовского директору Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникину по поводу английского проникновения в Среднюю Азию.

1830 г., октября 31

Милостивый государь Константин Константинович! Хивинский караван из 300 верблюдов прибыл на Оренбургский меновый двор 21 числа сего месяца, пробыв в дороге 49 дней, и тогда как по обыкновенно позднему времени перестали уже и ожидать оный.

Известия сим караваном привезенные суть следующие: хлеб в Хиве весьма дорог и большею частию привозят оный из Бухарии, при выступлении каравана пуд пшеницы продавался по 3 руб.

Во время минувшей зимы в Хиве померло много людей с голода и много удалилось в Бухарию, так, что заметно уменьшение народонаселения. В особенности же разбрелось много каракалпаков и туркменов; из сих последних за намерение бежать умерщвлены по приказанию хана 7 человек.

Хан хивинский не пропустил бы бухарский караван, пришедший нынешнего лета в Орскую крепость, и непременно велел бы разграбить оный, но по худобе лошадей и по недостатку в пище для людей он не имел возможности выслать войско свое. По той же причине он не отправлялся весною сего года к границам Персии для пленения людей, как прежде обыкновенно сие делал.

В Хиве весьма опасаются прихода российских войск, полагая,

что правительство наше воспользуется обстоятельствами, приводящими хивинцев в бессилie; сей страх был отчасти причиной и замедления выхода каравана, который в продолжении всего пути имел за несколько маршей перед собою отряд для заблаговременного извещения в случае встречи с нашими войсками.

Хивинцы, пришедшие с караваном, подтверждают единогласно известие о появлении у них английских товаров, о чем я имел честь уведомлять Ваше пре-во отношением моим от 17 августа № 1256; они говорят, между прочим, что несколько авганцев привезли в Хиву из Тегерана чрез Астрабад английского изделия: ситцы, бумажные платки, коленкор и сукно. Товары сии куплены якобы авганцами в Турции; в Хиве продана оных только малая часть для уплаты пошлин, а остальное все отправлено в Бухарию. Итак, английский товары проникли в Бухарию уже двумя путями: чрез Индию и Турцию; но участвуют ли в сих действиях прямо англичане и в какой мере, неизвестно.

Не подвержено однакоже никакому сомнению, что они всеми мерами будут стараться сбывать изделия свои в соседственных нам областях Средней Азии, и как они действуют посредством больших торговых компаний, то действия их могут быть со временем успешнее наших отдельных и не смелых торговцев; если однакоже по соперничеству с российскими купцами и не успеют англичане учредить постоянный сбыт своих мануфактурных изделий, то не могут ли они верно и выгодно доставлять отделенным сим странам оружие и порох! И сие одно не должно ли заставить нас препятствовать сколь возможно сношениям их с ближайшими к нам азиатцами. Не можем ли мы достигнуть сего учреждением торговой компании в Оренбурге, посредством которой торговля наша с Бухарой и Хивой могла бы быть доведена до той степени совершенства, которой она достигнуть может и должна и от которой она теперь столь удалена.

Мысли сии имею честь предать Вашему, милостивый государь, рассмотрению, и прошу Вас принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

В. Перовский.

АВПР, ф. Главархив, 1—9, д. 5, л. 309—312.

Список казахов, получивших награды за развитие земледелия.

1833 г., октябрь 5

Кто именно и каких округов	Какие даны награды
Омский округ	
Старшина Беген Атабаев	Каждому суконный
Усть-Каменогорский округ	кафтан с широким галу-
Старшина Даирбай Чуаков	ном
Кокчетавский округ	
Старшина Чанда Анашев	Суконный кафтан с уз-
Брат его, киргизец Сююна Анашев	ким галуном
Кокпектинский округ	
Султан Досан Ханбабин	Подарок по чину (на
	основании Устава о кир-
	гизах 1822 г.) 12 класса
Султан, коллежский асессор Клыч Досанов	Золотая медаль на Андреевской ленте

Султан Мусарали Худай-Мендин,
султан Темирхан Тогушов, султан
Маржикбай Ханбабин, бий Кувандык
Мугалов, бий Тлемис Тухтуров

Киргиз Кулчугам Ирыстаметов,
киргиз Атак Бенван Тюменев, киргиз
Қостюбек Тлемисов, киргиз Чугай
Итамранов, киргиз Унур Бусурманов,
киргиз Бек Кулмуратов, киргиз Ба-
зарбай Ильгандин, киргиз Анынбаты
Белейдаров, киргиз Малтыбай Қый-
кылов

Каждому суконный
кафтан с широким галу-
ном

Каждому суконный
кафтан с узким галуном

Председательствующий в Сибирском комитете князь А. Голицын.
Управляющий делами комитета А. Величко.
Верно: титулярный советник (подпись неразборчива).

ЦГА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 291, л. 7. Копия.

Сообщение МИД председателю Оренбургской пограничной комиссии М. В. Ладыженскому по поводу положения «Об управлении оренбургскими киргизами».

1844 г., июль 31

При отправлении вашего к настоящему месту вашего служения МИД снабдило вас инструкцией по подлежащим вам занятиям.

Ныне, по случаю издания нового Положения об управлении оренбургскими киргизами, штата сего Управления, а также особого положения о школе для киргизских детей, при Оренбургской пограничной комиссии учреждаемой, министерство, препровождая к вам в печатных экземплярах означенные положения и штат (удостоенные высочайшего утверждения в 14 день июня сего года), вместе с высочайшим именным указом того же числа, данным Прав. сенату, долгом поставляет в пояснение оных и в дополнение к прежней инструкции изложить следующее.

При составлении вышеозначенного Положения об управлении оренбургскими киргизами и штата оно имелось в виду, во-первых, привести в лучшее устройство самое управление в орде, не делая однако же никакого коренного преобразования, во-вторых, дать Оренбургской пограничной комиссии, заведывающей сими киргизами, большие средства для успешнейшего производства всех дел по пограничному управлению. На сей конец, кроме увеличения в Пограничной комиссии числа чиновников (недостаток в коих оказался очевидным при самой ревизии комиссии), а также необходимого усиления некоторых других статей ее расходов, сделаны следующие дополнения к прежнему штату ее в видах приведения всей пограничной части в лучшее устройство: 1) К имеющимся трем султанам-правителям, заведующим Западной, Средней и Восточной частями Малой орды, предполагается прибавить еще четвертого султана-правителя. Назначение сего четвертого султана и прежде находимо было полезным, но по разным уважениям предположение это не могло быть приведено в исполнение. 2) Для лучшего надзора за киргизами положено также увеличить число киргизских дистанционных начальников

(№ 14 Положения). Польза, ими приносимая, доказывается самым опытом, ибо с тех пор, как поставлены в некоторых местах дистанционные начальники, из киргизских старшин выбираемые, киргизы в тех местах содержатся в большем повиновении и порядке. 3) С той же целью признано полезным увеличить число киргизских аульных начальников. 4) Для устранения разных столкновений киргиз, при линии кочующих, с линейными жителями и дабы оградить их от всяких притеснений и обид со стороны сих последних, положено определить к ним шесть попечителей из русских чиновников. Мера сия давно уже имелась в виду, ибо по опыту дознано, что султаны, старейшины и другие начальники киргиз не могут быть для них достаточными защитниками по всяким делам их и сношениям с линейными жителями и с линейным начальством. С назначением сих попечителей можно вообще ожидать гораздо большего порядка по линии. 5) Независимо от сих мер положено еще учредить при Оренбургской пограничной комиссии школу для киргизских детей (на 30 воспитанников) с главной целью приготавливать в оной нужных людей для письменного искусства в орде. Образование киргизского юношества в означенной школе может принести ему и ту пользу, что сей мерой распространится между киргизами знание русского языка и некоторая грамотность, и они чрез это более могут с нами сблизиться.

На все вышеизъясненные новые статьи расходов по управлению оренбургскими киргизами, а также на разные прибавки собственно по пограничной комиссии положено по новому штату всего 64 454 руб. сер. Из оных 18 579 руб. 64 коп. сер. будут производиться по-прежнему из государственного казначейства; остальные же затем 45 874 руб. 36 коп. сер. МИД нашло возможным обратиться на счет положенного с оренбургских киргиз кибиточного сбора. Новый штат сей должен возыметь свое действие с 1 сентября текущего 1844 г.

В числе также новых мер, изъясненных в Положении об управлении оренбургскими киргизами, заключается предположение о составлении особого пенсионного капитала (§ 93) для производства из оного пенсии и единовременных пособий киргизам, оказавшим услуги и особенную преданность правительству. Капитал сей имеет быть составляем из разных остатков от сумм, по штату назначенных, и из некоторых других источников.

В Положении, между прочим, обращено также особенное внимание на часть судебную, на образ производства как гражданских, так и уголовных дел о киргизах. При этом принят в основание заведенный уже по сему предмету порядок: часть сих дел судится по обычаям киргиз, имеющим у них силу закона; другие же, более важные, по общим государственным законам, и затем, по некоторым преступлениям, означенным в § 56 Положения, киргизы судятся военным судом.

Принимая также в соображение, что составленные ныне Положения (об управлении оренбургскими киргизами и о школе) в ближайшем применении их могут встретить впоследствии необходимость в каких-либо дополнениях или изменениях, признано за лучшее ввести сии положения сначала в виде опыта на пять лет, по истечении же сих 5 лет, преподать к постоянному руководству с теми дополнениями, какие по времени найдены будут необходимыми.

Наконец, относительно Внутренней, или Букеевской, киргизской

орды, которая по силе высочайшего указа 6 февраля 1838 г. сопричислена к управлению Министерства государственных имуществ, ныне постановлено: оставить оную в заведывании Оренбургской пограничной комиссии еще на один год, считая со дня введения нового положения об управлении оренбургскими киргизами.

Объяснив, таким образом, сущность состоявшихся ныне положений и те главные меры, которые на основании сих положений и в силу высочайшего именного указа Прав. сенату, в 14 день июня сего 1844 г. данного, должны воспринять свое действие, МИД к руководству вашему по приведению в исполнение вышеозначенных мер, долгом постановляет еще присовокупить:

1) По предмету назначения четвертого султана-правителя в особом комитете (в котором предварительно рассматривались означенные положения и штат) мнением полагалось: не назначая еще сего 4 султана-правителя, не определяя до времени, какими именно родами он должен заведывать и какое соответственно тому сделать новое разделение соображению г-на оренбургского военного губернатора с тем, чтобы он сообщил о сем свое мнение впоследствии по введении уже нового положения об управлении оренбургскими киргизами, каковое мнение комитета удостоено было высочайшего одобрения. Вследствие сего вам поручается: ознакомившись подробно с делами Оренбургской пограничной комиссии и вникнув во все обстоятельства, до киргиз относящиеся, представить потом г-ну оренбургскому военному губернатору ваши предположения о лучшем распределении орды и о том, куда именно назначить 4 султана-правителя; по получении же от вас сих предположений от усмотрения уже г-на военного губернатора будет зависеть дать дальнейший ход сему делу и сообщить министерству окончательные свои соображения по оному. Вообще дело это требует не столько поспешности, сколько зрелого и глубокого обсуждения и соображения со всеми местными обстоятельствами. Чтение бумаг в Азиатском департаменте уже достаточно вас ознакомило с бывшими по сему предмету разными предложениями, как прежними, так и новыми. Вам известно, что в свое время правительство имело в виду назначить 4 султана-правителя на Сыр-Дарью к киргизам, там кочующим. Затем было еще предположение о назначении особого султана-правителя на Устюрт и о соединении под его управление адаевских киргиз и некоторых племен туркменов, считающихся под покровительством России. Наконец, в последнее время предполагалось назначить особого правителя к киргизам, кочующим около вершин Тобола, составив из них особое отделение под названием Верхне-Тобольского. Вам надобно все это внимательно сообразить и взвесить выгоды назначения султана-правителя в одну из частей преимущественно пред другой и все последствия, какие можно ожидать от сего в видах большого влияния на киргиз и установления большого между ними порядка. Министерство полагает также, что для всего этого и дабы вообще ближе ознакомиться с положением кайсаков, полезно будет, чтобы вы сделали поездку по линии и в те степные места, которые к оной прилегают и где присутствие ваше и личный осмотр окажутся наиболее пужными. Время для учинения сей поездки предоставляется вашему усмотрению.

2) Увеличение числа дистанционных и аульных киргизских начальников есть одна из тех мер, от которой мы ожидаем весьма благих последствий и которую теперь новый штат дает возможность выпол-

нить: дистанчным начальникам назначено жалование, и потому они не будут, как до сего было, уклоняться от выбора в сии должности. Аульным же начальникам хотя жалование не положено, но тем из них, которые будут оказывать особенное усердие, будут раздаваться денежные награды (по распределению комиссии и с утверждения г-на военного губернатора), на что положена по штату особая сумма. При том же можно будет по временам отличнейших из дистанчных, а также и аульных начальников представлять и к почетным наградам для большого чрез это поощрения их к ревностному и деятельному исполнению своих обязанностей. Цель однако же сей меры не иначе будет достигнута, как если в должности сии будут избираемы из киргиз люди, вполне заслуживающие доверия, как по своей преданности правительству, так и по честным своим правилам; и потому благоразумие требует не иначе приводить эту меру в действие, как постепенно, т. е. постепенно увеличивать, где надобно число дистанчных и аульных начальников, дабы иметь время и возможность выбрать достойнейших.

3) Назначение попечителей к прилинейным киргизам есть также дело особенной важности, на которое вам следует обратить все возможное внимание. Для сих попечителей, согласно § 48 Положения, должна быть составлена пограничной комиссией подробная инструкция, чем вы и займетесь прежде, нежели приступить к дальнейшим распоряжениям. Цель вообще сей меры — доставить желаемую защиту прилинейным киргизам от всяких обид и притеснений со стороны линейных жителей и пресечь по возможности взаимные их жалобы и споры, и потому, ограничившись единственно достижением сей цели, означенные попечители отнюдь не должны вмешиваться во внутренний распорядок и управление киргиз. В этих главных видах должна быть составлена памятная инструкция. Пребывание их должно быть по тем же самым причинам не внутри степи, а при линии, по коей каждый из них должен заведывать известным участком так, чтобы киргизы сего участка по делам их с линейными жителями уже обращались к сему попечителю. То, что сказано выше о строгом выборе дистанчных начальников, еще более относится до попечителей, ибо достижение видов, которые чрез эту меру предположило правительство, единственно зависит от удачного их выбора. Надобно, чтобы лица, назначаемые в сию должность, пользовались безукоризненной репутацией и чтобы они умели благоразумными распоряжениями своими снискать доверие и любовь кайсаков.

4) Относительно производства всяких дел о киргизах пограничная комиссия будет поступать, как постановлено в Положении, так сказать, приведен в большую точность и определенность порядок, доселе в ней существовавший. Согласно с § 5 Положения и в исполнение 2-го пункта высочайшего указа, Вы обратите еще особенное внимание на упрощение форм делопроизводства, и всякие по сему предмету замечания, которые вам укажет опытность, представите в свое время г-ну оренбургскому военному губернатору, который по получении оных сообщит уже МИД окончательные соображения свои о тех изменениях, какие нужно будет впоследствии сделать в помянутом Положении об управлении оренбургскими киргизами.

5) Вы не оставите также в исполнение § 64 означенного Положения заняться в свое время собранием киргизских обычаев, в видах составления из оных особого свода и выполнения тем благих намерений правительства.

6) При введении сего нового Положения (коим, как выше сказано, приводится только в большую правильность порядок донные существовавший, без изменения главных его оснований) надобно особенно соблюсти, чтобы оно не возбудило каких-либо неосновательных толков между киргизами. Сего, впрочем, мы отнюдь не предполагаем, если только пограничная комиссия распорядится осторожным и благоразумным образом о соделании киргизам, известным того, что следует сообщить к их сведению. Министерство тем более не полагает, чтобы Положение сие сделало какое-либо невыгодное впечатление на умы киргиз, что главная и, так сказать, основная мысль оного состоит именно в том, чтобы не изменять коренных начал нынешнего порядка в орде, а только улучшить его и преподать большие способы как комиссии, так и киргизскому начальству для наблюдения за водворением повсюду желаемого благоустройства и за упрочением с тем вместе благосостояния киргиз; между ними не вводится русского управления (как в Средней орде), не отнимается власть от султанов-правителей, все начальство их в орде по-прежнему остается киргизское, весь нынешний образ управления и распорядка внутри степи — тот же самый, какой был доселе, кроме того, что дистанчным начальникам (из среды киргиз выбираемым) назначается жалованье, аульным предобещаны награды; для ограждения и защиты киргиз определяются по линии попечители (посредники между ними и линейными властями), для воспитания юношества их учредится школа (не неволя при этом никого отдавать детей своих в сию школу); повелено даже составить особый капитал для назначения из оного пенсии и единовременных пособий достойнейшим киргизам, которые будут отличаться какими-либо заслугами. Все это кайсаки и начальство их не могут не восчувствовать, когда соделается им известным сущность и истинная цель принятых ныне в отношении к ним мер, и без сомнения, что таковые об них почтения послужат к ускорению в них чувств преданности и любви к русскому правительству.

7) О школе, учрежденной при комиссии для киргизских детей. Нужно еще здесь изъяснить, что поелику на первоначальное устройство сей школы чмеет быть ассигнована по сношению г-на оренбургского военного губернатора с МИД особая сумма из кибиточного сбора, то вы должны теперь же составить смету сим необходимым издержкам на первоначальное устройство ее и таковую смету представить г-ну военному губернатору. Что касается до распоряжений собственно по учреждению школы, то в этом деле, как и во всем прочем, что будет относиться до сей школы, вы будете руководствоваться высочайше утвержденным об оной Положением и ближайшими наставлениями г-на военного губернатора. При этом не излишним считается обратить особенное ваше внимание на § 19 означенного Положения, где говорится о содержании воспитанников, каковое содержание их и в пище, и в одежде, и в роде жизни по возможности должно быть применено к степному их быту: ученики сколь возможно чаще должны быть на воздухе, а в летнее время — отправляться на кочевку в удобнейшие для того места.

8) За сим относительно сумм, назначенных по повому штату для всего Управления оренбургскими киргизами, министерство нужным находит объяснить: а) что в число 18 579 руб. 64 коп. сер., которые по-прежнему имеют быть производимы из государственного казна-

чества (за узаконенными из оных вычетами), вошли и 2000 руб. сер., которые, по высочайше утвержденному 15 марта 1832 г. Положению Азиатского комитета, назначены были на четвертого султана-правителя и которые в отчетах пограничной комиссии показывались под лит[ером] А на разные предметы по управлению в степи; б) что производимые доселе на наем квартир для приезжающих в Оренбург азиатцев 428 руб. 85 коп. сер. за составлением ныне нового штата с 1 сентября сего года будут отпуском прекращены, ибо вышеизъясненная издержка вошла ныне в состав сего нового штата (под статьей на чрезвычайные издержки, угощение и временное содержание азиатцев, приезжающих в Оренбург по делам службы, наем им квартир и т. п.); в) в прежнем штате 1828 г. была особая статья * на искупление из азиатских областей российских пленников. Ныне признано за лучшее не вводить сей статьи в новый штат, но расходы, могущие по сему предмету встретиться, высочайше повелено относить на сумму 2500 руб. сер., положенную на чрезвычайные издержки, и г) так как за производством из государственного казначейства означенных 18 579 руб. 64 коп. сер. остальные затем 45 874 руб. 36 коп. сер. на пополнение определенных штатов расходов должны с 1 сентября сего года поступать из кибиточного сбора, то комиссия имеет по сему предмету учинить надлежащее распоряжение. Что же касается до отчетов во всей штатной сумме (в 64 454 руб. сер.), то оные должны ежегодно поступать на ревизию казенной палаты, как постановлено в § 99 высочайше утвержденного Положения.

9) О пенсионном капитале для киргиз, который будет составляться из указанных в Положении и штате источников, нужно еще сообщить к вашему сведению и наблюдению, что в состав сего же пенсионного капитала высочайше повелено обращать и сбор попенсионных денег с киргизских лесов, о каковом сборе признано за лучшее не упоминать в Положении.

10) Относительно же Внутренней орды остается только присокупить, что так как орда сия по истечении годового срока, считая со дня введения Положения об управлении оренбургскими киргизами, имеет быть изъята из ведения Оренбургской пограничной комиссии, то вам нужно к тому времени приказать изготовить все имеющиеся в комиссии дела по сей орде для сдачи оных, куда следует.

Сообщая вашему пр-ву все вышеизложенное к надлежащему исполнению и руководству и затем подтверждая о точном поступле-

---

* Таким образом, из сумм, которые производились комиссией сверх штата ее 1828 г., сохраняются только те, которые не могли уже ныне войти в состав нового штата, как-то: разные пенсии и пособия, которые во времени, со смертью лиц, оными пользующихся, должны прекратиться. Суммы сии, которые по-прежнему будут производиться (особо от нынешних штатных сумм), суть: 1) семейству султана Арунгазы — 1000 руб. сер., 2) султану Ильджану Абулгазинову — 300 руб. сер., 3) старшине Нарынбаю Джанжигитову — 60 руб., 4) султану Тяуке Айчувакову — 100 руб., 5) султану Юсуфу Нуралиеву — 200 руб., 6) хану Ширгазе Айчувакову (показываемые в отчетах комиссии под лит[ером] Б) — 857 руб. 10 коп. Итого 2517 руб. 10 коп. сер. (Сноска автора док.)

нии во всем согласно с препровождаемым ныне к вам высочайше утвержденным положением об управлении оренбургскими киргизами, МИД не излишним считает присовокупить, что копия с настоящей данной вам инструкции вместе с сим сообщается г-ну оренбургскому военному губернатору.

Вы получите также в свое время из Азиатского департамента потребное число экземпляров означенного Положения, так и следующего к оному штата и положения о школе вместе с высочайшим именованным указом 14 июня сего года, которые отпечатаны будут для комиссии в особом удобном формате.

Управляющий министерством граф **Воронцов-Дашков**.
Директор **Синявин**.

ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 373, л. 5—14 об. Отпуск.

Докладная записка чиновника Оренбургской пограничной комиссии статского советника Н. Любимова чиновнику Азиатского департамента МИД Л. Г. Синявину о результатах его поездки к казахам Оренбургского ведомства.

1848 г., июнь 25

Милостивый государь Лев Григорьевич! В проезд мой по части оренбургской линии киргизское начальство мне в особенности жаловалось на затруднения, в которые поставлено по делопроизводству (на умножавшуюся письменность) и на существующий теперь в силу нового положения следственный порядок. Вся канцелярия у султанов-правителей (не говоря уже о дистанчных и аульных начальниках) состоит из одного письмоводителя, из какого-нибудь писца и из наемного толмача. При множестве всяких дел и предписаний, получаемых от пограничной комиссии, письмоводителю нет возможности управиться; дела также немало терпят от незнания сием письмоводителями татарского языка. Что касается до следственного порядка, то по § 58 положения все дела, по коим иск превышает 50 руб. сер., должны решаться в комиссии по общим государственным законам. О каждом из таковых дел должно по этому производиться следствие в орде формальным образом, переписка, спросы и т. п. По незнанию же киргизами наших форм и обрядов, по незнанию даже русского языка и по неимению средств даже отписываться, начальство и поставляется в величайшее затруднение. Дела накапливаются, не получают ожидаемого скорого движения, а на киргиз все это производит самое дурное впечатление¹. Султаны-правители и старшины мне говорили, что пока таким образом идет переписка по какому-нибудь делу², можно бы было по их киргизским обычаям решить 20 дел, и киргизы были бы несравненно довольнее. Вообще желание их чтобы всякие дела в орде (кроме, разумеется, важных уголовных дел) дозволено было решать им по своим обычаям (как это было прежде, до издания положения), а не по установленному теперь порядку, который влечет за собою следст-

¹ Они думают, что их хотят вовсе подчинить нашему порядку и что это только первый шаг к будущим переменам. (Здесь и далее сноски автора док.)

² По получении предписания комиссии пишется обыкновенно к дистанчному начальнику и пишется по-русски, а тот и татарской грамоты часто не смыслит.

вия, длинную переписку, проволочек удел и ставит сверх того самое киргизское начальство, по неимению средств и людей, как выше сказано, в самое затруднительное положение. Одних исходящих бумаг у султанов-правителей бывает от 1500 до 3000³. Это где же? В степи, в орде, где все, по-видимому, должно бы идти (сообразно с бытом и потребностями киргиз) самым простым образом, без лишних формальностей и лишней письменности.

Я очень сожалею, что сделал эту поездку по линии, оставив уже Оренбург, и следственно не мог после видиться с г-ном председателем комиссии и спросить его мнения обо всем этом.

Мне вообще кажется, что можно бы было вести дела в отношении к киргизам как-нибудь проще, приравнивая к их быту и по возможности избегая лишней переписки (которая ставит только султанов-правителей в невозможность даже выполнять требования комиссии и никакой существенной пользы не приносит). Лучше гораздо (дабы держать начальство киргизское, как говорится, в стреле, в деятельности и исправности) делать по возможности частые поездки в степь, командировать туда по временам опытных благонадежных чиновников и таким образом удостоверяться о положении всех дел в орде и давать на месте нужные советы и желаемое всему направлению.

А затем, казалось бы, нужно было: § 58 положения изменить и представить всякие исковые и тому подобные дела между киргизами словесному разбирательству в орде и решению по их обычаям. От этого никаких дурных последствий, по-видимому, ожидать нельзя, а скорее хороших, все будет идти тогда проще, несравненно быстрее, согласнее с нравами киргиз и без возбуждения того ропота, который производит нынешний порядок. Но в случае изменения выше изъясненного § 58 и с предоставлением киргизам, всякого рода исковые дела и свыше даже 50 руб. сер. решать по их обычаям, надлежало бы принять еще две следующие меры, из коих одна уже имеется в виду правительства: 1) для работы и решения сих и подобных дел учредить при султанах-правителях советы, составленные из киргизских старейшин и 2) привести к скорейшему окончанию собрание киргизских законов и обычаев, которые должны будут приниматься в основание при всяких подобных разбирательствах.

Мысль об учреждении советов не моя; она, сколько мне известно, предлагаема была еще покойным Григорием Федоровичем Генсом. Султан Баймухамед Айчуваков также мне говорил, что подобная мера есть наилучшая для скорейшего и правильнейшего течения дел в орде. Учреждение советов, сколько мне кажется, вполне согласное было бы и с коренными началами самого положения об управлении оренбургскими киргизами, в основание коего принято: не изменять прежней системы в отношении к киргизам, не вводить у них русского управления, а предоставить им ведаться своими властями под наблюдением только Оренбургской пограничной комиссии. С учреждением советов при султанах-правителях, если правительство за благо признает дать ход этому делу, нужно также будет, определив число старшин, долженствующих заседать в совете, назначить им от казны

³ У Араслана Джантюрина, как он мне говорил, бывает от 2000 до 3000 исходящих бумаг и более; у Баймухамеда Айчувакова — от 1500 до 2000.

жалованье, без чего не будет никогда желающих принять на себя подобную обязанность, которая должна их отрывать от хозяйственных их занятий и держать вдали от их аулов (они должны будут находиться при ставках султанов-правителей). Образ выбора сих старейшин и на сколько времени должны выбираться также надобно будет в точности определить, как равно определить степень власти султана-правителя в совете и какие дела должны поступать на рассмотрение советов.

Осмелюсь к этому присовокупить, что по крайней необходимости в скором отменении теперешнего порядка относительно производства дел в орде (порядка, как выше сказано, не сообразно с положением киргиз и производящего только замешательство, проволочку дел и неудовольствия), казалось бы, можно было приступить к обсуждению вопроса об учреждении советов, не дожидаясь собрания и приведения в порядок степных законов и обычаев, так как последнее дело, при всей поспешности его, не может быть скоро приведено к желаемому окончанию. Советы и без сего собрания законов могли бы действовать довольно правильно; в них заседали бы почетнейшие старейшины, знающие обычаи киргизские, дела решались бы не одним лицом, не самопроизвольно, а целым собранием; жалоб и неудовольствий со стороны киргизов ожидать, следственно, нельзя, а если бы и были какие неудовольствия (нелицезабвенные в исковых делах, где две спорящих стороны), то, так сказать, частные, а не общие, как теперь.

Что касается до самого собрания степных законов и обычаев киргиз, то я нахожу также не лишенным основания мнения султана-правителя Баймухамеда Айчувакова, состоящее в том, что для большего успеха сего предприятия следовало бы возложить его на нескольких киргизских старшин, выбранных для сего от разных родов и отличающихся своей опытностью и знанием киргизских обычаев; им, таким образом, предоставить бы собрать киргизские обычаи, имеющие силу законы, истолковать их и пр., на чиновников же Оренбургской пограничной комиссии, которые так же должны в этом деле участвовать, главнейше лежало бы редакция сих законов.

Дело, которое также, по моему мнению, должно обратить на себя заботливое внимание правительства, есть кибиточный сбор, т. е. приведение оного в большую уравнительность. Теперь беднейший из киргиз платит наравне с самым богатым, т. е. по 1 руб. 50 коп. сер. в год с кибитки; налог этот для первого в высшей степени тягостен, для второго не чувствителен, бедные киргизы иногда находятся в необходимости продавать последнее свое имущество (как таганы, котлы и т. п.), чтобы заплатить требуемое с них подать, снисхождение же в этом случае при теперешнем порядке (снисхождение к бедному) тем труднее допускать, что могут тотчас вкрасься злоупотребления: под видом бедных будут показывать и люди достаточные. Я об этом объяснялся с г-м председателем комиссии и потом спрашивал султана-правителя Баймухамеда Айчувакова. Г-н г-л—м-р Ладженский объявил мне, что предмет этот имеется у него в виду и что со временем он представит свои соображения. Основная мысль его для приведения кибиточного сбора в большую уравнительность состоит в том, чтобы, приведя в известность число кибиток каждого района, принять в соображение сложность годового с них сбора, и из этой сложности составить как бы норму той суммы, которая должна ежегодно взыскиваться с этих киргиз, предоставив им сде-

дать между собой раскладку подати на известных правилах, так чтобы каждый платил сообразно с своим состоянием, богатый — более, неимеющий — менее. Для этого нужно привести также в известность число кибиток, что должно быть первым приступом к дальнейшим соображениям о сей мере.

Султан Баймухамед Айчуваков высказал мне те же самые мысли и предположения для содействия сбора с киргиз более уравнительным и дополнил еще следующими замечаниями:

1. Собрание сведений о числе кибиток каждого рода и отделения киргиз следовало бы возложить на родоначальников и на начальников разных отделений киргиз, как тех лиц, кои одни только в состоянии доставить верные о сем сведения и без возбуждения между киргизами ложных толков и опасений, но для того, чтобы родоначальники в этом, как и в других случаях, были полезными орудиями правительства, усердными исполнителями его воли, нужно еще.

2. Принять за правило: определять в дистанционные и местные или аульные начальники не иначе как родоначальников и начальников разных отделений и подотделений киргиз. Мнение это основано на том, что, во-первых, родоначальники пользуются естественно большим между киргизами влиянием и уважением и следовательно через них всегда правительству легче будет действовать и по сбору подати и по исполнению всяких других видов и предприятий, а, во-вторых, что только одни они могут ближе знать и с основательностью судить о состоянии каждого киргиза. Назначать же дистанции, сообразуясь только с условиями местности, вследствие чего дистанционный начальник из одного какого-нибудь рода заведывает и частью другого потому только, что эта часть кочует в смежности, имеет разные неудобства и главнейшее состоит в том, что подобный дистанционный начальник не может не пользоваться таким весом (в другом киргизском роде и даже в своем собственном, если он не из родоначальников), не знать в такой степени состояние и нужды каждого киргиза, как природные начальники киргиз.

3. При изменении нынешней системы взимания кибиточного сбора и при назначении в дистанционные и местные киргизские начальники естественных, так сказать, начальников киргиз, необходимо уже будет, кроме приведения в известность числа кибиток каждого района (как предварительной и необходимой меры) определить также места для кочевков сих киргиз каждого района, сообразуясь с числом их разными другими обстоятельствами. Дело это, хотя и нелегкое, но, по мнению Баймухамеда Айчувакова, может быть приведено к желаемому концу, при посредстве местных киргизских властей. Перечисление же кибиток может быть учинено только зимой, когда киргизы прикочевывают к линии.

4. Так как главная цель новой податной системы была бы большая уравнительность оной и облегчение для бедных, то, по мнению Баймухамеда Айчувакова, в числе правил, какие могли бы быть на сей конец преподаны, можно бы было постановить, чтобы с бедных киргиз вовсе не взимать никакой подати; бедным же, по его словам, может считаться киргизец, имеющий 20 баранов, 5 коров и 1 верблюда; ибо все это необходимо для его, так сказать, существования и для существования его семейства (бараны дают ему шерсть, нужную для одежды, коровы — молоко для его пищи, верблюд — перевозит при перекочевках его имущества). При этом не излишним счи-

тают довести также до сведения начальства, что общее желание киргизских султанов, как объяснили мне султаны-правители Средней и Западной частей и помощники их, состоит в том, чтобы правительство избавило их буде можно от платежа по кибиточному сбору. Для них в особенности неприятно, что они поставлены в этой подати наравне с простыми киргизами. (Они готовы бы были даже платить более, но лишь бы не были на одной, так сказать, доске с киргизами, ибо это унижает их в понятии народа). При учреждении сбора на новых основаниях, казалось бы можно было удолетворить и эту просьбу их об избавлении от подати, с чем согласен и председатель комиссии, который еще до свидения своего с султаном-правителем говорил мне то же самое, присовокупив, что большой убыли в сборе от этого не будет (по незначительному числу султанов во всех трех частях орды), между тем как мера эта произведет на них отличное действие.

Полезно бы также было принять во внимание выше изъясненное замечание Баймухамеда Айчувакова, чтобы в дистанчные и аульные начальники выбирать преимущественно родоначальников и начальников киргизских отделений, назначить им скорее жалованье из суммы, которая на сей предмет по штату положена, так как неопределение им доселе жалованья сего и никакого вообще возмездия за их труды и производит на них, сколько я мог убедиться из разговоров с киргизами и начальством их, не совсем выгодное для нас впечатление. Многие уклоняются от исправления возлагаемых на них должностей или же исправляют их без всякого рачения именно потому, что не видят никакого возмездия за подобные труды по званию дистанчного или аульного начальника. По сему предмету, как я уже в свое время докладывал, делаются комиссией соображения о распределении дистанций на разряды, без чего нельзя было приступить к назначению жалованья дистанчным; к тому же суммы, по штату назначенные на жалованье дистанчным и награды аульным начальникам, оставаясь свободными, послужили к составлению пенсионного капитала, которому положено таким образом прочное основание. Но со всем этим я полагал бы, что надобно сколь возможно поспешить с назначением жалованья дистанчным и некоторых денежных вознаграждений аульным, дабы они видели, что обещание правительства в точности исполняется.

Во время поездки моей по линии я также неоднократно слышал жалобы киргиз на то, что казаки отняли у них все лучшие сенокосные места за линией. Благоразумнейшие из киргиз весьма понимают, что возратить им все, что у них отнято, уже невозможно; но по крайней мере хотя бы сколько-нибудь обеспечить будущее их положение и оградить от дальнейших неправильных притязаний казаков и линейных жителей. В этих видах необходимо бы скорее привести к окончанию находящееся теперь на рассмотрении оренбургского начальства дело о претензии казаков и киргиз на прилинейные земли. Надобно, для отвращения на будущее время подобных споров и всяких насильств со стороны казаков, чтобы права киргиз и казаков на прилинейные места были выяснены и с точностью определены, чтобы каждый знал, что кому принадлежит.

Не могу также при сем не донести, что я вполне разделяю мысли председателя комиссии о большой подвижности султанов-правителей и команд их в летнее время. Мера эта, посылка султан-правителей

в глубь степей (как равно усиление самых команд и приведение их в лучшее положение) состоялась по его представлению и имеет целью упрочение власти нашей в более отдаленных от линии местах, давая с тем вместе возможность приводить к окончанию взаимные претензии киргиз по угону скота и пр., взыскивать удовлетворение за разные убытки, причиняемые иногда купцам; распространять кибиточный сбор и, что в особенности важно, предупреждать вредные действия хивинцев, которые начали было высылать своих зякячекоз к Ори и к самому Илеку. Султан Баймухамед, разделяющий вполне мысли председателя о пользе большой подвижности султанов-правителей, сказывал мне еще, что надлежало бы отряд, который при нем находится от уральского войска (и который ежегодно сменяется) сменить не 1 мая, а 1 апреля⁴, тогда он мог бы двинуться в степь целым месяцем ранее — 15 апреля, а это имело бы ту пользу, что к дальнейшим родам можно бы было подходить в то время, когда после зимы скот их и лошади еще не оправились и следовательно заставить их в более слабом положении и тем сильнее на них действовать в видах приведения в большую покорность русскому правительству. Это замечание о пользе более раннего выхода вероятно касается и до султана-правителя Средней части. Отряды могли бы быть в том же составе, т. е. из 200 человек, но вместо одного орудия, по мнению Баймухамеда Айчувакова, надлежало бы придать два. Разумеется, что цель их не есть делать в степи поиски и действовать там вооруженной рукой, но главная польза от подобных посылок в глубину степей и от отрядов в хорошем их составе есть моральное действие на отдаленных киргиз.

Вот главные сведения, которые я собрал в поездке по части Оренбургской линии (от Оренбурга до Илецкого городка, чрез Илецкую защиту) и которые имею честь представить на благоусмотрение вашего пр-ва. О прочих предметах и вопросах, относящихся до Киргизской же степи, не распространяюсь, так как лично об оных докладывал, равно как и об Оренбургской пограничной комиссии, дела коей я нашел в отличной исправности.

В заключение считаю нужным еще доложить о просьбе, изъявленной проживающими в Оренбурге бухарцами. Просьба эта состоит в том, чтобы пограничная комиссия не отказывала им в покровительстве как азиатцам, не могущим требовать защиты от другого места, и чтобы в случае каких-либо дел их в присутственных местах комиссия отражала в виде депутата, своего чиновника, знающего татарский язык, при котором и должны делаться всякие спросы и объявления азиатцам (как это, по их словам, было прежде, до издания нового положения). Теперь они по незнанию русской грамоты и даже многие по незнанию русского языка находятся, как они мне объяснили, в крайнем затруднении: не знают иногда, что им в означенных присутственных местах объявляют, о чем спрашивают, что заставляют подписывать и т. п. Пограничная же комиссия, без особого разрешения со стороны начальства, считает себя не вправе

⁴ Т. е., чтобы из Уральска отряд к султану-правителю отправлялся до вскрытия Урала, переходя реку еще по льду, а именно: 1 апреля (а не 1 мая, как доселе делалось). Тогда к 15 апреля или ранее отряд был бы у султана и мог бы около того же времени выступить с ним далее в степь.

удовлетворять подобные просьбы бухарцев и других азиатцев, находящихся в Оренбурге, так как в высочайше утвержденном положении ничего о сем не указано. Затем помянутые бухарцы просили еще о дозволении брать в Бухарию своих жен (дочерей русских подданных) и прижитых от них детей. Вопрос этот, сколько мне известно, был уже на рассмотрении Азиатского комитета, по положению коего истребовано было мнение г-на Оренбургского военного губернатора. Мнение однакоже состояло в том, чтобы не дозволить бухарцам вывозить из России жен — дочерей русских подданных и прижитых от них детей.

Имею честь быть и пр.

Подписал **Н. Любимов.**

Верно: столоначальник [подпись неразборчива].

ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2383, л. 3—15 и об. Копия.

Доклад Департамента военных поселений по поводу проекта генерал-губернатора Гасфорта об административном преобразовании в Казахской степи в связи с присоединением Старшего жуза.

1854 г., февраль 19

Министр внутренних дел препроводил на заключение вашего сиятельства представленные генерал-губернатором Западной Сибири проекты разных преобразований в управлении сибирскими киргизами.

Ваше сиятельство изволили приказать, чтобы Департамент военных поселений, по сношению с инспекторским и другими подлежащими департаментами военного министерства, представил свои соображения по тем из предположений г-ла от инфантерии Гасфорта, которые могут иметь отношения до ведомства Военного министерства. (Отношение директора канцелярии Военного министерства, 20 мая 1853 г., № 227).

По проектам г-ла Гасфорта предполагается:

1. Из земель, занимаемых ныне сибирскими киргизами, в числе более 16 000 душ обоего пола на внутренней стороне линии сибирского линейного казачьего войска, по правую сторону р. Иртыша, в округах Тобольской и Томской губерний, образовать особый Внутренний округ сибирских киргиз, с учреждением особого для него управления в г. Семипалатинске, под наименованием Внутреннего окружного приказа сибирских киргиз.

2. По чрезвычайной обширности внутренних округов Киргизской степи, образовать на левом фланге оной (в Семиреченском крае), столь важном в настоящем и в будущем в военном, политическом и финансовом отношениях, особую Алатавскую область, с учреждением особого управления, под названием Алатавского областного управления в г. Семипалатинске, который переименовывается в областной город.

В состав этой области должны поступить нынешние внешние округа Аягузский и Кокпектинский, вновь предполагаемый Внутренний округ сибирских киргиз, Капальский военный округ, который предполагается образовать из Капальской станицы с принадлежащими к ней укреплениями и землями города Семипалатинск, Усть-Каменогорск с крепостью и Бухтарминское укрепление, а также

Большая орда киргиз. Для управления областью назначается военный губернатор, который с тем вместе заведывает всеми войсками, расположенными в области, на основаниях, установленных для пограничного начальника сибирских киргиз.

3. С отделением левого фланга степи, правый фланг оной, состоящий ныне из 5 округов, оставить под управлением нынешним с переименованием всего этого пространства степи в область сибирских киргиз, а пограничного начальника сибирских киргиз в военного губернатора сибирских киргиз. Сверх того, на этом фланге образовать новый округ из восточных частей Акмолинского и Кокчетавского округов, с назначением окружного приказа в станице Улутау и наименованием округа Улутавским. Округ сей должен входить также в состав области сибирских киргиз.

Дежурный г-л главного штаба е. и. в. по рассмотрении означенных предположений отозвался, что в них соображению инспекторского департамента подлежат только статьи, относящиеся до назначения во вновь предполагаемые управления военных чинов, а именно:

1. В управлениях вновь образуемой Алатавской области предназначено иметь из военных генералов, штаб- и обер-офицеров; в областном управлении военного губернатора — товарища его, старшего адъютанта и инженерного офицера; в Капальском военном округе — начальника округа и городничих Капальского, Аягузского и Кокбектинского и во внутреннем окружном приказе сибирских киргиз — окружного начальника; из них предполагается определить и уволить высочайшими приказами только военного губернатора, товарища его и начальника внутреннего окружного приказа сибирских киргиз; определение и увольнение прочих офицеров предоставляется начальству; но ни в проекте штата, ни в проекте положений обозначенных управлений не объяснено, из каких именно войск регулярных или иррегулярных следуют назначать сих офицеров, и если из регулярных войск, то о назначении и увольнении их, по принятому правилу, должно быть объявляемо в высочайших приказах.

2. Начальнику Капальского военного округа присваивается по проекту штата, сверх жалования по чину, 350 руб. сер. столовых денег в год, тогда как исправление сей должности предполагается поручить начальнику старшего в чине из водворенного там сибирского линейного казачьего войска, или сибирского линейного батальона, или же назначить для сего особо штаб-офицера. Таким образом, тот из полковых командиров сибирского линейного казачьего войска или за командиров линейного батальона, которому будет вверено управление Капальским военным округом, получал бы столовые деньги по двум должностям — полкового или батальонного командира и начальника Капальского военного округа.

3. Сторожа в управлениях Алатавской области полагаются по проектам штатов из отставных или бессрочно-отпускаемых нижних чинов, а в случае недостатка таковых людей — из ближайших инвальных команд, но число их и содержание не определяется.

По сим уважениям г-л — адъютант Катенин полагал:

1. Определить положительно в проектах штатов или положений об управлениях Алатавской области, из каких войск должны быть назначаемы в оные военные офицеры, и если из регулярных, то исключить § 16 положения об областном управлении Алатавской области, по которому определение военных и медицинских чинов в это управление и увольнение их предоставляется распоряжением

начальства, и затем предшествующий § 11 положения изложить так:

§ 11. По части военного управления при военном губернаторе состоят старший адъютант, инженерный офицер, аудитор, штаб-лекарь (для заведывания медицинской частью в области) и канцелярия по штату. Из них определяются и увольняются старший адъютант и инженерный офицер высочайшими приказами, а аудитор и штаб-лекарь — своим начальством. Равным образом и в § 4 положения о полицейских управлениях объяснить, что городничие определяются и увольняются высочайшими приказами.

2. Определить в проектах штатов для управления Алатавской области, сколько именно сторожей следует содержать в каждом из них и какое содержание будет производиться им.

3. В проекте штата для Капальского военного округа прибавить примечание, что если обязанность начальника Капальского военного округа будет исправлять штаб-офицер сибирского линейного казачьего войска или из сибирского линейного батальона, то получает содержание, присвоенное занимаемой им должности в казачьем войске или в линейном батальоне.

Департамент генерального штаба уведомил, что в настоящем деле соображению его подлежат только статьи, относящиеся к разграничению земель Киргизской степи, и что все статьи эти, как-то: отделение левого фланга под наименованием Алатавской области в предположенном составе и новое подразделение правого фланга на 6 округов, по его мнению, удовлетворяют географическому положению края, и только желательно было бы, чтобы все предполагаемые границы Алатавской области проходили по возможности по естественным рубежам и живым урочищам, почему оконченная в настоящее время съемка в том крае может представить полные пособия.

Соображение департамента военных поселений.

Департамент военных поселений, рассмотрев предположение г-ла Гасфорта о новом устройстве правления сибирскими киргизами в тех пунктах, где предположения эти имеют отношения к сибирскому линейному казачьему войску, находит:

1. Из положения о внутреннем округе киргиз видно, что в состав оного должны войти земли, занимаемые ими ныне внутри линии сибирского войска, т. е. находящиеся в пользовании войска (§ 1, 126 и 127). Но это может быть допущено в таком только случае, если отвод киргизам этих земель не будет служить стеснением для войска при наделе его узаконенной пропорции земли, для чего учреждена уже в войске особая межевая партия. Условие это, по мнению департамента, следовало бы поместить и в проекте положения о внутреннем округе киргиз, объяснив при том, что границы между землями сибирского линейного казачьего войска и внутреннего округа сибирских киргиз предоставляется определить особой учрежденной в войске межевой партией, которая предположения свои об этом должна представить установленным порядком на утверждение на основании данных ей в руководство правил.

2. С образованием внутреннего округа киргиз и увеличением платимого ими киргизами ясака, предполагается платимую ими сибирскому линейному казачьему войску общую со всех ремонтную пошлину отменить, исключая случаев, когда они будут кочевать на казачьих землях, вознаградив войско, если правительство признает необходимым особой соразмерной суммой и остатков ясачного сбора.

По положению в сибирском войске 5 декабря 1846 г. представлена, между прочим (§ 286), ремонтная пошлина или сбор деньгами и скотом с киргиз, переходящих на зимние кочевки внутрь линии. Общий сбор сей пошлины по смете войсковых доходов на 1853 г. простирался до 21 781 руб. 18 коп. Сколько же в число этой суммы поступило собственно с киргиз, кочующих на внутренней стороне линии, из сметы не видно.

Вообще войсковых доходов на 1853 г. ассигновано 217 271 руб. 50 коп., расходов — 189 688 руб. 18 ³/₄ коп., остатка — 27 583 руб. 31 ¹/₄ коп.

Так как для внутренних киргиз предполагается отвести земли в исключительное их пользование и с тем вместе увеличить ясачный сбор с них почти вдвое, то признавалось бы справедливым отменить поголовную ремонтную пошлину с них в пользу сибирского войска за право кочевки на тех землях и производить оную в том только случае, когда они будут кочевать на казачьих землях, но как в наделе сих киргиз могут поступать занимаемые ими ныне, но состоящие в пользовании войска земли, то признается также справедливым, согласно предположению г-ла Гасфорта, назначить войску соразмерно вознаграждение из остатков ясачного сбора, предоставив войсковому начальству войти об этом в свое время с особым представлением, о чем следовало бы сказать и в самом проекте положения о внутреннем округе киргиз (в примечании к § 86).

3. Внутреннюю стражу в округе предполагается иметь из казаков 7 и 8 полков сибирского линейного казачьего войска сопредельных округу (§ 6). Какие казаки должны быть для этого наряжаемы, служащие или резервные и в каком числе — не объяснено.

По положению о сибирском войске (§ 42), к числу обязанностей его относятся и полицейские обязанности при внешних округах Киргизской степи; поэтому не представляется препятствия назначать казаков сибирского войска и для внутренней стражи в новый округ внутренних киргиз и, притом, служащих казаков, так как с одной стороны, резервные казаки и без того обременены возлагаемыми на них многоразличными обязанностями по войску, а, с другой — служба во внутреннем округе киргиз будет для казаков внешней службой, которая отбывается только казаками служащими. Число же казаков применительно к § 54 войскового положения должно быть определено Алауаискии военным губернатором и утверждено командиром отдельного сибирского корпуса. Согласно сему, следовало бы дополнить § 6 проекта особым примечанием.

4. По § 44 проекта киргизы внешних округов, самовольно вошедшие в пределы внутренних округов Тобольской и Томской губерний, должны быть задерживаемы начальниками казачьих станиц и препровождаемы во внешние окружные приказы. Смысл этого правила вероятно тот, чтобы начальники станиц, чрез которые будут проходить без билетов киргизы внешних округов во внутренний киргизский округ, задерживали их и препровождали во внешние окружные приказы, иначе по буквальному смыслу означенного правила, на станичных начальников возложены были бы такие обязанности, которые исполнить они не в состоянии (т. е. задерживать киргиз, зашедших в округи Тобольской и Томской губерний). Поэтому редакцию означенного § следовало бы изменить. Сверх того в некоторых §§ употребляется неопределенное выражение: «Линейное начальство», ве-

роягню, для обозначения начальства сибирского линейного казачьего войска; а потому было бы не излишне заменить это выражение более точным и определенным.

5. По проекту положения об Алатавской области (§ 9, 25 и § 7, глава о Семипалатинском окружном приказе) все бригадные, полковые и станичные управления сибирского линейного казачьего войска, в этой области расположенные, остаются на существующих установлениях и подчиняются алатавскому военному губернатору на том же основании, как ныне пограничному начальнику; но Капальская станица (§ 5 и § 1, главы о Капальском округе) переименовывается в город и с принадлежащими к ней укреплениями и землями составляет особый военный округ, а при казачьих пикетах дозволяется селиться не только казакам сибирского войска, но и киргизам и оставшим солдатам, с причислением к ближайшим станицам; казачьи селения на Иртышской линии от крепости Железинской до Малонарымска по части судебной подчиняются внутреннему окружному приказу сибирских киргиз (§ 3, глава о Семипалатинском окружном приказе).

Во всех этих предположениях не представляется ничего противоречащего положению 5 декабря 1846 г. о сибирском линейном казачьем войске, ибо части сего войска, входящие в пределы Алатавской области, остаются на прежнем положении. Изменяются только порядок их подчиненности в военном отношении: вместо пограничного начальника — алатавскому губернатору; и в судебном отношении вместо присутственных мест Тобольской и Томской губерний или приказов внешних округов степи внутреннему приказу (Положением 5 декабря 1846 г. § 57, 279 и 280).

Но при этом Департамент военных поселений, имея в виду, что высочайшим повелением 8 сего февраля разрешено учредить новые казачьи поселения за р. Или при возводимом там укреплении на р. Алматы и также на р. Лепсы, и на р. Карабулаке при ур. Урджар, из коих только два последние входят в пределы предполагаемой Алатавской области, полагал бы заилийское казачье поселение по местному положению причислить также к Алатавской области, и согласно тому дополнить § 2 проекта об этой области.

В случае одобрения изъясненных соображений Департамент военных поселений полагал бы сообщить оные, вместе с соображениями Департамента инспекторского и генерального штаба, министру внутренних дел.

Директор г-л — л-т [подпись неразборчива].

Начальник отделения Колчановский.

ЦГВИА СССР, ф. 4, оп. 20, д. 35, л. 23—33 и об. Подлинник.

Рапорт Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой председателю Оренбургской пограничной комиссии по поводу жалоб казахов бершева рода на злоупотребления султана К. Шигаева.

1855 г., декабря 24

При секретном предписании ко мне от 25 ноября № 12 ваше пр-во изволили приложить две жалобы прикаспийских киргиз на советника султана Кучакгали Шигаева о разных поборах и притес-

нениях, деланных им во время устройства 1-го округа, обязывая меня удостовериться под рукой в справедливости этих выводов. Вслед за тем пограничная комиссия при предписаниях от 26 ноября за №№ 15874, 15875 и 15876 препроводила ко мне с той же целью три других прошения, поступивших в оную от тех же киргиз на того же султана.

Ваше пр-во, вероятно, изволите согласиться со мной в том, что сведения, собранные под рукой — голословны и на них трудно основываться в таком деле, которым должна решиться участь человека, тем более такого, который до сего времени пользовался доверием начальства и был им постоянно отличаем. Поэтому я счел нужным, кроме собираемых мной по приказанию Вашему секретно сведений о пределах султана Кучака, получить документальные доказательства о недобросовестности его и, представляя при сем подобные документы, позволю себе утрудить вас подробным положением действий моих по сему поручению и последствий оных.

Его сиятельство граф Василий Алексеевич дал председательствующему Временному совету средства содержать шпионов. Один из этих людей, человек весьма близкий султану Кучаку, по приказанию моему представлял мне об нем следующие сведения.

1. Киргизы бершева рода, джамбурчиева отделения, подотделения садакчи не имели вовсе земли для кочевания и зимовок. Об отводе им участков из лустопорожных земель советом 6 лет сряду предписывалось бывшему родоправителю бершева рода Сеитбатулу Балкину, но приказания эти не были исполняемы. Когда-де полк. Иванин на место Балкина назначил родоправителем означенного рода султана Кучака, то по строгому предписанию совета Шигаев тотчас же отвел киргизам этим кочевья; но при отводе, будто бы ошибочно прирезал значительный участок из земель, которыми до того времени пользовался Балкин. Земли эти хотя впоследствии были возвращены прежнему владельцу, но Кучак взял с него за то два гнедых иноходца, из коих один отлично хорош, двух меринов и один двуличный шелковый халат. С киргиз же за отвод им земли взял одного хорошего случного жеребца, одну кобылу, девять красных шелковых халатов, один хороший ковер, одного рыжего мерина, три белых кошмы, одну лошадь (3-х лет) ¹ и 45 руб. деньгами. Они обязались дать ему 100 руб. сер., но по бедности не могли исполнить этого до сего времени. Так что во время бытности моей в ставке, три старейшины садакчиева подотделения Мандыбай Аксакалов, Иман Медетов и Яшлык Джулдуголов вследствие сделанной султаном Шигаевым угрозы посадить их в каземат ходили ко всем знакомым своим в ставке, со слезами умоляя у них взаймы 55 руб. сер. для уплаты Кучаку; но как люди эти чрезвычайно бедны, то никто им денег не дал. Наконец, я, узнавши об этом через шпиона моего, приказал им успокоиться за счет посажения в каземат и вернуться в аулы.

2. Шпион находился безотлучно при султанине Кучаке во время устроивания им первого округа и, как свидетель, подтверждает, что в это время Шигаев брал под разными предлогами со всех, с кого только можно было что-либо взять: вещами, скотом и деньгами. Старшинские должности продавались им по 100 и даже по 200 руб. сер.

¹ В подлиннике «по 3-му году».

Были даже случаи, что он возьмет с одного, обещаясь определить его старшиной, но потом представит в эту должность другого, если сей последний заплатит ему больше первого.

3. Генерал-губернатор изволил сложить все недоимки с киргиз, поступивших в прикаспийские округа. Султан Кучак, зная распоряжение это, не объявлял и взыскал с киргиз бершева рода, вошедших в состав округов, 571 руб. 43 коп. сер. недоимок, которых, конечно, не представил в совет. Об этой сумме шпион мой может указать на лица, с коих деньги были взяты. Но он вообще полагает, что Кучаком во время устройства первого округа собрано там недоимок до 2000 руб. сер. и утаено.

4. Бершева рода старшина Дюсенбай Тлемисов, кочевавший с подведомственным ему отделением в первом округе, но впоследствии перешедший к камыш-самарским озерам, представил султану Кучаку в сентябре нынешнего года подать со скота в 300 руб. сер., которые Шигаевым утаены. Об этом делается мной секретный розыск. Тлемисов должен иметь квитанции от Кучака в получении сим последним от него означенных денег, которые я вытребываю.

5. На старшин, избранных в первом округе, до сих пор от народа не поступало еще никаких жалоб в совет, но из дел оказывается, что выводы киргиз на Айганиных действительно справедливы: Кучкинбай Куйгильдин действительно оглашается вором и мошенником и Джуламан Дусумбаев подозревается в похищении казенных денег, о чем следствие еще не окончено; о Тулке же Утебаеве и Калдыбае Куванышеве сведений не отыскалось, поэтому должно полагать, что преступления, в коих они оговариваются, совершены ими еще при жизни хана.

Так как Кучак представил в совет подлинные ведомости выборов старшин, с приложенным коным печатями и тамгами избирателей, то я навел справку о состоянии этих избирателей. Богатство, как вашему пр-ву известно, составляет значение в орде. По собранным же сведениям составлена ведомость, при сем представляемая, из которой ваше пр-во изволите усмотреть, что выборы эти утверждены почти исключительно лицами самого бедного класса приморских жителей, стало быть, сделаны совершенно по произволу султана Кучака.

6. Султаном Шигаевым утаено 200 руб. сер. из числа зякетных денег, представленных киргизами бершева рода; а именно:

Взыскано Кучаком рублей серебром	Представлено в совет рублей серебром	Утаено руб- лей сереб- ром
Со старшины Дюсенбая	110 за 1855 г.	70
Баймуратова		
Черкембая Джаманова	22 за 1854 г.	—
Джуламана Бутова		
Байгазы Куйбаова	10 за 1854 г.	10
Утягалия Тастемирова		
	Всего	200

Кучак пронырлив и хитер. По значительному до сего времени влиянию его в совете киргизы считают его одним из главных действователей оного и боятся его; поэтому весьма трудно добиться доказательств незаконным поступкам этого султана. Если бы он каким-либо случаем узнал, что проделки его мне известны и что я принимаю меры к открытию оных, то конечно употребил бы все средства, чтобы помешать успеху моих действий; и устрашенный Кучаком, старшина бершева рода Черкешбай Джаманов вряд ли бы решился передать мне подлинную расписку, при сем представляемую к вашему пр-ву, в получении от него султаном Шигаевым в зякете 282 руб. сер. Между тем, как из дел совета видно, что султаном этим представлено зякетных денег с Джаманова отделения только 168 руб., как ваше пр-во изволите усмотреть из представляемой при сем копии с документа, находящегося в делах совета. Стало быть, он из одного этого отделения утаил казенных денег 114 руб., что вполне подтверждается сделанным мне шпионом моим доносом и дает вероятие прочим показаниям его против султана Кучака.

Наконец, обязан доложить вашему пр-ву, что приказание ваше киргизам прикаспийских округов, чтобы они подавали прошение на султана Кучака отдельно каждым лицом, вряд ли будет произведено ими в исполнение, пока султан этот останется заседающим в совете; тем более, что киргизы напуганы бывшими у них нынешним летом отрядами, побоятся вступить в состояние с таким сильным и значительным лицом, каким они привыкли считать султана Кучака.

Представляя обстоятельства эти на усмотрение вашего пр-ва, имею честь доложить, что, по моему убеждению, необходимо султана Кучакагалия Шигаева, как человека злонамеренного, вредного и в высшей степени наглого взяточника, не только отставить от занимаемых им должностей, но вместе с тем навсегда удалить из орды.

За председательствующего [подпись неразборчива].

ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5431, л. 63—65 и об. Копия.

Журнал главного управления Западной Сибири по поводу оказания помощи казахам-беднякам.

1856 г., мая 31

Член государственного совета, г-н генерал-адъютант Анненков, ревизируя бывшее Пограничное управление сибирских киргиз (ныне Областного правление), между прочим, заметил, что в Уставе общественного призрения (т. XII, ст. 1912—1918) вменено окружным приказам в обязанность увечных, престарелых, сумасшедших и вообще не имеющих возможности пропитать себя трудом, иметь на особом попечении и доставлять им общественное призрение, для чего велено иметь в каждом округе от 5 до 10 кибиток собственно от правительства и построить больничный дом для помещения от 150 до 200 человек, преимущественно бедных и тяжело больных из киргиз, а до постройки сих заведений содержать больных в особых кибитках. Но до ныне ни в одном из 7-ми округов не имеется подобных заведений, почему предложил Пограничному управлению представить генерал-губернатору Западной Сибири обстоятельный проект об устройстве в степи больниц и других благотворительных заведений.

Совет Главного управления Западной Сибири при обсуждении

мер к исправлению беспорядков и упущений, открытых означенной ревизией, журналом 10 января 1852 г. за № 2 обязал Пограничное управление представить в сколь возможно скорейшем времени проект об устройстве в окружных приказах помянутых заведений по мере необходимости и денежных средств.

Пограничный начальник сибирских киргиз в донесениях об успехе мер, предпринятых к исправлению беспорядков по Пограничному управлению, относительно вопроса о благотворительных заведениях изложил следующее: что учреждение в степи больниц для пользования киргиз, не имеющих еще доверия к русским врачам и предпочитающих лечение своими народными средствами, он признает рановременным, полагая достаточным объявить киргизам чрез волостных управителей и аульных старшин, что они могут в случае болезни являться в окружные приказы и получать бесплатно медицинские пособия, для чего и употреблять ассигнуемые ежегодно приказом на больницы 142 руб. 85 ⁵/₇ коп. Впоследствии же, когда киргизы в состоянии будут оценить вполне благодетельные последствия попечений о них правительства и убедятся на деле в пользе меры, принятой к образованию из среды их людей, знающих фельдшерское дело по правилам науки, приступить к устройству больничных заведений, заготовляя исподволь нужные для сего материалы на счет имеющихся в приказах остатков ремонтной суммы.

Бедные киргизы снискивают себе пропитание пастьбой скота, как у своих однородцев, так и на казачьей линии и даже в округах Тобольской и Томской губерний, а совершенно дряхлые и увечные призираются своими единомышленниками, доставляющими им все возможные пособия. Но дабы более привязать народ к обращению с русскими и доказать заботливость о них правительства, г-л—м-р Клейст полагал достаточным обязать окружные приказы и в особенности старших султанов иметь постоянно вблизи самих приказов от 5 до 10 юрт для призрения увечных и дряхлых на счет суммы, отпускаемой на благотворительные заведения и могущей составиться из добровольных приношений, под ближайшим надзором непрямого члена приказа, которому поручить снабжение призреваемых одеждой и пищей, согласно с правилами, установленными в приложении к 1012 ст. XIII т. для заведений приказов общественного призрения.

Совет Главного управления при обсуждении сего обстоятельства нашел, что свойственное всем инородцам недоверие к предлагаемым им от правительства средствам медицинского врачевания доказывался примером больниц, учрежденных в Березовском крае для остяков. Возможность успеха в распространении подобных заведений между киргизами можно иметь, если они будут вверены управлению не русских чиновников, а их же однородцев и если призреваемые в больницах не будут лишены назидания своего духовенства, и что в сих видах можно бы было ожидать гораздо более пользы от поручения учрежденных при приказах приютов для призрения дряхлых и увечных киргиз, вместо непрямого заведения, надзору старшего султана и киргизских заседателей приказа. И потому заключил предоставить г-л—м-ру Клейсту сделать немедленно распоряжение об учреждении при каждом приказе от 5 до 10 юрт для помещения и призрения дряхлых и увечных киргиз с тем, чтобы заведывание этими юртами вверено было киргизским заседателям и

старшим султанам и чтобы в расходах на снабжение призреваемых одеждой и пищей не было допускаемо никакого излишества, несовместного с их бытом и потребностями.

Ныне и. д. военного губернатора области сибирских киргиз представил на усмотрение и утверждение г-на генерал-губернатора (от 7 мая за № 968) предположения Областного правления о мер:х к доставлению призрения дряхлым и увечным киргизам. Из сего донесения, как равно и из производившейся по сему предмету в Главном управлении переписки, видно следующее: Окружные приказы, по получении указов Областного правления об устройстве при оных на счет сумм, отпускаемых на содержание благотворительных заведений, и на счет капитала, могущего составить из добровольных приющений юрт для призрения убогих киргиз, объявили через старших султанов и почетнейших лиц киргизскому народу об означенном предложении правительства и по мере поступления от старших султанов отзывов, представляли в Областное правление донесения по сему предмету, а именно:

Баян-Аульский приказ, имея в виду, что в 1853 г. состояло на лицо ассигнуемой ежегодно на ремонт зданий суммы 1793 руб., спрашивал Областное правление, сколько из сей суммы уделить на устройство благотворительных заведений, причем приказ представил смету, по которой на построение одной юрты и на заведение одежды и обуви для одного человека исчислено по 55 руб. 95 коп. Областное правление приняло эти сметы к делу впредь до получения таковых из прочих приказов.

Каркаралинский приказ донес, что для помещения бедных киргиз народ пожертвовал безвозвратно три юрты со всем к ним прибором, объявив впрочем, что дряхлые и увечные не будут допускаемы к помещению в эти юрты, так как они получают пропитание и одежду в самих волостях. По смете сего приказа стоимость одной юрты вместе с одеждой и обувью для одного призреваемого исчислена в 32 руб. 3 коп. сер.

Акмолинский приказ. Что старший султан, доставив в приказ пожертвованные народом две юрты, отозвался, что народ не согласился на большие приношения и что более сих юрт, по мнению его, дающихся в призрени, нет, как отозвались волостные управители, Джилаева, не нужно вовсе, ибо дряхлых и увечных киргиз, нужны если и есть в их ведении бедные киргизы, то таковые содержатся зажиточными их родственниками. На заведение же одной юрты и одежды с обувью для одного киргиза, по сметам сего приказа, исчислено 73 руб. 80 коп. сер.

Киш-Мурунский приказ. Что по убеждению старшего султана каждой волостью сего округа доставлено в приказ по одной юрте, всего — 6, а для бедных и увечных пожертвовано народом 211 руб. 16 коп. сер., сметы же на устройство юрт, вероятно, по мнению оных, для каждой волости с наличности, приказ не представил.

Кокчетавский приказ — что киргизами сего округа пожертвовано 17 руб. 30 коп. для призрения дряхлых, сверх этого, управители 7 волостей обязались подписками приютить дряхлых и увечных своих родовичей, но не в отдельных юртах при приказах, а на тех урочищах, которые они намерены отвести для бедных, и заняты сих последних хлебопашеством, для чего изъявили готовность сделать пожертвование скотом, земледельческими орудиями, семенами и пр.

Бий же Качкынбай Коччагурев объявил присутствию, что он для примера другим добровольно принимает на себя следующее: 1) всех бедных и увечных киргиз Андагуль-Ораз-Баймбетевской вол. устроить на собственных его урочищах; 2) приготовить к весне 1854 г. потребное количество семян, земледельческих орудий и скота для вспахивания земли безвозвратно; 3) по возможности и времени выстроить потребное количество домов с прислугами и устроить ветряную мельницу и 4) для обучения киргиз земледелию, постройкам и обращению с мельницей, нанять на свой счет людей. Но исполнены ли в какой мере эти предположения, неизвестно.

По рассмотрении таковых донесений окружных приказов, Областное правление нашло, что так как производимая уже несколько лет с окружными приказами переписка по предмету устройства при оных юрт для приюта дряхлых и увечных киргиз не привела ни к какому результату, и из нее виден почти общий отзыв киргизских родоначальников, дряхлые и увечные киргизы, по их обычаям. призываются или родственниками или другими зажиточными киргизами. Весьма же немногие сделали для этой цели пожертвование деньгами и юртами, именно деньгами в округах: Кокчетавском — 14 руб. 20 коп., Киш-Мурунском — 218 руб. 11 коп. и юртами: в Акмолинском — 2-я, Киш-Мурунском — 5-ю и Каркаралинском — 3-я, то по сему и принимая во внимание, что учреждение при приказах юрт для приюта дряхлых и увечных киргиз по ограниченности средств приказов не может обеспечить всех нужд и потребности призываемых как относительно надзора за ними, так и в содержании их, что по привязанности киргиз к кочевой жизни всякое о немощных попечение, при условии водворения их на одном месте, было бы для них крайне тягостно, и что, наконец, благотворители, находясь вблизи призываемых, имеют всю возможность помогать им своими средствами. По журналу сему, состоявшемуся 22 марта сего года, заключено учинить следующее: 1. Вместо устройства юрт при приказах для приюта дряхлых и увечных киргиз, оставить призрение их на существующем между киргизами положении, для чего, обратив пожертвованные юрты в распоряжение волостных управителей, предписать приказам предоставить киргизам для надзора за призываемыми избрать из среды себя почетнейших людей в качестве попечителей до 4-х человек с каждой волости. Обязанностью их будет кроткими и благоразумными внушениями своим родовичам стараться склонять их к помощи ближним и добиться об удовлетворении необходимых потребностей оных. 2. Если бы в какой-либо волости благотворительные средства оказались недостаточными, то пополнять оные из сумм, на этот предмет в приказах имеющихся; по сему вышеупомянутые попечители чрез волостных управителей должны благовременно доносить об этом приказам, которые, насколько не медля, обязаны сообщить нужды призываемых и отпущать в распоряжение попечителей необходимое количество денег при шнутовых книгах; книги сии, по израсходовании денег, должны представляться в приказы для контроля; причем, внушить приказам, что выдача денег на означенный предмет, ограничиваясь одной необходимой потребностью, ни в каком случае не должна превышать ассигнованной в приказы суммы. Пособия от казны должны служить лишь дополнением к добровольным пожертвованиям ордынцев. Если бы сумма сих пожертвований не удовлетворяла, то на расхо-

дование денег и скота, жертвуемых киргизами для призрения дряхлых и узечных, не должно быть никакого ограничения со стороны приказов, и контроль попечителей в сем отношении предоставит обществу почетнейших и уважаемых в волости ордынцев. 3. Волостным управителям, киргизским заседателям и старшим султанам вменить в непрременную обязанность во время разъездов по делам службы в волостях и аулах вникать внимательнее в настоящий предмет и удостоверяться, каким успехом возложенное на попечителей поручение сопровождается, стараясь и со своей стороны содействовать всеми зависящими от них средствами к достижению желаемой правительством цели. 4. За сим производящуюся переписку о заведении при приказах юрт прекратить.

Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 3, д. 3831, л. 342—353. Отпуск.

Предписание командира отдельного оренбургского корпуса Катенина управляющему присырдарьинскими казахами надворному советнику Осмоловскому о поощрении казахов, отличившихся в работах по улучшению фарватера на р. Сырдарье.

1857 г., июня 24

Начальник Сыр-Дарьинской флотилии рапортом от 28 минувшего апреля за № 111 донес предместнику моему, генерал-адъютанту графу Перовскому, что ваше высокоблагородие, возвратив капитану 2-го ранга Бутакову 400 руб. сер., доставленные вам для удовлетворения киргиз, работавших минувшей осенью на прорытии перешейков Джаман-Дарьи и расширении протока Киткан-су, отзывались, что исполнить этого невозможно по следующим причинам:

«Работы по прорытиям производились киргизами, сменявшимися ежедневно, как местными, т. е. игинчами сыр-дарьинскими, так и прикочевывающими в район форта Перовский на зимовки, а потому удовлетворение их было бы до чрезвычайности мелко, и могло бы возбудить много неудовольствий, ибо по числу обратившихся работников правильная раскладка этих денег невозможна, что понимают и сами киргизы. Притом еще неизвестно, до какой степени эти прорытия удовлетворяют своей цели».

Вследствие этого вы объявили киргизам, что работы производились ими бесплатно.

Считаю нужным уведомить вас, что я нахожу распоряжение это совершенно несправедливым, потому что удовлетворение рабочей платой хотя тех ордынцев, которые кочуют ныне по р. Сыр-Дарье, как бы оно ни было мелочно, во всяком случае уменьшит число недобольных, к которым наверное принадлежат ныне все работавшие на Джаман-Дарье киргизы. Я убежден, что хотя киргизы понимают невозможность правильного удовлетворения их в настоящее время, тем не менее они видят несправедливость в отказе им платы и понимают, что во всех встреченных ныне затруднениях они ни мало не виновны. Что же касается до результатов прорытия перешейков на Джаман-Дарье, то они могут зависеть от степени основательности самого предположения этих работ, а никак не от работавших киргиз, которые не могут подлежать ответственности в случае неудачи. К тому же по смыслу § 45 инструкции чиновнику МИД киргизы не могли быть высылаемы на работу без вашего наряда, следовательно,

вам должно быть известно, от каких аулов и какое число киргиз ежедневно обращалось на работах.

Предлагаю вашему высокоблагородию приступить немедленно к изысканию средств вознаграждения ордынцев, участвовавших в сканных работах и ныне кочующих по р. Сыр-Дарье, имея в виду удовлетворение впоследствии при удобном случае, например, по возвращении на зимовки или прикочевании к р. Сыру, и тех аулов, которые ныне значительно удалены. О последующем вы имеете мне донести, с объяснением, на каких условиях были вами нанимаемы киргизы минувшею осенью.

Вместе с сим, капитану 2-го ранга Бутакову предписано доставить в ваше распоряжение ассигнованную на вышесказанные работы сумму.

Я надеюсь на вашу распорядительность.

Генерал-адъютант Катенин.
Исправляющий должность начальника штаба
г-л—м-р Бутурлин.

ЦГА КазССР, ф. 383, оп. 1, д. 40, л. 8—9 и об. Копия.

Из отчета Оренбургской пограничной комиссии за 1857 г.

Выручка киргиз от обмена скота на линии. Кроме скота, пошедшего на убой для местного продовольствия, киргизы зауральской орды доставили в течение 1857 г. на меновые дворы оренбургского таможенного округа следующее оного количество:

Верблюдов	180
Лошадей	5189
Рогатого скота	12 107
Коз	3205
Баранов	378 273

Всего: 398 954 головы, что хотя и составляет само по себе весьма значительную цифру, но тем не менее пригон 1857 г. уступает 1856 г. на 91 550 голов. Причиной такого уменьшения можно считать огромный урон, действительно понесенный киргизами в стадах своих зимой 1855—1856 гг., но приняв в соображение, что летом 1856 г., т. е. вслед за помянутым бедствием, киргизы доставили на меновые дворы то же количество скота, какое было пригнато и в 1855 г. (491 804 головы), помянутая причина едва ли окажется состоятельной, и меньший против 1856 г. пригон скота едва ли не вернее будет объяснять высокими ценами на этот предмет в 1857 г., вследствие чего за 400 000 голов скота в сем году ордынцы выручили более, нежели за 500 000 в 1856 г., а именно в 1856 г. киргизы взяли за свой скот на меновых дворах, по таможенным сведениям, товарами и деньгами на 1 049 874 руб. 95 коп., тогда как в 1857 г., по тем же сведениям, выручили они 1 157 424 руб. 19 коп., или на 107 549 руб. 24 коп. более, а так как в 1857 г. сбыто было зауральским киргизам с линии: верблюдов 581, лошадей 5305, рогатого скота 530 и баранов 507 голов на сумму в 46 596 руб. 50 коп. или на 4238 руб. 5 коп. более, чем в 1856 г., то всей прибыли от продажи живого скота на линии

приобретено в 1857 г. киргизами на 1 110 827 руб. 69 коп. по таможенной оценке, а в действительности гораздо более.

Из отчетов настоящего и за два предшествовавших года видно, что верблюды и лошади не составляют, таким образом, для зауральской орды выгодного предмета мены с линией, ибо сколько их пригоняется из степи, столько же почти и сбывается туда, главная же прибыль получается ордынцами от продажи баранов и отчасти рогатого скота.

Выручка киргиз от обмена по линии сырых произведений своего скотоводства. Произведений скотоводства своего променяли киргизы на линии в том же 1857 г.:

мерлушек 595 042 шт. на 63 822 руб. 88 коп.
кож сырых 255 141 шт. на 107 067 руб. 72 коп.
шерсти разной 33 503 п. 35 ф. — 45 685 руб. 10 коп.
пуху козьего 972 п. 12 ф. — 4606 руб. 50 коп.
сала 4091 п. 4 ф. — 5406 руб. 61 1/2 коп.

Итого: 226 588 руб. 81 1/2 коп.

или на 5547 руб. 47 1/2 коп. менее, чем в 1856 г., который впрочем, по мене этими статьями превосходил целый ряд предшествующих годов и большее против 1857 г. количество кож (321 870 шт.) представил на мену вследствие бедственного тогда падежа.

Выручка киргиз от обмена на линии произведений собственной промышленности. Единственные изделия киргиз, составляющие видные статьи промена на линии, суть кошмы, армячины и армяки, товара этого променено было ими в 1857 г.:

кошм 5575 шт. на 5385 руб. 25 коп.
армячины и армяков 10 210 шт. на 7696 руб. 45 коп.

Итого: 13 081 руб. 70 коп.

или на 3663 руб. 3 коп. менее, чем в 1856 г.

Общее заключение о торговле киргизскими произведениями на линии. Следовательно, о ходе меновой торговли зауральских киргиз на оренбургской линии можно сказать положительно, что она, значительно разившись в последние годы, была в 1857 г. по количеству промененных предметов слабее, нежели в 1856 г., а по итогу выручки значительно превосходила его, следовательно, была крайне выгодна для ордынцев.

Потребление киргизами русских товаров. Взамен своих произведений киргизы, как и всегда, брали преимущественно муку и макуфактурные товары, наши и азиатские произведения. Хлеба разного отпущено было в 1857 г. через линию в степь 668 568 п. на 193 323 руб. 46 коп. или на 16 933 п. и на 37 373 руб. 44 коп. менее, чем в 1856 г.; азиатских бумажных и других изделий на 29 139 руб. 5 коп. или на 1083 руб. 24 коп. менее сравнительно с 1856 г., сколько же, затем выменено киргизами на линии русских товаров, фабричных и заводских, определить нельзя, так как по таможенным ведомостям отпуск этих товаров в степь показывается слитно с отпуском в Среднюю,

Азию. Значительное уменьшение вывоза с линии в 1857 г. хлеба в зауральскую орду должно отнести частью к тому, что киргизы не испытывали в том году урона в стадах, следовательно не нуждались сильно в хлебной пище, а частью к тому, что усобица, происходившая в Хивинском ханстве, сделалась в течение 1857 г. слабее, почему некоторые киргизы, кочующие ближе к Хиве, могли обратиться за хлебом по-прежнему на тамошние рынки.

Изменение в характере меновой торговли. Говоря о меновом торге киргиз с линией, должно заметить также, что мена товара на товар ныне почти совсем уже вышла из употребления; требуя и получая деньги за свой скот и прочий товар, на деньги же покупают теперь киргизы как хлеб наш, так и фабричные произведения. Перемена эта, служа указанием на развитие киргиз в торговом деле, много избавила их также и от обманов, сопровождавших прежде мену товар на товар у ловких и недобросовестных промышленников линии.

Торговля киргиз с среднеазиатскими областями. Но кроме торговли на Оренбургской линии зауральские киргизы ведут еще очень значительный торг со смежными владениями Средней Азии, преимущественно с Бухарой и Хивой, куда гоняют стада баранов своих и возят произведения степного хозяйства: кошмы, паласы и т. п., выменивая на это хлеб, халаты шитые, бязи, выбойку и прочие необходимые в киргизском быту предметы. В Бухару ходят почти исключительно киргизы сырдарьинские и из юго-восточной части степи, а в Хиву — адаевцы, чумичли-табынцы и некоторые чиклинцы, т. е. киргизы юго-западной части степи. О количестве товаров, вращающихся в этой торговле, и сумме, на которую простираются ее обороты, не имеет комиссия никаких положительных сведений. Кроме продажи произведений собственного хозяйства, некоторые из состоятельных киргиз занимаются даже торговлей как промыслом, т. е. торгуют не своими, а чужими произведениями, доставляя русские товары в Бухару и Хиву и вывозя оттуда азиатские на оренбургскую линию. Одни из этих ордынцев ведут торг на собственные капиталы, другие, как комиссионеры, русских купцов...

<... >

Кибиточный сбор

III. Денежные и другие повинности

Кибиточного сбора с зауральских киргиз поступило в 1857 г. собственно за тот год с 114 232 кибиток 170 689 руб. 39½ коп. и недоимок за прежние годы с 5409 кибиток 8082 руб. 33 коп., против предшествовавшего 1856 г. это составляет по сбору самой подати на 10 797 руб. 88½ коп. более, а по сбору недоимок на 22 097 руб. 52¼ коп. менее. Недоимок собрано менее потому, что за большей уплатой их в 1856 г. и прощением остальных по всемиростивейшим манифестам самая недоимка за 1856 г., подлежащая к уплате в 1857 г., была весьма незначительна. Но кроме того: а) к сумме сбора за 1857 г., простирающейся, как показано, до 170 689 руб. 39½ коп., должно причислить еще 12 894 руб. за 8596 кибиток, собранные уже, но или не поступившие в комиссию в течение 1857 г. или записанные предварительно по книге ее о суммах передаточных; и б) подать с

276 кибиток за 1857 г. в количестве 414 руб., внесенную ранее срока в декабре месяце 1856 г. и потому причисленную к сбору сего последнего. Из этого оказывается, что сбор покибиточной подати за 1857 г. превосходит сбор 1856 г. на 24 105 руб. 88½ коп. или на 15%, тогда как сбор 1856 г. далеко, в свою очередь, превосходит сборы всех предшествовавших годов. Значительной частью этого успеха комиссия обязана ревизии кибиток, произведенной по распоряжению ее в восточной части орды зауряд сотником Байдилом Кейкиным и сотниками Махмудом и Сеидом Джантюриными, которые открыли 1310 пропущенных от сбора кибиток.

Сбор за билеты, выдаваемые на киргизских работников отлучку из орды. Сбор за билеты, выдаваемые киргизам на отлучку из орды и линейным жителям на держание работников из киргиз, падающий по сему на последние лишь косвенным образом, вращался в последние годы, как уже сказано, около 40 000 руб., в 1857 г. возвысился он вдруг на значительную против предшествовавших лет сумму, ибо простирался до 45 619 руб. 23 коп. собственно за билеты и до 1602 руб. 70½ коп. сер. штрафных и поденных за просрочку билетов и держание безбилетных работников. Сравнительно с 1856 г. это составляет по самому сбору—на 7246 руб. 6¾ коп., а по штрафным и поденным взысканиям—на 726 руб. 87½ коп. более.

Поставка верблюдов и подвод в казенные транспорты и отряды, отправляемые в степь. Поставка верблюдов в казенные транспорты и отряды, о которой упомянуто выше как о доходном для киргиз промысле, есть в прямом смысле тоже и повинность, ибо хотя верблюды и требуются от киргиз за плату, но плата эта определяется самой казной и верблюды поставляются к походу посредством уравнительной, по распоряжению главного в орде начальства, раскладки этой повинности на целые ордынские общества. В 1857 г. по приказаниям главного начальства оренбургского пограничного края выставлено было верблюдов:

	Из Восточной части	Из Средней части	Из Западной части	Итого
1) Под тяжестью казачьих отрядов султанов-правителей при передвижении их по степи с мая на все лето и часть осени	65	65	65	195
2) Под транспортировку тяжестей отрядам, высланным с линии в степь для наблюдения за мятежными киргизами и поисков за ними				
В апреле из г. Оренбурга, крепости Орской и станции Калмуковской	—	705	225	930
В мае из г. Оренбурга, крепости Орской и Уральского укрепления	—	2330	350	2680
3) Под тяжестью ученой экспеди-				

ции, выступившей из г. Оренбурга под начальством магистра Северцева в июле	—	47	—	47
4) Под транспортировку разного рода казенных тяжестей из г. Оренбурга в Уральское укрепление и в форт № 1 на сыр-дарьинской линии.	—	130	—	130
Итого:	65	3277	640	3982

Условия найма, кроме общей оговорки, чтобы на каждых 6 вьючных верблюдов иметь бесплатно одного запасного и по одному погонщику, были следующие:

1. Относительно 195 верблюдов под казачьи отряды султанов-правителей — по 15 руб. сер. за верблюда на все лето.

2. Относительно 3657 верблюдов, выставленных в отряды, казенные транспорты и ученую экспедицию, по 5 руб. сер. в месяц.

3. Относительно 130 верблюдов, поставленных для извоза казенных тяжестей в октябре, цена за вьюк на одного верблюда (средним числом 16 п.) до Уральского укрепления — по 5 руб., и до форта № 1 — 9 руб. сер., за тех же верблюдов, которые должны были идти под тарантасами чиновников, отправлявшихся на сыр-дарьинскую линию, — по 15 руб. сер. за верблюда. Наем всех этих верблюдов возложен был непосредственно на пограничную комиссию и обязательства, киргизами заключенные, выполнены ими в точности.

Поставка вестовых, вожakov и посыльных в те же транспорты и отряды. Кроме верблюдов с погонщиками, в отряды и транспорты нанимались еще, по распоряжению главного пограничного начальства, вестовые, вожак и посыльные, с платой по 5 руб. сер. жалованья в месяц и выдачей всем провиантского довольствия мясом и крупой в натуре, и наградных денег в условленном количестве (от 5 до 15 руб. сер.) за исправное доставление бумаг до места назначения или благополучное доведение транспорта и команд до пунктов их следования. Число нанятых, таким образом, вестовых вожakov и посыльных простиралось в 1857 г. до 70 человек.

Сверх того, к каждому отдельному транспорту верблюдов назначался особый караван-баш из почетных ордынцев, которому производились на поход довольствия натурой и жалованье по 25 руб. сер. в месяц. Караван-башей этих нанято было в 1857 г. всего 7 человек.

Пенсионный капитал и выдачи из оного ордынцам. Службы и повинности, отправляемые киргизами зауральской орды, не остаются, впрочем, без вознаграждения со стороны правительства. Кроме платы, получаемой ордынцами за сии службы и за поставляемых верблюдов, и наград, выдаваемых особенно отличающимся на этих службах, по положению и штату 14-го июня 1844 г. для постоянного вспомоществования киргизам, приносившим пользу правительству долговременной службой по ордынскому управлению или другими заслугами, выходящими из ряда обыкновенных, также убитым и изувеченным в военных делах и пр. и семействам этих киргиз, образо-

ван при комиссии особый пенсионный капитал, составляющийся из остатков от сумм штатного назначения на помянутое управление и обращающийся из процентов в кредитных установлениях.

Капитала этого, отправленного в сии установления, было там до 1857 г. — 95 200 руб. и на него причиталось процентов по 1 января 1858 года 41 807 руб. 74 коп., с которыми капитал пенсионный и составлял по то число 137 007 руб. 74 коп.; в 1857 г. усилен он был сверх того присоединением к нему по заключении счетов за 1856 г. остатками от разных штатных сумм комиссии в количестве 7326 руб. 78½ коп. сер. Из этого капитала получало пенсию и пособия до 1857 г. 47 семейств ордынцев или 145 душ обоего пола в количестве 5252 руб. 39¼ коп., да в 1857 г. исходотайствованы подобные пособия 3-м семействам, из 6-ти лиц состоящим; таким образом, к 1-му января 1858 г. было на пенсии 50 семейств или 151 душа обоего пола, а количество пенсии, им производимой, простиралось до 5592 руб. 39¼ коп.

ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5173, л. 13—15 об., 18—20 об. Копия.

Циркуляр начальника Сибирского таможенного округа начальнику Усть-Каменогорской заставы о запрещении чиновникам грабить казахов во время обысков.

1858 г., апреля 11

Имея сзедение, что чиновники и нижние чины таможенной стражи, производя обыски в киргизских юртах, отбирают у киргиз платье и другие домашние вещи, бывшие уже в употреблении и потому не составляющие товаров, предписываю Усть-Каменогорской заставе строго подтвердить чиновникам и нижним чинам таможенной стражи, чтобы они в отклонение безвинного стеснения и возникающих чрез то жалобы от киргиз, не отбирали у них бывшие в употреблении платье и другие домашние вещи, когда нет в виду ясных доказательств о тайном водворении оных.

• Действительный статский советник (подпись неразборчива).

ЦГА КазССР, ф. 799, оп. 1, д. 57, л. 1 и об. Копия.

Из отчета Семипалатинского областного правления за 1860 г.

ОТДЕЛЕНИЕ I. ПРОСТРАНСТВО И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Пространство земли. Пространство области, по неизмерению ее и не означению с точностью границ, не определено. Во внутреннем составе области никаких перемен в течение отчетного года не было.

Народонаселение. Состояние народонаселения в Семипалатинской обл. в 1860 г. выражается в следующих цифрах.

К 1 января 1860 г. числилось

98 340 муж.
82 830 жен.

К 1 января 1861 г. числится

98 087 муж.
85 816 жен.

Народонаселение в Семипалатинской обл. в течение отчетного года увеличилось на 1733 обоего пола. Увеличение это последовало от большого числа родившихся над умершими, но в мужском поле отдельно последовало уменьшение на 253 души по случаю передвижения войск в укрепление Верное Семипалатинской же обл., которое в настоящий отчет не входит.

Распределение жителей по состоянию и другие подробности о народонаселении означены в табели под № 1 и ведомости под № 2, при сем прилагаемых.

НАРОДНЫЕ СОСЛОВИЯ

Дворянство. В Семипалатинской обл. дворян, составляющих сословие, нет, помещичьих же крестьян, временно проживающих в области: а) занимающихся торговлею по доверенностям от купцов— 20 и б) дворовых людей, находящихся у разных лиц в услужении, обоего пола — 5, что и означено в табели под № 1.

Купцы и мещане. Купцов и мещан в 1860 г. числилось в Семипалатинской обл.: купцов — 1367, мещан — 3339.

Государственные крестьяне. Государственных крестьян в Семипалатинской обл. в 1860 г. считалось 2877, сверх того, крестьян заводских — 5.

Иностранцы. Число иностранцев, именуемых сибирскими киргизами, ташкентцев и заграничных выходцев в 1860 г. в Семипалатинской обл. было следующее: оседлых — 1599, кочевых — 144 162, бродяг нет, итого 145 761.

К оседлым иностранцам принадлежат ташкентцы, татары и заграничные выходцы, кочевыми же иностранцами называются сибирские киргизы; быт этого племени кочевой, буколический, и все его народные предания делают для него этот быт священным. Самые средства к существованию киргиз находятся в непосредственной зависимости от их кочевого быта: пищу, одежду, жилище и топливо — все это дают киргизу его стада и с изменением этого быта ему невозможно было бы найти в степи какие-либо другие средства к жизни, потому что хотя некоторые из киргизов и занимаются хлебопашеством, но в самых незначительных размерах.

Казачи. К сословию гражданского населения Семипалатинской обл. принадлежат также отставные Сибирского линейного казачьего войска 1781, в числе показаны 40 казаков Томского казачьего городского полка, проживающие в станицах Семипалатинского округа для охранения казенных соляных озер, что означено в табели под № 1.

ОТДЕЛЕНИЕ II. ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И СОСТОЯНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

Разделение жителей по вере. Население в Семипалатинской обл. в 1800 г. состояло:

Из христиан	Обоего пола
православного исповедания	32 214
римско-католического	110
лютеранского	18
других исповеданий	4

Итого: 182 459

Православных церквей в 1860 г. было 17, более против 1859 г. 1 церквою, вновь строящейся в г. Кокпектах, часовень — 12, магометанских же мечетей — 16.

Раскольники. Раскольников в Семипалатинской обл. нет.
<...>

ОТДЕЛЕНИЕ IV. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

О промышленности вообще. Промышленность жителей Семипалатинской обл. в настоящее время еще очень далека от той степени развития, которой могла бы достигнуть по местным условиям. По отдаленности ее от средоточия торговой деятельности государства она находится почти в застое, как между русскими, так в особенности между киргизами и состоит вообще в хлебопашестве и скотоводстве. А ежели жители и занимаются в некоторых местах рыбной ловлей, огородничеством и пчеловодством, то в самом небольшом размере, более для собственного употребления, нежели для продажи. Народ же бедного класса, в том числе и киргизы, занимаются сверх того выделкой для местного употребления. Из всех отраслей промышленности первое место занимает, как и прежде, постоянно сельское хозяйство в двух главных видах — земледелии и скотоводстве.

Земледелие. Хлебопашество более всего развито в округах Сергионовском и Кокпектинском. Урожай хлеба в отчетном году не везде был удовлетворительным, так что цены в некоторых местах на хлеб и другие жизненные потребности противу минувшего года значительно возвысились, при этом прилагаются ведомости о состоянии земледелия и о ценах на жизненные потребности под № 10, 11, 12, 13 и 14.

Хлебных запасных магазинов в Семипалатинской обл. — 1, принадлежащий Каюнирскому сельскому обществу (Внутреннего Семипалатинского округа). В магазине этом к 1 января отчетного года было 256 четвертей ярового хлеба, который согласно разрешению генерал-губернатора Западной Сибири, изъясненному в указе Семипалатинского областного правления от 27 апреля 1860 г. за № 3289 выдан в ссуду крестьянам означенного общества; хлеб этот по окончании уборки с полей в сем году жителями будет сполна внесен. Денежных запасных капиталов не имеется.

В 1860 г. в Семипалатинской области было: лошадей — 304 490, рогатого скота — 167 687, овец простых — 1 335 857, овец тонкорунных — 332, коз — 5 804, свиней — 1705. О числе скота в области прилагается при сем ведомость под № 27.

Звериный и рыбный промысел и пчеловодство. Звериным промыслом преимущественно занимаются во внешних округах Семипалатинской области киргизы и сбывают звериные шкуры: лисьи, волчьи сурковые и прочие купцам Семипалатинской обл., которые в свою очередь перепродают их на Ирбитской ярмарке. Рыбным же промыслом, а также пчеловодством хотя и занимаются некоторые из жителей Семипалатинской обл., но в самом небольшом размере по неимению рыболовных и пчеловодных мест и то только для собственного употребления, а не для продажи.

Извозничество. Извозничеством жители Семипалатинской обл. хотя и занимаются, но весьма немногие.

Горный промысел. Казенных горных промыслов в Семипалатинской обл. нет, а принадлежащих частным лицам имеется 8, на которых в 1860 г. добыто золото 7 п. 12 ф. 20 з. и 28 д., более против 1859 г. на 1 п. 2 ф. 90 з. и 95 д. О количестве промытых золотосодержащих песков и добытого из них золота прилагается при сем ведомость под № 36.

Заводы и фабрики. Фабрик и заводов, замечательных по количеству и качеству изделий, в области вовсе нет, а на ныне существующих 14 кожевенных, 9 мыловаренных и свечных заводах обрабатываются изделия, получаемые частью от местных жителей и из Киргизской степи. Изделия сбываются с заводов Семипалатинских и Коряковского большею частью на Ирбитской ярмарке и частью — местным жителям, или в Киргизскую степь как и из других заводов иногда на деньги, а большею частью меною на азиатские товары и скот. На всех этих заводах выработано разных изделий в 1860 г. на 81 886 руб. 80 коп. более против 1859 г. на 5326 руб. О заводах прилагается при сем ведомость под № 26.

ТОРГОВЛЯ

а) Внешняя торговля. Торговые сношения наши с Западным Китаем в 1860 г. были следующие: чрез Семипалатинскую пограничную таможенную и подведомственные ей заставы, из китайских городов Кульджи и Чугучака провезено разных товаров на 174 632 руб. 15 коп., более против 1859 г. на 76 830 руб. 91³/₄ коп., из азиатского города Ташкента на сумму 25 641 руб. 57 коп., менее против 1859 г. на 29 114 руб. 74³/₄ коп. и из Киргизской степи на 194 943 руб. 92³/₄ коп., менее против 1859 г. на 7112 руб. 98¹/₃ коп., и прогнато скота на 83 040 руб. 75 коп., менее против 1859 г. на 22 793 руб. 50 коп., всего же провезено и прогнато разного рода скота на 478 258 руб. 39³/₄ коп., более против 1859 г. на 17 809 руб. 68³/₄ коп. и вывезено товаров российского произведения в Киргизскую степь на сумму 516 447 руб. 30¹/₂ коп., в китайские города Кульджу и Чугучак на 109 468 руб. 83 коп. и в азиатские города Бухару и Ташкент на 80 093 руб. 53¹/₂ коп., всего на 706 009 руб. 67 коп., менее против 1859 г. на 504 263 руб. 57 коп. Оборот торговли и количество пошлин в отчетном году, против 1859 г., увеличился незначительно, оттого что иностранцы, ведущие торговлю с российскими купцами, возвысили цены на свои товары. Привоз же из китайских городов Чугучака и Кульджи чая кроме принятого от китайцев в вознаграждение убытков фактории, был мал оттого, что русские купцы, производящие торговлю в Китае, почти не имеют возможности с выгодою для себя сбывать чай на ярмарках по причине возвышения на оный покупных цен в Китае и понижения продажных внутри, а бухарцы и ташкентцы находят некоторую выгоду привозить в небольшом количестве один только кирпичный чай. Байхового же вовсе не привозят потому, что торговлю эту совершенно вытеснила положенная на них двойная пошлина, которая в сложности с стоимостью чая в Китае и привоза оттуда на 30% выше продажной цены, существующей в России, почему и торговля чаем может развиваться только в таком случае,

если за провозимый азиатцами чай будет по-прежнему взиматься не более как 20% выше одинаковой пошлины.

б) *Внутренняя торговля, ярмарки.* Внутренняя торговля Семипалатинской обл. в 1860 г. на ярмарках, как и прежде, была незначительна. Число ярмарок в отчетном году против 1859 г. не изменилось. Из числа 7 ярмарок производилась торговля только на 3-х: в г. Усть-Каменогорске — на Андреевской, в станице Коряковской — на Николаевской и в г. Капале — на Козымо-Демьяновской. На все эти ярмарки привезено было товаров на 46 657 руб. 37 коп., более против 1859 г. на 26 224 руб. 75 коп. Об ярмарочных оборотах прилагаются при сем ведомости под № 18 и 25.

Жупеческих капиталов. <...> Сумма объявленных капиталов простиралась до 344 000 руб., менее против 1859 г. на 55 800 руб.

Судоходство. Судоходство могло бы производиться собственно в области по Иртышу и в Большой Орде, по р. Или, но таковой производится только по р. Иртышу и то не в большом размере, как кажется, по недостатку предприимчивых людей. Ведомость о судоходстве прилагается под № 24.

ОТДЕЛЕНИЕ V. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

Предметы доходов. Главные источники государственных доходов составляли, как и прежде, податные сборы, прибыль от продажи вина, соли, гербовой бумаги и таможенные сборы.

Общее количество доходов и расходов. В 1860 г. по Семипалатинской обл. было казенных доходов 307 120 руб. 40 коп., расходов 263 309 руб. 90³/₄ коп., затем осталось в Государственном казначействе 43 810 руб. 49¹/₄ коп. Доходы в отчетном году уменьшились против 1859 г. на 45 917 руб. 79³/₄ коп., а расходы на 42 200 руб. 85³/₄ коп.

Податных и всех вообще сборов в 1860 г. поступило по Семипалатинской обл. 4015 руб. 22¹/₂ коп., более против 1859 г. на 588 руб. 74¹/₂ коп. Подробная о сем ведомость прилагается под № 15.

Винные магазины и подвалы. В каком порядке содержались в 1860 г. винные помещения, сведений нет, так как об этом отдает отчетность особо Томская казенная палата, в ведении которой таковые состоят.

Продовольствие народа солью. Все действия и распоряжения местного начальства по обеспечению народного продовольствия Семипалатинской обл. солью зависят от распоряжения Томской казенной палаты.

Запасы соли. Сколько было в 1860 г. запаса соли, сведений нет, так как отчетность по сему предмету отдает особо Томская казенная палата.

Казенные недоимки. К 1 января 1861 г. всех казенных недоимок по Семипалатинской обл., как видно из прилагаемой при этом ведомости под № 37, было:

а) податных	4036 руб. 40 ¹ / ₄ коп.
б) ясачного сбора с киргиз	9112 руб. 19 ¹ / ₄ коп.
в) других казенных взысканий, числящихся в долгу	67 179 руб. 13 ¹ / ₂ коп.

Итого: 80 327 руб. 73 коп.

ОТДЕЛЕНИЕ VI

Казенные оброчные статьи. В отчетном году казенные оброчные сенокосные статьи в Семипалатинской обл. состояли также 17 под названием Черемхановских и Канонирских, кои в 1859 г. отданы с торгов в оброчное содержание крестьянам Канонирского сельского управления на три года, по 80 руб. 50 коп. в год. Вновь же оброчных статей в 1860 г. не поступало.

ОТДЕЛЕНИЕ VII

Земские повинности, почтовые дороги и другие сообщения, мосты и переправы.

Рекрутский набор. Рекрутского набора в 1860 г. производимо не было.

Сбор земских повинностей по Семипалатинской области в 1860 г. простирался на государственные повинности до $60\frac{3}{4}$ коп. с души и на губернские до $18\frac{3}{4}$ коп. Купцы вносили в земский сбор проценты с цены торговых свидетельств: на государственные повинности по $16\frac{1}{2}$ и на губернские по 11 %.

К 1-му января 1860 г. оставалось в недоимке	376 руб. 33 $\frac{1}{4}$ коп.
В 1860 г. следовало к поступлению	5613 руб. 51 $\frac{1}{4}$ коп.
Итого:	5989 руб. 84 $\frac{1}{2}$ коп.

Из этого числа взыскано и исключено	4096 руб. 38 $\frac{1}{4}$ коп.
затем к 1 января 1861 г. осталось в недоимке	1893 руб. 46 $\frac{1}{4}$ коп.

О состоянии земских сборов и недоимок прилагается ведомость под № 16.

Почтовая и земская гоньба. В Семипалатинской обл. в 1860 г. было 92 почтовых станции, на которых имелось 861 почтовых лошадей. Почтовая гоньба содержится от Сибирского линейного казачьего войска, и какие на это были употреблены расходы, сведений нет.

Дороги, мосты и переправы. Шоссейных дорог в области нет; почтовые дороги исправлены и никакого неудобства не представляют. Перевозов и переправ в области — 5, из коих 2 содержатся на счет земского сбора, а 3 — от крестьян Алтайского горного ведомства.

ОТДЕЛЕНИЕ VIII

Состояние городов, присутственных мест, арестантских рот и тюремных помещений.

Состояние городов. Улучшение народного вида и увеличение частного хозяйства постройкою домов в течение 1860 г. заметно было преимущественно в г. Семипалатинске; остальные же города, по бедности и малочисленности жителей, улучшаются медленно, а большую часть от неимения в достаточном количестве лесов. О состоянии городов и округов прилагаются подробные ведомости под № 19 и 20.

Пожарная часть. Пожарные и полицейские команды в городах Семипалатинской обл. содержались в 1860 г. в исправности сообразно с городскими средствами. О состоянии пожарной части прилагается ведомость под № 33.

Городские доходы и расходы. Доходов по городам Семипалатинской обл. было:

	В 1859 г.	В 1860 г.
По Семипалатинскому	7419 руб. 27 $\frac{1}{2}$ коп.	6449 руб. 52 $\frac{1}{4}$ коп.
По Усть-Каменогорскому	1444 руб. 36 коп.	3064 руб. 45 $\frac{1}{4}$ коп.
По Кокпектам	176 руб. 22 $\frac{1}{4}$ коп.	364 руб. 34 $\frac{1}{2}$ коп.
По Сергиополю	114 руб. 11 $\frac{1}{2}$ коп.	473 руб. 50 коп.
По Капалу	70 руб. 30 коп.	1278 руб. 61 $\frac{1}{2}$ коп.
Итого:	9224 руб. 27$\frac{1}{4}$ коп.	11 630 руб. 43$\frac{1}{4}$ коп.

В расходе:

По Семипалатинскому	6647 руб. 43 $\frac{1}{4}$ коп.	6033 руб. 32 $\frac{1}{4}$ коп.
По Усть-Каменогорскому	1444 руб. 36 коп.	1237 руб. 13 $\frac{3}{4}$ коп.
По Кокпектам	12 руб.	—
По Сергиополю	—	—
По Капалу	70 руб.	—
Итого:	7761 руб. 64 коп.	7270 руб. 46 коп.

Из этого видно, что доходы в отчетном году против доходов в 1859 г. увеличились на 2406 руб. 16 коп., а расход уменьшился на 491 р. 18 коп. Городские доходы в Семипалатинской обл. в отчетном году увеличились на 2406 руб. 16 коп., большею частью от переселения в степные города людей промышленных. Остатки городских доходов прежних лет к 1861 г. составляли 39 209 руб. 17 $\frac{3}{4}$ коп. Остатки эти разделяются в ссуду для оборотов местному купечеству с уплатою установленных процентов, а частью отсылаются в кредитные учреждения для приращения процентам; ведомости о городских доходах, расходах и повинностях прилагаются при сем под № 7, 8, 9 и 17.

Присутственные места. По неимению казенных зданий, присутственные места в городах Семипалатинске и Усть-Каменогорске помещаются по найму в частных домах, кроме Семипалатинской городской полиции и Усть-Каменогорского городского хозяйственного управления, которые помещаются в общественных зданиях. Окружные же приказы в степных городах помещаются в казенных домах.

Арестантские роты гражданского ведомства. Арестантских рот гражданского ведомства в области нет.

Тюремные помещения. В Семипалатинской обл. тюрем нет, арестанты гражданского ведомства помещались в 1860 г. в городах Усть-Каменогорске, Кокпектах, Сергиополе и Капале в военных гаупвахтах, а в Семипалатинске — в старинном каменном здании, принадлежащем кордонному ведомству, в четырех отдельных комнатах; о числе арестантов и о количестве издержек, на содержание их употребленных и рассмотренных о них военным губернатором судебных приговоров, прилагаются при сем ведомости под № 21, 31, 34 и 35.

ОТДЕЛЕНИЕ IX. АДМИНИСТРАЦИЯ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО <...>

Уголовное судопроизводство. В течение 1860 г. в Семипалатинской обл. подсудимых обоего пола на свободе под стражею¹ было:

1) Дворян чиновников и канцелярских служителей	22
2) Купцов	11
3) Мещан и других городских обывателей	108
4) Нижних воинских чинов и разночинцев	31
5) Крестьян государственных, заводских и помещичьих	133
6) Иностранцев	829
7) Бродяг и утаивших свое происхождение	3
8) Ссылных поселенцев и каторжных	3
Итого:	1140

Из этого числа судилось:

а) За преступления и проступки против порядка управления и по службе государственной и общественной	384
б) За преступления против жизни, здоровья, свободы, чести и собственности частных лиц	526
г) За преступления и проступки против имущества, доходов, казны	74
д) За поджоги	24
е) За другие преступления	132
Итого:	1140

ОТДЕЛЕНИЕ X. НАРОДНОЕ ЗДРАВЬЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ

Состояние народного здоровья. Народное здоровье в 1860 г. находилось в удовлетворительном состоянии, эпидемических болезней не было.

Оспопрививание. Оспопрививание по Семипалатинской обл. произведено было под наблюдением областного доктора городскими, окружными и военными лекарями, военными лекарскими учениками и фельдшерами. В течение отчетного года, как видно из прилагаемой при сем ведомости под № 3, была привита оспа 2616 человек, более против 1859 г. на 885. Незначительность числа детей, которым привита оспа, происходит от того, что из жителей области большая часть магометане. Коснея глубоко в предрассудках, народ этот, несмотря на убеждения наших врачей, прививать оспы своим детям не соглашается, но о распространении оспопрививания между сими иностранцами местное начальство принимает все возможные меры, внушая и доказывая примерами благие последствия сего средства.

Скотские падежи. В Семипалатинской обл. в отчетном году была повальная болезнь на лошадей и рогатый скот — сибирская язва и местами были упадки значительны, так что в области в течение года было павших близко 2000.

Число врачей, повивальных бабок, аптек, больниц, госпиталей и лазаретов. В Семипалатинской обл. в 1860 г. было: врачей военного

¹ Очевидно, здесь имеются в виду арестанты, находящиеся под надзором полиции.

ведомства — 12, гражданского — 5, повивальных бабок — 4, аптек ни казенных ни вольных нет, лазаретов — 7, больниц гражданского ведомства нет, кроме как в г. Семипалатинске вновь выстроенные деревянные, но еще не открытая — 1, незамещенных медицинских заведений — 1 (городского врача в Усть-Каменогорске).

Попечительные о тюрьмах комитеты. В учрежденном с высочайшего разрешения в г. Семипалатинске попечительном о тюрьмах комитете капитал в отчетном году находился в следующем состоянии:

От 1859 г. осталось сумм казенных	132 руб. 97 1/2 коп.
Частных сумм, принадлежащих комитету	1010 руб. 50 1/2 коп.
Итого:	1143 руб. 48 коп.
В течение 1860 г. вступило сумм казенных	1650 руб.
Частных, принадлежащих комитету	967 руб. 91 1/2 коп.
Итого:	3761 руб. 40 1/2 коп.
В 1860 г. израсходовано:	
Из казенных сумм	1617 руб. 71 коп.
Из собственно комитету принадлежащих	196 руб. 1 коп.
Итого:	1813 руб. 72 коп.
Затем осталось к 1861 г.:	
Казенных	165 руб. 26 1/2 коп.
Комитету принадлежащих	1782 руб. 42 коп.
Итого:	1947 руб. 68 1/2 коп.

ОТДЕЛЕНИЕ XI. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Состояние народного просвещения. В Семипалатинской обл. находятся следующие учебные заведения:

	Число заведений	Число учащихся
Уездное училище	1	65
При нем женская школа	1	14
Приходское училище	1	31
Казачьих училищ	14	400
Частных татарских школ	10	630
Всего:	27	1140

ОТДЕЛЕНИЕ XII. ВАЖНЕЙШИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Перечень происшествий. В 1860 г. в Семипалатинской обл. было, как видно из прилагаемой при сем ведомости под № 30, пожаров (незначительных) — 6, убийств — 5, убитых грозой — 1, скоропостижно умерших — 17, от невоздержания — 2, утонувших — 24, нечаянных смертных случаев — 3, от болезненных припадков — 1, от бурянов зимы — 2.

Важнейшие случаи. Случаев в минувшем году, которые по роду своему могли бы назваться важнейшими, не было.

Виды и предположения. Видов и предположений в отчетном году никаких не было.

Подписали: за председателя советник **Д. Малосапожников**,
советник **Н. Абрамов**, ассессор **Попов**
и секретарь **Томских**.

Верно: товарищ воен. губ.

Семипалатинской обл. (подпись).

ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 10, д. 162. Копия.

Из записки управляющего делами Сибирского комитета В. Буткова генерал-губернатору Западной Сибири о предположениях по вопросам административного переустройства Казахстана.

1864 г., августа 30

Обширная полоса земель от р. Урала до границ Западного Китая, ограниченная с севера оренбургской и сибирской казачьими линиями, а с юга — соседними среднеазиатскими владениями, вмещает более 1 200 000 душ киргизского населения, вполне однородного по своим свойствам и образу жизни. Между киргизом Большой орды, кочующим в Семиреченском округе, и киргизом Малой, жителем приуральской степи, нельзя заметить ощутительной разницы, хотя их разделяет расстояние более 1500 верст. При таком единстве своеобразного характера населения, его умственного развития, религии, нравов и образа жизни разделение Киргизской степи между двумя самостоятельными отдельными управлениями, действующими на совершенно различных началах, может быть объяснено только историческим ходом событий и временными потребностями местной администрации. Сначала управление киргизами в течение продолжительного периода времени имело характер пограничного покровительства. Соприкосновение наше с ордынцами ограничивалось племенами, кочевавшими близ казачьих линий, и главнейшие заботы местных управлений были обращены на распространение нашего влияния в глубь степи, на прекращение своеволия и баранты между киргизами и на обеспечение караванной торговли со среднеазиатскими владениями. В этот период времени администрация Киргизской степи обуславливалась исключительно интересами прилегающих к ней частей империи. Киргизские степи имели совершенно второстепенное значение лишь по отношению их к Оренбургскому краю и Западной Сибири, и потому подчинение киргиз двум смежным с ними ведомствам могло быть допущено. Но со временем, с расширением владений наших в Киргизской степи, в особенности же с введением сибирских учреждений в Средней орде, началом внутреннего развития ордынцев и основанием в степи оседлости и правильного гражданского быта, два пограничных управления получили совершенно различный характер. Так что в настоящее время киргизский народ управляется по двум системам, резко между собой различающимся двумя властями, не имеющими ни в глазах подвластных нам кочевников, ни соседственных с нами народов ничего общего, целого.

Сибирское управление киргизами усиливается внести начала гражданственности и европейского благоустройства в жизни киргиз-

ского народа, вводя порядок, выработанный в образованных странах, а вместе с тем чиновничество и русские формы судопроизводства, чуждые понятиям и условиям жизни кочевников. Должностные лица из туземцев избираются на основании выборного начала. Подати заключаются в ясачном сборе с количества скота. В степи водворены казачьи и гражданские поселения. Постоянные места расположения приказов и водворившиеся при них поселения составили центры торговой деятельности; среди кочевого населения возникли города, так, например, Капал, Сергиополь, Аягуз и др. Ничего подобного нет в Оренбургской степи. Вместо приказов, присутственных мест и чиновников над киргизами поставлены три султана-правителя, назначаемые не по выбору ордынцев, а по определению правительства. Киргизы Оренбургской степи управляются более патриархальным образом, применяясь к их бытовому порядку и нравам. Вместо ясака они платят кибиточный сбор, одинаково распределяемый как на бедного, так и на богатого. Поселений русских и казачьих станиц нет в степи, и даже укрепления состоят одинаково среди кочевий.

Различие между системами управления киргизами существует даже в отдельных частях степи, подведомственной Западной Сибири. Так, например, порядок администрации и судопроизводства, существующий в областях сибирских киргиз и Семипалатинской, вовсе не введен в Алаевском округе, где управление киргизами Большой орды сходно с системой, принятой в оренбургской части степи и т. д.

Отдать предпочтение той или другой системе управления, имеющим каждая свои хорошие и дурные стороны, трудно, но при тождественности предметов занятий обеих администраций, разрозненность и бессвязанность начал в управлении одним и тем же племенем не может иметь благоприятных следствий для развития гражданственности полудикого народа, не может вселить в ордынцах надлежащее понятие о силе и могуществе верховной власти и соответствовать видам правительства. Поэтому необходимо управление киргизским народом сосредоточить в одних руках и подвергнуть критическому разбору результаты обеих систем, ввести постепенно, по возможности, одинаковые начала администрации во всей Киргизской степи. Вместо нынешнего разделения на 3 области, Киргизскую степь может быть было бы удобно разделить только на 2 — Западную и Восточную Киргизские степи. Центры управления сих областей перенести в степь: Западную области — в укр. Оренбургское или иной пункт, Восточной — в Сергиополь, Каркаралинск или иной пункт, по ближайшему соображению местных обстоятельств.

Независимо от сего, есть еще предположения: а) с соединением областей сибирских киргиз и Семипалатинской в одно управление, назначить местом пребывания для Областного правления г. Акмолы, а округ внутренних киргиз, равно города. Семипалатинск и Усть-Камелогорск отчислить попрежнему к Томской губернии; б) управление Сыр-Дарьинской линией, Алаевским военным округом и вновь приобретенными землями соединить в одно, упразднив существующие ныне должности командующего сыр-дарьинской линией и военного начальника Алаевского округа; войска, расположенные в этой местности, подчинить начальнику пограничной линии на правах начальника дивизии, назначив местопребывание ему в Туркестане, а гражданское управление этой частью устроить в том виде, в каком

оно существует ныне на сыр-дарьинской линии; в) для удобства управления всей Киргизской степью учредить прямое почтовое сообщение от Оренбурга до Акмолов и оттуда чрез Сергиополь до Кок-бектов; г) с подчинением сибирского казачьего войска управлению оренбургского генерал-губернатора бийскую и кузнецкую линии упразднить, предоставив казакам, на ней водворенным по собственному желанию, или переселиться на новую пограничную линию, или перечислиться в свободные сельские обыватели...

<...>

3. Может ли быть признана удобоисполнимой мысль о соединении областей Семипалатинской и сибирских киргиз в одну область или, иначе сказать, в состоянии ли будет одно областное управление действовать с надлежащим успехом на всем пространстве, составляющем теперь эти две области и, в таком случае, где удобнее поместить центральное управление области и чего будет стоить перенесение и устройство там оногo? 4. Равным образом, возможно ли по местным условиям упразднение Алатавского военного округа с подчинением этой местности вместе с сырдарьинской линией одному начальнику, местопребывание которого было бы в Туркестане? 5. Наконец, не будет ли более удобным, с подчинением всей Киргизской степи одному главному начальнику, оставить обе означенные области и Алатавский округ в настоящем их положении, предоставив ближайшему соображению сего начальника разрешение всех вопросов как об административном разделении областей и округов, так и о составе будущего управления их? 6. Чрез какие именно пункты области сибирских киргиз мог бы быть установлен удобнейший по топографическим условиям и выгоднейший в экономическом отношении прямой почтовый путь на г. Оренбург, в какую сумму приблизительно могут обойтись первоначальные издержки как на проложение сего пути, так и на устройство в потребных местах почтовых домов и прочих почтовых принадлежностей и на какой местный источник могут быть обращены все расходы по настоящему предмету? 7. При переселении в степь на передовую линию всех или некоторой части сибирских казаков, расположенных ныне по бийской и кузнецкой линиям в Томской губернии, какое дать назначенные землям, долженствующим остаться затем свободными в этой губернии? ¹

ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 496, д. 99, л. 43 об. — 50. Копия.

---

¹ Следующий далее текст об административном устройстве Западной Сибири опущен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	9
1. НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ	
Побудительные мотивы русско-казахского сближе- ния в начале XVIII в.	27
Правовой акт о присоединении Младшего и Сред- него жузов к России	37
2. УПРОЧЕНИЕ РУССКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
Русско-казахские связи до середины XVIII в.	51
Политика России в Казахстане во второй половине XVIII в.	73
3. КАЗАХСТАН В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.	
Экономическое положение	99
Политический строй и классовая структура	103
Классовая борьба и ликвидация ханской власти	112
Присоединение Старшего жуза к России	126
4. ВЛИЯНИЕ РОССИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕ- СКУЮ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА	
Введение новой системы управления	133
Аграрная политика царизма	136
Развитие торговли. Усиление имущественного не- равенства	146
5. В КАНУН ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ	
Приобщение трудящихся Казахстана к общерос- сийскому революционному процессу	153
Первая мировая война и Казахстан	158
Народно-освободительное движение	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
ПРИЛОЖЕНИЕ (Документы и материалы)	174

**Бегежан Сулейменович Сулейменов,
Валентин Яковлевич Басин**

**КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ РОССИИ
В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

(Истоки великого содружества)

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии
и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР*

*Рецензенты: доктора исторических наук Х. Аргынбаев,
В. Буганов, кандидат исторических наук Б. Кумеков*

*Редактор В. В. Сирожидинова
Худ. редактор А. Б. Мальцев
Оформление художника Л. И. Матвеева
Техн. редактор Е. М. Тахметова
Корректор Е. Н. Дремкова*

ИБ № 829

Сдано в набор 22.07.81. Подписано в печать 25.08.81. УГ10078.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 1.

Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 13.

Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 1900. Заказ 154. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.

Типография издательства «Наука» Казахской ССР.

Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28